зажги свою звезду

ГАГАРИН И ГАГАРИНЦЫ

SHOUT
SHARE
IT

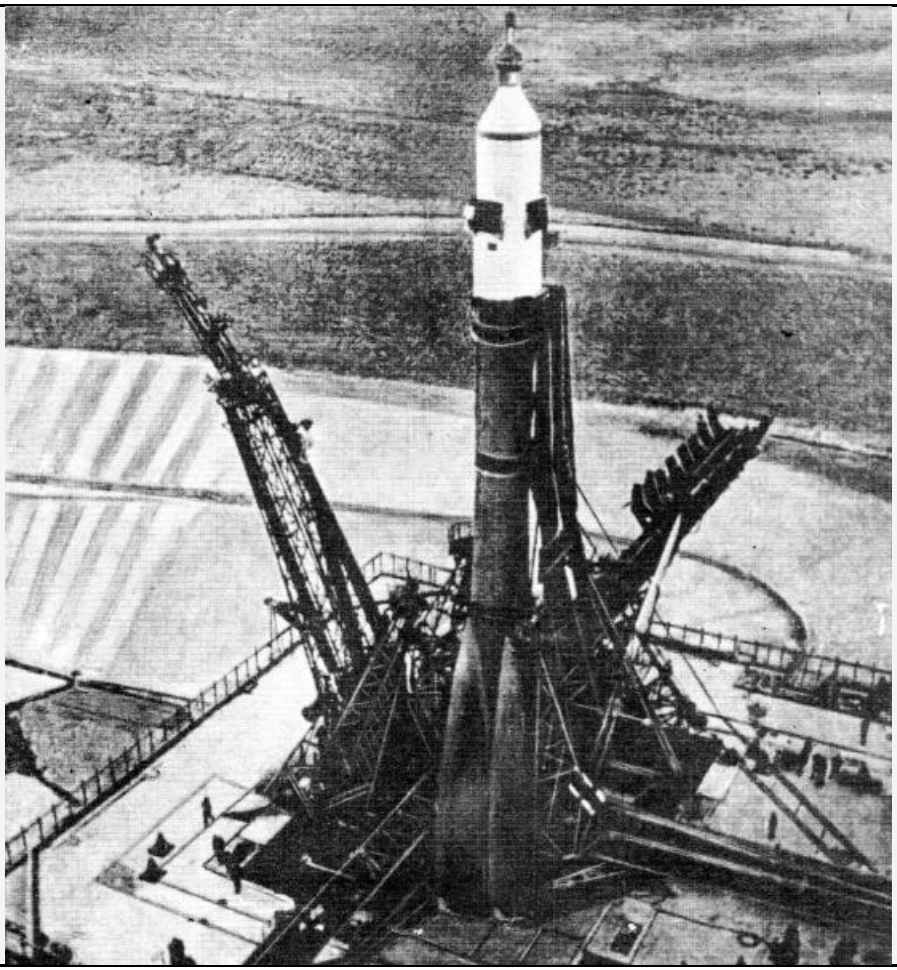
Annotation

Первый в мире космонавт Герой Советского Союза Ю. А. Гагарин закончил Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков имени И. С. Полбина. В Оренбуржье, на Южном Урале его считают своим земляком и стремятся быть во всем достойными подвига первого космонавта мира. Эта книга — о первопроходце Вселенной, его бессмертной славе. Она и о тех, кто является настоящими гагаринцами — людях дерзкой мечты и упорного труда.

- Гагарин и гагаринцы
  - ○
  - ○ ВСТУПЛЕНИЕ
  - ○ ЖИВОЙ ПЛАМЕНЬ ПОДВИГА
    - ■ Константин Симонов
    - ■ Ю. Гагарин
    - ■ Иван Мирошников
    - ■ М. Залюбовская
      - ■
      - ■ ОН В КАЖДОМ — КАК ПРАЗДНИК
      - ■ А КТО ЗАМЕНИТ ЧКАЛОВА?
      - ■ КУРСАНТСКИЕ ПОГОНЫ
      - ■ О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ…
      - ■ ТВОЙ МИЛЫЙ ОБРАЗ
      - ■ А МНЕ ВЕЛИКОЕ ЖЕЛАННО…
      - ■ ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ПОБЕДА?..
      - ■ ВАЛЯ ГОРЯЧЕВА
      - ■ ОН БЫЛ ДЛЯ НЕБА СОЗДАН
      - ■ ЮРИЙ И ВАЛЕНТИНА
      - ■ УРОКА НЕ БУДЕТ
      - ■ ОРЕНБУРГСКИЙ МЕРИДИАН
      - ■ ТАК УПОИТЕЛЬНО КАСАТЬСЯ ЗЕМЛИ
      - ■ ЭТО ОГРОМНОЕ НЕБО
      - ■ ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО
      - ■ ЗОЛОТЫЕ ПОГОНЫ
      - ■ Я ПОНЯЛ: МЕДЛИТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ
      - ■ ЖЕНА
      - ■ ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ
  - ○ ПАРТИИ И РОДИНЕ ПРЕДАН!
    - ■ АТТЕСТАЦИЯ
    - ■ ПОЧЕТНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ
    - ■ ТЕЛЕГРАММА КОЛЛЕКТИВА ОРЕНБУРГСКОГО

- ВЫСШЕГО ВОЕННОГО АВИАЦИОННОГО УЧИЛИЩА ЛЕТЧИКОВ Ю. А. ГАГАРИНУ
  - ОТВЕТ Ю. А. ГАГАРИНА
  - ЭТИМ МЫ ГОРДИМСЯ
- ФОТОГРАФИИ
- ОН В ПАМЯТИ, ОН В СЕРДЦЕ
  - Г. Серков,
  - Ф. Комлев,
  - И. Уханов
- ШАГАЙ ВПЕРЕД, КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ!
  - Иван Мирошников
  - В. Савельзон
  - Ю. Северов
    -
    - СУДЬБЫ ТРУДОВЫЕ
    - ЗВЕЗДНАЯ ВЫСОТА
  - Николай Попенко
  - В. Кулагин
  - Л. Шерстенников
  - Ю. Сердюков
    - ВЫСОТА
    - УЛИЦА
    - КАРАВАЙ
    - КРЫЛЬЯ
  - Александр Возняк
- ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гагарин и гагаринцы



ПЕЧАТАЕТСЯ
ВО ВСЕРОССИЙСКОЙ СЕРИИ
„ЗАЖГИ СВОЮ ЗВЕЗДУ“

ГАГАРИН И ГАГАРИНЦЫ

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1980

КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ ЧЕЛОВЕКА — ЭТО РЕЗУЛЬТАТ УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАНДИОЗНОЙ ПРОГРАММЫ РАЗВЕРНУТОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, НЕУСТАННОЙ ЗАБОТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И ЕЕ ЛЕНИНСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О НЕПРЕРЫВНОМ РАЗВИТИИ НАУКИ, ТЕХНИКИ, КУЛЬТУРЫ, О БЛАГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА.

...ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС СТАНЕТ ИСТОЧНИКОМ НОВОГО ВДОХНОВЕНИЯ И ДЕРЗАНИЙ

ДЛЯ ВСЕХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ВО ИМЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПРОГРЕССА И МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ.

Из приветствия ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров Союза ССР в связи с полетом в космос Ю. А. Гагарина

ВСТУПЛЕНИЕ

Книга, которую вы открыли, о вдохновляющем примере Юрия Алексеевича Гагарина, о гагаринцах наших дней — на земле и в небе.

Когда мы говорим, обращаясь к юноше, к девушке, — «Зажги свою звезду», всякий раз думаем о тех, кто же способен воодушевить молодого человека на выбор единственно верного жизненного пути, на определение активной позиции личности, на подлинно героические дерзания.

Среди тех, кого можно и нужно брать за образец, — он, Гагарин, герой среди героев, вечный идеал беспокойной юности. Академик Сергей Павлович Королев сказал о нем:

> «Юра — олицетворение вечной молодости нашего народа. В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие».

Нет на земле человека, который бы не знал Гагарина, совершившего 12 апреля 1961 года впервые в мире беспримерный полет в просторы Вселенной. Сначала он облетел, а затем объехал весь земной шар. Его встречали десятки стран, орбитами мира и дружбы называли люди эти поездки героя космоса. Но Оренбургский меридиан был по-особому дорог Юрию Гагарину. Мне посчастливилось не раз встречать его в Оренбурге, беседовать с ним, и в памяти моей, как и в памяти миллионов людей земли, навсегда осталась его покорившая весь мир улыбка, его неиссякаемая доброта и душевная щедрость.

«Многое дал мне Оренбург — и семью, и власть над самолетом», — с особой гордостью и теплотой часто говорил Юрий Алексеевич. Он прекрасно знал Оренбург рабочий, Оренбург учащийся, Оренбург молодежный. И город наш всегда встречал своего воспитанника по-рабочему тепло и искренне. Он был способным курсантом Оренбургского летного училища. Здесь 8 января 1956 года Юрий Гагарин принял присягу. Этот день «запомнился на всю жизнь» — вспоминал потом Юрий.

— Каждый с оружием в руках выходил из строя, становился лицом к товарищам и командиру и громко зачитывал слова военной присяги. Одним из первых, по алфавиту, вышел вперед я и, замирая от волнения, произнес: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик…»

Всю свою жизнь он с достоинством нес это высокое звание

гражданина Страны Советов. И когда его на одной из пресс-конференций спросили, был ли у него в кабине космического корабля «Восток» какой-нибудь талисман, он ответил: «Да, в кармане моего скафандра находилось удостоверение, что я — гражданин Советского Союза. Это самый надежный талисман…»

В нашем училище Юрий Гагарин прошел первую армейскую школу. Он жил по уставу, учился по уставу — с честью носил военную форму, овеянную пороховым дымом священных битв и сражений, любил воинский порядок, строевой шаг и курсантские песни.

Недаром после возвращения из космоса в телеграмме курсантам своего родного Оренбургского училища Ю. А. Гагарин писал:

> «Товарищи курсанты, товарищи комсомольцы, помните, что в жизни не может быть успеха без высокого овладения современной техникой, крепкой физической закалки и высокой сознательной воинской дисциплины».

Без преувеличения можно сказать, что Оренбургскому высшему военному авиационному Краснознаменному училищу принадлежит большая роль в воспитании первого космонавта нашей планеты. Здесь Юрий Гагарин овладел высотами летного мастерства на реактивных машинах, здесь закалился его характер, сформировались такие качества, как бесстрашие, мужество, выносливость, совершенное знание авиационной и военной техники.

Огромное значение имели боевые традиции училища, бессмертные подвиги его воспитанников. Иван Полбин, Андрей Юмашев, Михаил Громов, Анатолий Серов… Не случайно закрепилось за училищем гордое имя «школа героев»!

Здесь учился Григорий Бахчиванджи, первым испытавший реактивный самолет…

Десятки легендарных имен, славных соколов, истинных сынов Отечества! Будущий космонавт свято чтил их подвиг, впитывал лучшие черты. Он был их однополчанином по духу, по устремлениям, по идейным убеждениям и горячей любви к Родине.

Именно об этом Юрий Алексеевич сказал в своем знаменитом заявлении перед стартом:

> «…Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я

испытал большое счастье… Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня… Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если, тем не менее, я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей…»

Подвиг трудно совершить в одиночку. Об этом говорил и сам Юрий Гагарин. Сын смоленского крестьянина, через ремесленное училище пришедший в рабочий класс, военный летчик Ю. А. Гагарин чутко воспринимал все составляющие своего подвига. В нем слились воедино труд рабочих, хлеборобов, инженеров, ученых, партийных организаторов — всех тех, кто готовил этот первый в мире космический полет. А пилот космического корабля «Восток» Юрий Гагарин как бы завершил подвиг народа-созидателя, выполнив приказ партии, приказ Родины.

Мы гордимся тем, что первым человеком, проложившим дорогу в космос, был наш советский человек, коммунист! Это — событие огромной важности, продемонстрировавшее всему миру мудрость и результативность ленинской политики КПСС и советского государства, преимущества социализма, колоссальный творческий потенциал советских людей. Это был мирный полет посланца самого миролюбивого народа.

И когда Юрий Гагарин вернулся из космоса, на одной из пресс-конференций он высказал такую мысль, что при взгляде на нашу Землю с космической высоты поражает не только красота того или иного континента, бросается в глаза их близость друг к другу, их единство. Все части света как бы составляют одно целое.

Молодой читатель, вслушайся в слова героя, вдумайся в судьбу этого человека, вглядись в его пути к вершинам, обдумай все как урок — урок жизни. Да ведь это и есть настоящий, поучительный урок. Гагарин — не «сверхбогатырь» из легенды, а очень земной, очень человечный человек, тем и понятный, близкий, созвучный нам; его жизнь сама по себе говорит каждому из молодых: «Дерзай, ищи, иди вперед и обязательно зажги свою звезду — это в твоих силах!»

Сегодня нет с нами Юрия Гагарина. Он погиб как солдат 27 марта 1968 года, вместе с отважным испытателем инженер-полковником Владимиром Серегиным, совершая тренировочный полет на самолете. Но дело его продолжает растущий отряд

космонавтов Советского Союза. Космос становится ареной мира и дружбы. Люди побывали на Луне. Космические аппараты достигли далеких планет: Венеры, Марса. Успешно сотрудничают в освоении космоса страны социализма.

Оренбуржцы, как и все советские люди, свято чтут память первого космонавта земли Юрия Алексеевича Гагарина, бережно хранят все, что связано с его именем, с его пребыванием в нашем крае. Юрий Гагарин любил молодежь, часто встречался с ней, он говорил, что всегда «чувствовал себя сыном могучего комсомольского племени и не считал себя вправе искать тихие гавани и бросать якорь у первой пристани».

Какие замечательные слова, товарищи! А каждый ли из вас, всегда и во всем, чувствует себя сыном «могучего комсомольского племени» и ведет себя соответственно этому — не ищет «тихих гаваней», не останавливается на достигнутом, не довольствуется малым?

Нет, каждому из молодых, всем юным надо, необходимо, чтобы были они гагаринцами. Росли такими, были такими — во всем и всегда, везде и всюду.

Гагаринцы… Это слово неотделимо от имени замечательного народного героя. Быть гагаринцем — значит продолжать дело Юрия Гагарина в любом месте, на любой стезе жизни.

Именно на любой стезе.

Задумывались ли вы над тем, почему в дни страды, в дни высшего трудового напряжения вдохновляющей оценкой звучат телеграммы друзей и соратников Юрия Гагарина, славных героев-космонавтов?

Радующие результаты достигнуты на оренбургской земле в 1979 году. Трудящиеся области одержали еще одну победу — в закрома Родины засыпано 4 миллиона тонн, а с начала десятой пятилетки 16,7 миллиона тонн хлеба, или более одного миллиарда пудов. Такой рубеж мы взяли впервые. Замечательную трудовую победу оренбуржцы посвятили 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, нашего великого вождя и учителя.

И вот в период самых горячих работ космонавты оказались среди хлеборобов. На всю область разнеслись их голоса из прославленного «Звездного».

Приведу одну из таких телеграмм.

«Соль-Илецкий район, совхоз «Южный»,
Николаю Дмитриевичу Комнатову.

Уважаемый Николай Дмитриевич!

С искренней радостью узнал о Вашем замечательном рекорде во время ударной вахты на косовице и обмолоте хлебов в совхозе «Южный».

Киномеханик по профессии — хлебороб по призванию, Вы, дорогой Николай Дмитриевич, комбайном СК-4 скосили за сутки 96 гектаров хлебов, выполнив пять дневных норм, а с начала жатвы на Вашем счету более 500 гектаров.

Ваше достижение — замечательный пример для тружеников области в борьбе за большой хлеб Оренбуржья, выполнение задач, поставленных июльским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС.

Желаю Вам доброго здоровья, счастья, новых трудовых успехов!

Летчик-космонавт СССР,

Герой Советского Союза,

полковник Ю. В. Романенко».

Тот, кто удостоился таких телеграмм, — гагаринец. И каждый, кто добился на жатве-79 «космических» высот, этого гордого звания заслуживает по праву. Как и наши новаторы, передовики-энтузиасты, наставники в промышленности, в строительстве, на транспорте.

Юрий Гагарин — почетный член Оренбургской городской комсомольской организации. Его именем названы первая в стране Оренбургская школа юных космонавтов, один из центральных проспектов города. По просьбе рабочих совхоза «Караванный» Оренбургского района этому хозяйству присвоено имя Гагарина. Пионерские отряды и дружины многих школ Оренбуржья гордятся высоким званием гагаринцев, стремясь во всем походить на славного воспитанника Ленинского комсомола. У центрального входа в Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков застыл на пьедестале знаменитый реактивный истребитель, тот самый «МИГ», на котором взлетел в оренбургское небо будущий космонавт Юрий Гагарин. «Летать любит. Летает смело и уверенно», — такую высокую оценку дало командование училища своему выпускнику. Тысячи людей приходят к этому своеобразному памятнику герою космоса, который любил молодое поколение, мечтающее о полетах в просторы Вселенной, и завещал: «Мечтайте! Дерзайте! Но помните: дорога в космос — дорога не только смелых, но и сильных и духом, и телом, и знаниями!..»

Быть гагаринцами — значит активно участвовать в военно-патриотической работе, в развитии физической культуры и спорта, в многообразной общественной жизни своих городов и сел, своих трудовых и учебных коллективов.

Юрий Алексеевич Гагарин всегда в сердцах советских людей. Он вдохновляет на труд и на подвиг.

Гагарин был и будет с народом, который дал ему крылья и послал в космос, с народом, который он прославил.

Гагаринцы платят ему любовью и верностью.

А. К О В А Л Е Н КО,
первый секретарь Оренбургского обкома КПСС,
дважды Герой Социалистического Труда,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР

ЖИВОЙ ПЛАМЕНЬ ПОДВИГА

Константин Симонов
САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Рассвет. Еще не знаем ничего.
Обычные «Последние известия»…
А он уже летит через созвездия.
Земля проснется с именем его.
«Широка страна моя родная…» —
Знакомый голос первых позывных.
Мы наши сводки начинали с них,
И я недаром это вспоминаю.
Не попросив подмог ни у кого,
Сама восстав из пепла войн и праха,
Моя страна, не знающая страха,
Шлет ныне в космос сына своего.
Мы помним все. Ничто не позабыто.
Но мы за мир. Всерьез! Для всех! Навек!
И выведен на мирную орбиту,
С природой в бой идет наш человек.
Волненье бьет, как молоток, по нервам;
Не каждому такое по плечу:
Встать и пойти в атаку, самым первым!
Искать других сравнений не хочу.

Ю. Гагарин
СРЕДА, 12 АПРЕЛЯ
Из книги «Дорога в космос»

Приближалось время старта. Вот-вот нас должны были отправить на космодром Байконур, расположенный восточнее Аральского моря в широкой, как океан, казахской степи. И все же я томился нетерпением, никогда, кажется, ожидание не было так тягостно. Я знал, что корабль, на котором предстояло лететь, получил название «Восток». Видимо, нарекли его так потому, что на востоке восходит солнце и дневной свет теснит ночную тьму, двигаясь с востока.

Перед нашим отъездом состоялось напутственное партийное собрание. Все предполагали, что в первый полет назначат меня. Выступали те, кто уезжал на космодром, и те, кто оставался.

— Мы завидуем вам хорошей, дружеской завистью… Желаем счастливого полета… Вернувшись из космоса, не зазнавайтесь, не дерите нос кверху, будьте всегда скромными, такими, как сейчас, — говорили товарищи, выступавшие на собрании.

Дали мне слово. Я сказал:

— Я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов. Заверяю своих товарищей коммунистов в том, что не пожалею ни сил, ни труда, не посчитаюсь ни с чем, чтобы достойно выполнить задание партии и правительства. На выполнение предстоящего полета в космос пойду с чистой душой и большим желанием выполнить это задание, как положено коммунисту… Я присоединяюсь к многочисленным коллективам ученых и рабочих, создавших космический корабль и посвятивших его XXII съезду КПСС.

Собрание было немногословным и немножечко напоминало митинг. Все были взволнованы. Видимо, во время войны так же сердечно и задушевно коммунисты провожали своих товарищей на фронт.

На космодром летело несколько космонавтов. Все могло случиться. Достаточно было соринке попасть в глаз первому кандидату для полета в космос, или температуре у него повыситься на полградуса, или пульсу увеличиться на пять ударов — и его надо было заменить другим подготовленным человеком. Уезжающие товарищи были так же готовы к полету, как я. Старт должен был состояться точно в назначенный день и час, минута в минуту. Вместе с нами на космодром ехали несколько специалистов и врач.

Незадолго, до намеченного дня полета я побывал в Москве. И всю дорогу на космодром вспоминал волнение, охватившее меня, когда я стоял возле Мавзолея. У советских людей стало внутренней потребностью перед решающим шагом в жизни идти на Красную площадь, к Кремлю, к Ленину. Светлыми июньскими ночами тут проходят, взявшись за руки, юноши и девушки, получившие аттестаты зрелости. Двадцать лет назад, в грозовом сорок первом году, отправляясь на фронт, мимо Мавзолея проходили войска, полки московского ополчения. Откуда бы ни приезжали советские люди в Москву, они обязательно побывают на Красной площади. То же делают и наши зарубежные друзья.

Я медленно шагал вдоль кремлевских стен по набережной реки. Под бой курантов Спасской башни пересек Красную площадь. С рукой, поднятой к козырьку, остановился у Мавзолея, посмотрел, как сменяется караул, и, умиротворенный полетом голубей и шелестом развевающегося на ветру Государственного флага над Кремлевским Дворцом, медленно побрел по городу, равного которому нет в мире. Вокруг шумел охваченный предчувствием весны людской поток. Тысячи людей шли навстречу и обгоняли меня. Никому не было до меня дела, и никто не знал, что готовится грандиозное событие, подобного которому еще не знала история. «Как обрадуется наш народ, когда задуманное свершится!» — думал я.

В ту же ночь мы улетели на космодром. С нами летел Евгений Анатольевич — наш командир, врач и наставник, человек необыкновенного обаяния и такта, двадцать лет пекущийся о здоровье летчиков. Он работал с нами с первого дня, и для него, как он говорил, не оставалось неразрезанных книг. Он знал о каждом больше, чем знали о себе мы сами. Было приятно, что с нами на космодром летит и Николай Петрович Каманин — один из первых Героев Советского Союза, воспитатель многих известных летчиков.

За окнами самолета клубились вспененные облака, в их просветах проглядывала по-весеннему оголившаяся земля, кое-где покрытая еще талым снегом. Я глядел вниз и Думал о родителях, о Вале, о Леночке и Галинке. Представил себе, что стану делать после полета, и тут же решил: буду учиться. Рядом сидел мой ближайший друг — Герман Титов, великолепный летчик, коммунист, принятый в кандидаты партии нашей организацией, человек с чистой, почти детской жизнерадостностью. Он тоже смотрел на проплывающую внизу землю и тоже думал и, наверное, о том же самом, о чем размышлял и я. Порой наши взгляды встречались, и мы улыбались, понимая друг друга без слов. Опасения тех, кто полагал, будто нас нельзя предупреждать

о полете, чтобы не нервничали, не оправдались. И я и мой товарищ, который в любом случае был готов занять место в кабине «Восток», чувствовали себя превосходно.

Герман Титов сидел ко мне в профиль, и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного.

На космодроме нас ждали. Там мы встретили многих знакомых специалистов и Главного Конструктора. Я знал, что для этих людей никогда не наступит покой. Они всегда будут искать новое, всегда дерзать. Только творческое содружество больших коллективов ученых и инженеров, объединенных смелой мыслью, могло породить космический корабль, определить ему надежный путь вокруг планеты с возвращением на Землю.

Все на космодроме, куда мы прилетели перед стартом «Востока», вызывало восхищение и восторг. Здесь хотелось ходить с обнаженной головой, держа фуражку в руке. Рационально расположенные наземные установки для запуска космических ракет и наблюдения за ними в полете, может быть, еще более сложны, чем сам космический корабль.

Время убыстрило свой бег. Наступил предполетный день. Нам дали полный отдых. Работал магнитофон, успокаивающая музыка тихо струилась вокруг. Вечером мы сыграли партию на бильярде. Игра продолжалась недолго. Ужинали втроем: доктор и нас двое. Уже несколько дней мы питались «по-космически», выдавливая в рот вкусную питательную пищу. О полете разговоров не было, говорили о детстве, о прочитанных книгах, о будущем. Беседа велась в шутливом тоне, мы весело подтрунивали друг над другом. Никаких сомнений ни у кого не оставалось.

Зашел Главный Конструктор. Как всегда, внимательный, добрый. Ничего не спрашивая, шутливо сказал:

— Через пять лет можно будет по профсоюзной путевке летать в космос.

Мы расхохотались. Наше самочувствие понравилось ему, и он, мельком взглянув на ручные часы, быстро ушел. Я не уловил в нем и тени тревоги. Он был уверен в себе.

Врач наклеил на мое тело семь датчиков, регистрирующих физиологические функции. Довольно долгая, не особенно приятная процедура, но я к ней привык: ее проделывали с нами не один раз во время тренировок.

В 21 час 50 минут Евгений Анатольевич проверил кровяное давление, температуру, пульс. Все нормально: давление 115 на

75; температура 36,7; пульс 64.

— Теперь спать, — сказал он.

— Спать? Пожалуйста, — покорно ответил я и лег в постель.

Вместе со мной в комнате на другой койке расположился Герман Титов. Уже несколько дней мы жили по одному расписанию и во всем походили на братьев-близнецов. Да мы и были братьями, нас кровно связывала одна великая цель, которой мы отныне посвятили свои жизни.

Мы перекинулись двумя-тремя шутками. Вошел Евгений Анатольевич.

— Мальчики, может быть, вам помочь спать? — спросил он, опуская руки в карман белоснежного халата.

В один голос мы отказались от снотворного. Да у него, наверное, и не было с собой таблеток: он был уверен, что мы откажемся их глотать. Хороший врач, он знал потребности своих пациентов. Ходили слухи, что летчик, у которого болела голова, просил у него пирамидон, он давал порошок соды. Пациент выпивал ее, и головную боль снимало как рукой.

Минут через семь я уснул.

После полета Евгений Анатольевич рассказывал, что, когда он через полчаса потихоньку вошел в спальню, я лежал на спине и, приложив к щеке ладонь, безмятежно спал. Герман Титов тихо спал на правом боку. Ночью доктор еще несколько раз заглядывал к нам, но мы этого не слышали и, как он говорил, ни разу не переменили позы. Спал я крепко, ничто меня не тревожило, и ничего не приснилось. В три часа ночи пришел Главный Конструктор, заглянул в дверь и, убедившись, что мы спим, ушел. Рассказывали, что в руках у него был последний номер журнала «Москва», он не мог уснуть и читал далеко за полночь.

Евгений Анатольевич не сомкнул глаз и проходил вокруг дома всю ночь. Его тревожили проезжавшие по дороге автомашины и звуки, нет-нет да и долетавшие сюда из монтажного цеха; но мы спали, как новорожденные младенцы, и ничего не слышали и обо всем этом узнали после.

В 5.30 Евгений Анатольевич вошел в спальню и легонько потряс меня за плечо.

— Юра, пора вставать, — услышал я.

— Вставать? Пожалуйста…

Я моментально поднялся; встал и Герман, напевая сочиненную нами шутливую песенку о ландышах.

— Как спалось? — спросил доктор.

— Как учили, — ответил я.

После обычной физзарядки и умывания завтрак из туб: мясное пюре, черносмородиновый джем, кофе. Начались

предполетный медицинский осмотр и проверка записей приборов, контролирующих физиологические функции. Все оказалось в норме, о чем и был составлен медицинский протокол. Подошла пора облачаться в космическое снаряжение. Я надел на себя теплый, мягкий и легкий комбинезон лазоревого цвета. Затем товарищи принялись надевать на меня защитный ярко-оранжевый скафандр, обеспечивающий сохранение работоспособности даже в случае разгерметизации кабины корабля. Тут же были проверены все приборы и аппаратура, которыми оснащен скафандр. Эта процедура заняла довольно продолжительное время. На голову я надел белый шлемофон, сверху — гермошлем, на котором красовались крупные буквы: «СССР».

Одним из снаряжающих меня в полет был заслуженный парашютист Николай Константинович, обучавший космонавтов сложным прыжкам с парашютом. Его советы были ценны, ведь он уже несколько раз катапультировался из самолетов с креслом, подобным установленному в космическом корабле и также снабженным специальным парашютным устройством. Это было тем более важно, что по программе первого космического полета для большей надежности на случай посадки корабля на не совсем удобной для этого площадке был принят вариант, при котором на небольшой высоте космонавт катапультировался с борта корабля и затем, отделившись от своего кресла, приземлялся на парашюте. Корабль же совершал нормальную посадку.

Пришел Главный Конструктор. Впервые я видел его озабоченным и усталым — видимо, сказалась бессонная ночь. И все же мягкая улыбка витала вокруг его твердых, крепко сжатых губ. Мне хотелось обнять его, словно отца. Он дал мне несколько рекомендаций и советов, которых я еще никогда не слышал и которые могли пригодиться в полете. Мне показалось, что, увидев космонавтов и поговорив с ними, он стал более бодрым.

— Все будет хорошо, все будет нормально, — сказали мы с Германом одновременно.

Люди, надевавшие на меня скафандр, стали протягивать листки бумаги, кто-то подал служебное удостоверение — каждый просил оставить на память автограф. Я не мог отказать и несколько раз расписался.

Подошел специально оборудованный автобус. Я занял место в «космическом» кресле, напоминавшем удобное кресло кабины космического корабля. В скафандре есть устройства для вентиляции, к ним подаются электроэнергия и кислород. Вентиляционное устройство было подключено к источникам питания, установленным в автобусе. Все работало хорошо.

Автобус быстро мчался по шоссе. Еще издали увидел я

устремленный ввысь серебристый корпус ракеты, оснащенной двигателями общей мощностью в двадцать миллионов лошадиных сил. Чем ближе мы подъезжали к стартовой площадке, тем ракета становилась все больше и больше, словно вырастая в размерах. Она напоминала гигантский маяк, и первый луч восходящего солнца горел на ее острой вершине.

Погода благоприятствовала полету.

Небо выглядело чистым, и только далеко-далеко жемчужно светились перистые облака.

— Миллион километров высоты, миллион километров видимости, — услышал я. Так мог сказать только летчик.

На стартовой площадке я увидел Главного Конструктора. Здесь же находились члены Государственной комиссии по проведению первого космического рейса, руководители космодрома и стартовой команды, ученые, ведущие конструкторы, мой верный друг Герман Титов и другие товарищи космонавты. Все заливал свет наступающего нового дня.

— Какое жизнерадостное солнце! — воскликнул я.

Вспомнились первый полет на Севере, проплывающие под самолетом сопки, покрытые розовым снегом, земля, забрызганная синеватыми каплями озер, и темно-синее холодное море, бьющееся о гранитные скалы.

— Красота-то какая! — невольно вырвалось у меня. «Не отвлекайтесь от приборов», — строго сказал мне тогда командир звена Васильев. Давно это было, а вот вспомнились его слова: «Эмоции — эмоциями, а дело прежде всего…»

Нетерпение росло. Люди поглядывали на хронометры. Наконец доложили, что ракета с кораблем полностью подготовлена к космическому полету. Оставалось только посадить космонавта в кабину, в последний раз проверить все системы и произвести запуск.

Я подошел к председателю Государственной комиссии — одному из хорошо известных в нашей стране руководителей промышленности — и доложил:

— Летчик старший лейтенант Гагарин к первому полету на космическом корабле «Восток» готов!

— Счастливого пути! Желаем успеха! — ответил он и крепко пожал мне руку. Голос у него несильный, но веселый и теплый, похожий на голос моего отца.

Я глядел на корабль, на котором должен был через несколько минут отправиться в небывалый рейс. Он был красив, красивее локомотива, парохода, самолета, дворцов и мостов, вместе взятых. Подумалось, что эта красота вечна и останется для людей всех стран на все грядущие времена. Передо мной было не только

замечательное творение техники, но и впечатляющее произведение искусства.

Перед тем как подняться на лифте в кабину корабля, я сделал заявление для печати и радио. Меня охватил небывалый подъем душевных сил. Всем существом своим слышал я музыку природы: тихий шелест трав сменялся шумом ветра, который поглощался гулом волн, ударяющих о берег во время бури. Эта музыка, рождаемая во мне, отражала всю сложную гамму переживаний, рождала какие-то необыкновенные слова, которые я никогда не употреблял раньше, в обиходной речи.

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! — сказал я. — Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом! Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением…

Я сделал паузу, собираясь с мыслями. И вся прожитая жизнь пронеслась перед глазами. Я увидел себя босоногим мальчонкой, помогающим пастухам пасти колхозное стадо… Школьником, впервые написавшим слово «Ленин»… Ремесленником, сделавшим свою первую опоку… Студентом, работающим над дипломом… Летчиком, охраняющим государственную границу…

— Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты, — говорил я то, что передумал за последние дни, когда мне сказали: «Ты полетишь первым».

— Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытаний, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

Было тихо. Словно ветерок среди травы, шуршала лента магнитофона.

— Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос… Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не

менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей.

И встали перед моими глазами Чапаев и Чкалов, Покрышкин и Кантария, Курчатов и Мамай… Они, да и не только они, а все советские люди черпали и черпают свои жизненные силы из одного глубокого и чистого источника — из учения Ленина. Жадно пили из этого источника и мы, космонавты, и все наше молодое поколение, воспитываемое ленинской партией.

На какое-то мгновение я задумался, но быстро собрался с мыслями и продолжал:

— Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа…

Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях…

Я глядел поверх микрофона и говорил, видя внимательные лица моих наставников и друзей: Главного Конструктора, Николая Петровича Каманина, милого, доброго Евгения Анатольевича, Германа Титова.

— Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на Земле.

Я заметил, как Главный Конструктор украдкой поглядел на часы. Надо было закругляться.

— Сейчас до старта остаются считанные минуты, — сказал я. — Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!

И, уже находясь на железной площадке перед входом в кабину, прощаясь с товарищами, остающимися на Земле, я приветственно поднял обе руки и сказал:

— До скорой встречи!

Я вошел в кабину, пахнущую полевым ветром, меня усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк. Я остался наедине с приборами, освещенными уже не дневным, солнечным светом, а искусственным. Мне было слышно все, что делалось за бортом корабля на такой милой, ставшей еще дороже Земле. Вот убрали железные фермы, и наступила тишина.

Теперь с внешним миром, с руководителями полета, с

товарищами космонавтами я мог поддерживать связь только по радио. Позывной Земли был красивый и звучный — «Заря».

Взгляд мой остановился на часах. Стрелки показывали 9 часов 7 минут по московскому времени. Я услышал свист и все нарастающий гул, почувствовал, как гигантский корабль задрожал всем своим корпусом и медленно, очень медленно оторвался от стартового устройства. Началась борьба ракеты с силой земного тяготения. Гул был не сильнее того, который слышишь в кабине реактивного самолета, но в нем было множество новых музыкальных оттенков и тембров, не записанных ни одним композитором на ноты и которые, видимо, не сможет пока и воспроизвести никакой музыкальный инструмент, ни один человеческий голос. Могучие двигатели ракеты создавали музыку будущего, наверное, еще более волнующую и прекрасную, чем величайшие творения прошлого.

Начали расти перегрузки. Я почувствовал, как какая-то непреоборимая сила все больше и больше вдавливает меня в кресло. И хотя оно было расположено так, чтобы до предела сократить влияние огромной тяжести, наваливающейся на мое тело, было трудно пошевелить рукой и ногой. Я знал, что состояние это продлится недолго: пока корабль, набирая скорость, выйдет на орбиту. Перегрузки все возрастали.

«Заря» напомнила:

— Прошло семьдесят секунд после взлета.

Я ответил:

— Понял вас: семьдесят. Самочувствие отличное. Продолжаю полет. Растут перегрузки. Все хорошо.

Ответил бодро, а сам подумал: «Неужели только семьдесят секунд! Секунды длинные, как минуты».

«Заря» снова спросила:

— Как себя чувствуете?

— Самочувствие хорошее, как у вас?

С Земли ответили:

— Все нормально.

С Землей я поддерживал двустороннюю радиосвязь по трем каналам. Я слышал голоса товарищей, работавших на радиостанциях, настолько отчетливо, как если бы они находились рядом.

За плотными слоями атмосферы был автоматически сброшен и улетел куда-то в сторону головной обтекатель. В иллюминаторах показалась далекая земная поверхность. В это время «Восток» пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо виднелись на ней островки и берега, поросшие тайгой, освещенной солнцем.

— Красота-то какая! — снова, не удержавшись, воскликнул я и тут же осекся: моя задача — передавать деловую информацию, а не любоваться красотами природы, тем более что «Заря» тут же попросила передать очередное сообщение.

«Слышу вас отчетливо, — ответил я. — Самочувствие отличное. Полет продолжается хорошо. Перегрузки растут. Вижу землю, лес, облака…»

Перегрузки действительно все время росли. Но организм постепенно привыкал к ним, и я даже подумал, что на центрифуге приходилось переносить и не такое. Вибрация тоже во время тренировок донимала значительно больше. Словом, не так страшен черт, как его малюют.

Многоступенчатая космическая ракета — сооружение настолько сложное, что его трудно сравнить с чем-либо известным людям, а ведь все познается путем сравнений. После выгорания топлива отработавшая свое ступень ракеты становится ненужной и, чтобы не быть обузой, автоматически отделяется и сбрасывается прочь, а оставшаяся часть ракеты продолжает наращивать скорость полета. Я до полета не видел ученых и инженеров, нашедших легкое и портативное топливо для двигателей советской ракеты. Но мне, взбирающемуся на ней все выше и выше к заданной орбите, хотелось в эту минуту сказать им спасибо и крепко пожать руки. Сложные двигатели работали сверхотлично, с точностью кремлевских курантов.

Одна за другой, использовав топливо, отделялись ступени ракеты, и наступил момент, когда я мог сообщить:

— Произошло разделение с носителем согласно заданию. Самочувствие хорошее. Параметры кабины: давление — единица, влажность — 65 процентов, температура — 20 градусов, давление в отсеке — единица, в системах ориентации — нормальное.

Корабль вышел на орбиту — широкую космическую магистраль. Наступила невесомость — то самое состояние, о котором еще в детстве я читал в книгах К. Э. Циолковского. Сначала это чувство было необычным, но я вскоре привык к нему, освоился и продолжал выполнять программу, заданную на полет. «Интересно, что скажут люди на Земле, когда им сообщат о моем полете», — подумалось мне.

Невесомость — это явление для всех нас, жителей Земли, несколько странное. Но организм быстро приспосабливается к нему. Что произошло со мной в это время? Я оторвался от кресла, повис между потолком и полом кабины, испытывая исключительную легкость во всех членах. Переход к этому состоянию произошел очень плавно. Когда стало исчезать влияние гравитации, я почувствовал себя превосходно. Все вдруг

стало делать легче. И руки, и ноги, и все тело стали будто совсем не моими. Они ничего не весили. Не сидишь, не лежишь, а как бы висишь в кабине. Все незакрепленные предметы тоже парят, и наблюдаешь их словно во сне. И планшет, и карандаш, и блокнот… А капли жидкости, пролившиеся из шланга, приняли форму шариков, они свободно перемещались в пространстве и, коснувшись стенки кабины, прилипали к ней, будто роса на цветке.

Невесомость не сказывается на работоспособности человека. Все время я работал: следил за оборудованием корабля, наблюдал через иллюминаторы, вел записи в бортовом журнале. Я писал, находясь в скафандре, не снимая гермоперчаток, обыкновенным графитным карандашом. Писалось легко, и фразы одна за другой ложились на бумагу бортового журнала. На минуту забыв, где и в каком положении я нахожусь, положил карандаш рядом с собой, и он тут же уплыл от меня. Я не стал ловить его и обо всем увиденном громко говорил, а магнитофон записывал сказанное на узенькую скользящую ленту. Я продолжал поддерживать радиосвязь с Землей по нескольким каналам в телефонных и телеграфных режимах.

«Заря» поинтересовалась, что я вижу внизу. И я рассказал, что наша планета выглядит примерно так же, как при полете на реактивном самолете на больших высотах. Отчетливо вырисовываются горные хребты, крупные реки, большие лесные массивы, пятна островов, береговая кромка морей.

Вот несколько строк из записей моих переговоров с Землей:

Г а г а р и н. Полет проходит успешно. Чувство невесомости нормальное. Самочувствие хорошее. Все приборы, вся система работают хорошо. Что можете мне сообщить?

Г а г а р и н. Как слышите? Передаю очередное отчетное сообщение: девять часов сорок восемь минут, полет проходит успешно. Самочувствие хорошее, настроение бодрое.

«З а р я». Вас понял.

Г а г а р и н. Включилась солнечная ориентация.

«З а р я». Вас понял.

«З а р я». Полет проходит нормально, орбита расчетная.

Г а г а р и н. Вас понял: полет проходит нормально.

Г а г а р и н. Внимание. Нахожусь в тени Земли.

«З а р я». Вас понял.

Г а г а р и н. Настроение бодрое, продолжаю полет, нахожусь над Америкой.

«З а р я». Вас понял.

Г а г а р и н. Внимание. Вижу горизонт Земли. Такой красивый ореол! Сначала радуга от самой поверхности Земли, и

вниз такая радуга переходит. Очень красиво. Все шло через правый иллюминатор. Вижу звезды через «Взор», как проходят звезды. Очень красивое зрелище. Продолжается полет в тени Земли. В правый иллюминатор сейчас наблюдаю звезду. Она так проходит слева направо по иллюминатору. Ушла звездочка. Уходит, уходит.

Г а г а р и н. Внимание, внимание. Вышел из тени Земли. Через правый иллюминатор «Взор» видно, как появилось солнце. Работает солнечная система ориентации.

Когда «Восток» мчался над просторами Родины, я с особой силой ощутил свою горячую сыновнюю любовь к ней. Да и как не любить свою Родину нам, ее детям, если народы всего мира с надеждой обращают к ней свои взоры. Еще недавно нищая и отсталая, она превратилась в могучую индустриальную и колхозную державу. Советский народ, организованный и воспитанный Коммунистической партией, стряхнул с себя прах старого мира, расправил богатырские плечи и двинулся вперед по пути, открытому Лениным. Наш могучий народ под руководством партии установил власть трудящихся, создал первое в мире Советское государство.

На примерах героических подвигов своих сынов учила нас Родина-мать, с детства прививала самые лучшие и благородные чувства. На земном шаре нет страны более обширной, чем наша. Нет страны более богатой, чем наша, нет страны красивее, чем Советский Союз.

Будучи мальчишкой, я с упоением читал «Слово о полку Игореве» — этот древнейший русский сборник идей преданности Родине. Я любил на переменах простаивать в классе у географической карты, смотреть на великие русские реки: Волгу, Днепр, Обь, Енисей, Амур, словно синие жилы, оплетающие могучее тело нашей страны, и мечтать о далеких странствиях и походах. И вот он, главный поход моей жизни, — полет вокруг земного шара! И я на высоте трехсот километров мысленно благодарил партию и народ, давших мне такое огромное счастье — первому увидеть и первому рассказать людям обо всем увиденном в космосе.

Я видел облака и легкие тени их на далекой милой Земле. На какое-то мгновение во мне пробудился сын колхозника. Совершенно черное небо выглядело вспаханным полем, засеваемым зерном звезд.

Они яркие и чистые, словно перевеянные. Солнце тоже удивительно яркое, невооруженным глазом, даже зажмурившись, смотреть на него невозможно. Оно, наверное, во много десятков, а то и сотен раз ярче, чем мы его видим с Земли. Ярче, чем

расплавленный металл, с которым мне приходилось иметь дело во время работы в литейном цехе. Чтобы ослабить слепящую силу его лучей, я время от времени перекрывал иллюминаторы предохранительными шторками.

Мне хотелось понаблюдать Луну, узнать, как она выглядит в космосе. Но, к сожалению, ее серп во время полета находился вне поля моего зрения. «Впрочем, — подумал я, — увижу ее в следующем полете».

Наблюдения велись не только за небом, но и за Землей. Как выглядит водная поверхность? Темноватыми, чуть поблескивающими пятнами. Ощущается ли шарообразность нашей планеты? Да, конечно! Когда я смотрел на горизонт, то видел резкий, контрастный переход от светлой поверхности Земли к совершенно черному небу. Земля радовала сочной палитрой красок. Она окружена ореолом нежно-голубого цвета. Затем эта полоса постепенно темнеет, становится бирюзовой, синей, фиолетовой и переходит в угольно-черный цвет. Этот переход очень красив и радует глаз.

В кабину долетала музыка Родины, я слышал, как родные голоса пели одну из моих любимых песен — «Амурские волны». Вспомнилось, что американцы писали: «Никто не в состоянии точно предсказать, каково будет влияние космического пространства на человека. Известно только одно — человек в космосе будет ощущать скуку и одиночество». Нет, я не ощущал скуки и не был одинок. Разрезая космос, я работал, жил жизнью своей страны. Радио, как пуповина, связывало меня с Землей. Я принимал команды, передавал сообщения о работе всех систем корабля, в каждом слове с Земли чувствовал поддержку народа, правительства, партии.

Все время пристально наблюдая за показаниями приборов, я определил, что «Восток», строго двигаясь по намеченной орбите, вот-вот начнет полет над затененной, еще не освещенной Солнцем частью нашей планеты. Вход корабля в тень произошел быстро. Моментально наступила кромешная темнота. Видимо, я пролетал над океаном, так как даже золотистая пыль освещенных городов не просматривалась внизу.

Пересекая западное полушарие, я подумал о Колумбе, о том, что он, мучаясь и страдая, открыл Новый Свет, а назвали его Америкой, по имени Америго Веспуччи, который за тридцать две страницы своей книги «Описание новых земель» получил бессмертие. Повесть об этой исторической ошибке я читал как-то в книге Стефана Цвейга.

Подумав об Америке, я не мог не вспомнить парней, намеревавшихся ринуться следом за нами в космос Почему-то я

предполагал, что это сделает Алан Шепард. Станут ли американские космонавты служить делу мира, как это делаем мы, или будут рабами тех, кто готовит войну? Как было бы хорошо, если бы народы земного шара все свои усилия направили на достижение всеобщего и постоянного мира.

В 9 часов 51 минуту была включена автоматическая система ориентации. После выхода «Востока» из тени она осуществила поиск и ориентацию корабля на Солнце. Лучи его просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному. Неописуема цветовая гамма! Как на полотнах художника Рериха!

9 часов 52 минуты. Пролетая в районе мыса Горн, я передал сообщение:

— Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо. Бортовая аппаратура работает исправно.

Я сверился с графиком полета. Время выдерживалось точно. «Восток» шел со скоростью близкой к 28000 километров в час. Такую скорость трудно представить на Земле.

Я не чувствовал во время полета ни голода, ни жажды. Но по заданной программе в определенное время поел и пил воду из специальной системы водоснабжения. Ел я пищу, приготовленную по рецептам, разработанным Академией медицинских наук. Ел так же, как в земных условиях; только одна беда — нельзя было широко открывать рот. И, хотя было известно, что за поведением моего организма наблюдают с Земли, я нет-нет да и прислушивался к собственному сердцу. В условиях невесомости пульс и дыхание были нормальными, самочувствие прекрасное, мышление и работоспособность сохранялась полностью.

В мой комбинезон были вмонтированы легкие удобные датчики, преобразовавшие физиологические параметры — биотоки сердца, пульсовые колебания сосудистой стенки, дыхательные движения грудной клетки — в электрические сигналы. Специальные усилительные и измерительные системы обеспечили выдачу через радиоканалы на Землю импульсов, характеризующих дыхание и кровообращение на всех этапах полета. Так что на Земле знали о моем самочувствии больше, чем знал об этом я.

С момента отрыва ракеты от стартового устройства управление всеми ее сложными механизмами приняли на себя автоматические системы. Они направляли рули, заставляя ракету двигаться по заданной траектории, управляли двигательной установкой, задавая необходимую скорость, сбрасывали отработанные ступени ракеты. Автоматика поддерживала

необходимую температуру внутри корабля, ориентировала его в пространстве, заставляла работать измерительные приборы, решала много других сложных задач. Вместе с тем в моем распоряжении находилась система ручного управления полетом корабля. Стоило только включить нужный тумблер, как все управление полетом и посадкой «Востока» перешло бы в мои руки. Мне пришлось бы еще раз уточнить по бортовым приборам местоположение стремительно несущегося над Землей «Востока». А затем надо было бы рассчитать место посадки, ручкой управления удерживать ориентацию корабля и в нужный момент запустить тормозную установку. Сейчас всего этого не требовалось — автоматика работала безотказно. Все обдумали и взвесили ученые.

Главный Конструктор рассказывал нам о борьбе, ведущейся за облегчение веса и габаритов каждой детали космических кораблей, о том, что советские ученые, работающие в области автоматики, создают системы со многими тысячами элементов, делают самонастраивающиеся устройства, способные приспосабливаться к изменяющимся условиям. Молодо увлекаясь, он говорил нам об устройствах управления с большим числом элементов, обеспечивающих, однако, высокую надежность системы.

Все эти воспоминания промелькнули в мозгу в какую-то секунду. А вспомнив все это, я стал думать о Главном Конструкторе. Космическим кораблем могли гордиться научные коллективы, вложившие в него свой разум, энергию, труд.

Я старался представить себе людей, причастных к строительству корабля, и перед моим взором проходили ряды тружеников как на первомайской демонстрации на Красной площади. Хорошо было бы увидеть их за работой в лабораториях, в цехах заводов, пожать им руки, сказать спасибо. Ведь самое прекрасное на Земле — это человек, занятый трудом.

С душевным трепетом всматривался я в окружающий меня мир, стараясь все разглядеть, понять и осмыслить. В иллюминаторах отсвечивали алмазные россыпи ярких холодных звезд. До них было еще ой как далеко, может быть, десятки лет полета, и все же с орбиты к ним было значительно ближе, чем с Земли. Было радостно и немного жутковато от сознания, что мне доверили космический корабль — бесценное сокровище государства, в которое вложено так много труда и народных денег.

Несмотря на сложную работу, я не мог не думать. Вспомнилась мама, как она в детстве целовала меня на сон грядущий в спину между лопаток. Знает ли она, где я сейчас?

Сказала ли ей Валя о моем полете? А вспомнив о маме, я не мог не вспомнить о Родине. Ведь неспроста люди называют Родину матерью — она вечно жива, она бессмертна. Всем, чего достигает человек в жизни, он обязан своей Родине. «Наша социалистическая Родина — самая прекрасная в мире, и всем, чего достиг, я обязан ей», — думал я.

Приходили разные мысли, и все какие-то светлые, праздничные. Вспоминалось, как мы, мальчишки, тайком трясли яблони в колхозном саду, как накануне полета я бродил по Москве, по ее шумным, радостным улицам, как пришел на Красную площадь и долго стоял у Мавзолея. Подумал о том, что космический корабль несет идеи Ленина вокруг всей Земли. «Что делает сейчас Герман Титов?» — мелькнула мысль, и я ощутил силу и теплоту его объятий во время прощания. Ведь все, что я сейчас переживаю, придется пережить и ему.

Одна за другой внизу проносились страны, и я видел их как одно целое, не разделенное государственными границами.

В 10 часов 15 минут на подлете к африканскому материку от автоматического программного устройства прошли команды на подготовку бортовой аппаратуры к включению тормозного двигателя. Я передал очередное сообщение:

— Полет протекает нормально, состояние невесомости переношу хорошо.

Мелькнула мысль, что где-то там, внизу, находится вершина Килиманджаро, воспетая Эрнестом Хемингуэем в его рассказе «Снега Килиманджаро».

Затем я подумал, что корабль пролетает над Конго, страной, в которой империалисты злодейски убили мужественного борца против колониализма, борца за счастье своего народа Патриса Лумумбу.

Но размышлять было некогда. Наступал заключительный этап полета, может быть, еще более ответственный, чем выход на орбиту и полет по орбите, — возвращение на Землю. Я стал готовиться к нему. Меня ожидал переход от состояния невесомости к новым, может быть, еще более сильным перегрузкам и колоссальному разогреву внешней оболочки корабля при входе в плотные слои атмосферы. До сих пор в космическом полете все проходило примерно так же, как мы отрабатывали это во время тренировок на Земле.

А как будет на последнем, завершающем этапе полета? Все ли системы сработают нормально, не поджидает ли меня непредвиденная опасность? Автоматика автоматикой, но я определил местоположение корабля и был готов взять управление в свои руки.

Система ориентации корабля в данном полете была солнечной, оснащенной специальными датчиками. Эти датчики «ловят» Солнце и «удерживают» его в определенном положении, так что тормозная двигательная установка оказывается всегда направленной против полета. В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. Оно сработало отлично, в заданное время. За большим подъемом и спуск большой — «Восток» постепенно стал сбавлять скорость, перешел с орбиты на переходный эллипс. Началась заключительная часть полета. Корабль стал входить в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и сквозь шторки, прикрывающие иллюминаторы, я видел жутковатый багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Но в кабине было всего двадцать градусов тепла, хотя я и находился в клубке огня, устремленном вниз.

Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки прижали меня к креслу. Они все увеличивались и были значительнее, чем при взлете. Корабль начало вращать, и я сообщил об этом «Земле». Но вращение, обеспокоившее меня, быстро прекратилось, и дальнейший спуск протекал нормально. Было ясно, что все системы сработали отлично и корабль точно идет в заданный район приземления. От избытка счастья я громко запел любимую песню:

Родина слышит,
Родина знает…

Высота полета все время уменьшалась. Убедившись, что корабль благополучно достигнет Земли, я приготовился к посадке.

Десять тысяч метров… Девять тысяч… Восемь… Семь…

Внизу блеснула лента Волги. Я сразу узнал великую русскую реку и берега, над которыми меня учил летать Дмитрий Павлович Мартьянов. Все было хорошо знакомо: и широкие окрестности, и весенние поля, и рощи, и дороги, и Саратов, дома которого, как кубики, громоздились вдали…

В 10 часов 55 минут «Восток», облетев земной шар, благополучно опустился в заданном районе на вспаханное под зябь поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловки. Случилось, как в хорошем романе: мое возвращение из космоса произошло в тех местах, где я впервые в жизни летал на самолете. Сколько времени прошло с той поры? Всего только шесть лет. Но как изменились мерила! В этот день я летел в двести раз быстрее, в

двести раз выше. В двести раз выросли советские крылья!

Ступив на твердую почву, я увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за мной. Пошел к ним. Они направились навстречу. Но, чем ближе они подходили, шаги их становились медленнее. Я ведь все еще был в своем ярко-оранжевом скафандре, и его необычный вид немножечко их пугал. Ничего подобного они еще не видели.

— Свои, товарищи, свои! — ощущая холодок волнения, крикнул я, сняв гермошлем.

Иван Мирошников
СОЗВЕЗДИЕ ГАГАРИНА

Рожден Гагарин под серпом Луны
Среди разлива рек и тишины.
В сенях был серп из стали высшей пробы —
Орудие и символ хлебороба.

И в зной июльский, и в туманах рос…
В полях он видел жатву, сенокос.
И под высоким под смоленским небом
Узнал он цену и труду, и хлебу.

В пятнадцать лет, литьем заворожен,
С могучим молотом сдружился он.
Железом был пропитан в цехе воздух.
А искры сыпались на пол, как с неба звезды.

Он понял, глядя в будущую даль, —
Людьми стальными делается сталь.
Но где бы он с товарищами ни был.
Его влекло в заманчивое небо.

Курсантом Юрий в Оренбурге стал
И в руки взял уверенно штурвал,
Потом открыл космические дали,
То Серп и Молот ввысь его подняли.

М. Залюбовская
ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ
Документальная повесть

Юрий Алексеевич Гагарин. Нет на нашей планете человека, который не знал бы этого имени. У нас на Родине и во многих странах мира, где он побывал, его встречали горячо и радушно.

Государственные деятели, писатели, ученые, рабочие, крестьяне, студенты, учащиеся — все были едины в высокой оценке его подвига, гордились тем, что они свидетели этого исторического события, современники человека, совершившего великий подвиг.

С именем Юрия Алексеевича Гагарина связаны новые понятия о героизме и о величии достижений. Он открыл новую эру в научных исследованиях космоса. Его мужественная и самоотверженная исследовательская работа заложила фундамент дальнейшего освоения человеком космического пространства.

После полета Юрия Гагарина вокруг Земли многое стало понятным и ясным. Достижение первого космонавта золотыми буквами вписано в историю космонавтики.

Пожалуй, не было другого человека, который пользовался бы столь широкой популярностью и любовью всех людей, независимо от их положения в обществе, национальности, убеждений.

Яркая жизнь Юрия Гагарина является для всех советских людей примером беззаветного служения Отчизне, героизма и мужества, она зовет их на новые свершения во имя торжества коммунизма.

О Юрии Гагарине, его подвиге немало написано книг, статей, различных по своему содержанию, художественным достоинствам, языку. Мария Залюбовская в своей документальной повести о нем подчеркивает: «Людям дорого каждое слово о том, каким он был».

С большой теплотой и любовью в повести рассказывается о Юрии Алексеевиче, Валентине Ивановне Гагариных, их детях, родителях, друзьях и товарищах.

Автор показала замечательные черты характера Юрия Гагарина, его неистощимый оптимизм, гибкость ума, любознательность, смелость, выдержку, простоту, скромность внимание к людям, его исключительную доброту, то есть те качества, которые предопределили выбор кандидата для первого полета в космос.

Интересно написаны главы повести о курсантских годах Юрия, о становлении его как летчика и космонавта.

Юрий Гагарин любил жизнь, жил небом, мечтой о новых космических полетах.

Он говорил нам, космонавтам: «Я бы хотел отправиться на Венеру и видеть, что скрывается за ее облаками. Мне хотелось бы попасть на Марс и самому убедиться, есть ли на нем каналы».

Об этих мечтах Гагарина повествует автор в главе «Последнее интервью».

В повести Юрий Алексеевич предстает перед нами как настоящий гражданин, любящий сын, чуткий отец и внимательный муж.

Повесть написана простым и доступным языком. Она, несомненно, вызовет большой интерес у читателей, у тех, кто знает и любит Юрия Гагарина, кто интересуется проблемами покорения космоса, жизнью его первооткрывателей.

Дважды Герой Советского Союза,

летчик-космонавт СССР А. НИКОЛАЕВ

ОН В КАЖДОМ — КАК ПРАЗДНИК

Великое требует слов особых, торжественных, пронзительно правдивых, взятых из самого сердца. Такие слова, наверное, рождаются из солнечных лучей, из весенних красок земли… Как же вместить необыкновенную жизнь в слова обычные, простые, которые мы произносим каждый день?

А может, только и надо — отдать строкам живую душу… И уж как получится. Ведь уходят, не прибавляются годы. А он должен остаться, как праздник.

Мы проводили его в последний путь так, как провожают только бессмертных… Мы все, потому что он был в каждом.

А теплые ветры в обнимку с облаками проносятся над его планетой. И уже не ему, а нам в ночи звенят бубенцы с его

звездной дороги.

Вскинем же выше головы! Он первым среди нас держал в своих ладонях звезды. И это потрясло весь мир! И качался отсчет новой эры на старой и доброй Земле. Юрий Гагарин… Это имя будет всегда волновать людей. Колумб открыл Америку. Он же первый ощутил великое безмолвие космоса. Первым испытал на себе невесомость и облетел за сто восемь минут все народы и государства. А Магеллану для этого потребовалось три года…

Он — сын нашего века. Но он — лучший из нас. Нам позавидуют дети и внуки, потому что наши труды и мечты несут отпечаток его имени. Он жизнь представлял как непрестанное деяние. Не думайте, что судьба дарила его особым везеньем, а случай слепо ткнул в него пальцем. Он сам одолевал ступеньку за ступенькой своих дорог.

Не будем же забывать и о том, что до знаменитых ста восьми минут, потрясших мир, он был обыкновенным русским парнем, в котором переплетались беззаветный патриотизм, непреклонная вера в успех полета, неистощимый оптимизм, гибкость ума и любознательность, смелость и решительность, аккуратность, трудолюбие, выдержка, простота, скромность, большая человеческая теплота. Таким он был до полета. Таким остался в зените своей славы, когда при жизни стал легендой.

А КТО ЗАМЕНИТ ЧКАЛОВА?

Как медленно ползет поезд на последних десятках километров. Какой он, этот Оренбург? Какая вокруг выжженная, прокаленная солнцем степь. Сколько раздолья здесь птицам! Пропахал в небе белую борозду реактивный самолет. Он смотрит вслед долго, мечтательно: «Это тебе не Як-18… Неужели и моим рукам будет подвластна такая скорость?»

Как всегда, в волнующие минуты, тихо запел.

И вспомнилось, как впервые прыгал с парашютом. Его первым, как старшину группы, вызвали к самолету. Машина оглушительно взревела, и земля побежала назад (он еще никогда до этого не летал). Внизу поплыли поля, поселок, деревья, дома стали похожими на спичечные коробки. Инструктор скомандовал: «Вылезай!»

Он стал на крыло. Холодная струя воздуха ударила в лицо, крепко вцепился в борт кабины. Ох, как далеко была земля! Все внутри похолодело, но раздалась новая команда: «Пошел!»

Он провалился в бездну. Сердце замерло, дыхание прервалось от всей этой жуткости. Выдернул вытяжное кольцо, парашют не раскрылся, хотел уже воспользоваться запасным, но что-то вверху

гулко хлопнуло и его крепко тряхнуло. Только тогда решился взглянуть вверх: над ним спасительно простирался белоснежный купол. Ему показалось, что он не движется, висит на одном месте. Новое состояние было столь приятным, что он поудобнее устроился в стропах и восторженно засмеялся.

Кому он будет благодарен всю жизнь, так это своему первому инструктору — летчику Дмитрию Павловичу Мартьянову. Никогда не забыть ему первый вывозной полет.

— Просите разрешение на взлет, — приказал инструктор.

— Ракета! Я — ноль шесть, разрешите взлет!

— Ноль шесть. Взлет разрешаю! — ответили с командного пункта.

Он изо всей силы надавил сектор газа, но Мартьянов сдержал его.

— Не торопись! Газ давай плавнее.

Самолет двинулся.

— Поднимайте хвост! Ручки от себя… Плавно-плавно…

Як-18 начал разбег. «Почему он подпрыгивает, как ошалелый? Я что-то не так делаю», — подумал, двигая вперед ручку управления, а рядом послышалась уже другая команда, как ему показалось, совсем противоречивая.

— А теперь энергичнее!

Но делал то, что говорил Мартьянов.

— Сбавляйте обороты двигателя!

Он сбавлял и наконец понимал, что именно это и надо в данный момент делать. Только такое решение почему-то у него самого запоздало. Не хватало времени все сразу сообразить. Мартьянов спокойно, ровным голосом говорил:

— Учись распределять внимание. По прямой веди самолет.

Очень сложно поначалу именно это: успевать следить за всем, когда из наушников шлемофона сыпались беспрерывные команды:

— Высота!.. Отвечайте, какая высота?

— Скорость!

— Крен!

А Мартьянов тоже требовал свое:

— Не зажимай управление!

Тогда, как только приземлились, Юрий посмотрел на Мартьянова открыто, в упор и спросил:

— Плохо у меня получается?..

Мартьянов внимательно оглядел видавший виды комбинезон с чужого плеча, перепоясанный широким ремнем с бляхой, оставшейся, наверное, с ремесленного училища, остановил взгляд на шлемофоне, тоже явно ему великоватом, сказал бодрее, чем

хотел поначалу:

— Нормально получается… А без труда не вынешь и рыбку из пруда. Понял?

Потом они сделали еще семьдесят четыре вывозных полета. Инструктор учил видеть одновременно и показания приборов, и землю, и чувствовать самолет. А когда нужно было, подбадривал курсанта, шутил… Да, Мартьянов помог сбыться его самой заветной мечте — научил летать.

Предчувствие больших перемен в жизни возбуждало, постукивание вагонных колес доставляло удивительное наслаждение.

В кармане лежали два свидетельства (было и третье — его выдало Люберецкое ремесленное училище, тоже с отличием). Он получил их почти одновременно: диплом с отличием об окончании индустриального техникума и диплом Саратовского аэроклуба, в котором значилось: самолет Як — «отлично», мотор — «отлично», самолетовождение — «отлично» и общая оценка выпускной комиссии «отлично». Все было за него. Не маменькин сынок ехал на штурм новой высоты…

На душе было и радостно, и тревожно: как же теперь сложится его судьба? Оренбургское летное училище — одно из старейших в стране. Отбор, как он уже слышал, туда особенно тщательный. Конечно, причин для тревоги у него вроде бы и не было. Аттестации из аэроклуба хорошие. Здоровье тоже отменное…

Вот и перрон. Встречающие, объятия, цветы. Это пока не для него. Неторопливо оглядел старинное здание вокзала.

В шумной толпе почувствовал себя прежним старшиной и комсоргом.

— Где находится ЧВАУЛ?

В ту пору так называлось училище — Чкаловское военное авиационное училище летчиков. Теперь оно называется Оренбургским высшим военно-авиационным и носит имя Героя Советского Союза И. С. Полбина.

К училищу решили идти пешком: кто его знает, когда теперь вырвутся в город. Как-никак, а со штатской жизнью они надеются распрощаться. Брели по ровным, прямым улицам, останавливались, делились первыми впечатлениями.

Случайно набрели на рынок и ахнули от изумления. Вот те на! Перед ними стоял верблюд. Гагарин рассмеялся:

— Теперь я верю, что мы на границе Европы и Азии. Помните, Мартьянов говорил, что Оренбург стоит на стыке двух частей света.

Они двинулись дальше, курсом на памятник Чкалову, пока он

не вырос во всю двадцатиметровую высоту.

— Вот и пришли к вам на смену, Валерий Чкалов…

КУРСАНТСКИЕ ПОГОНЫ

Сердце все же забилось сильнее, когда Гагарин увидел свою фамилию в списках курсантов.

Исчезли пиджаки, ботинки, туфли, их заменили гимнастерки и сапоги, а длинная казарма с двухэтажными кроватями стала домом. В кино — строем. На тактические учения, в столовую — тоже строем. Начиналась новая жизнь, где все диктовалось уставом: поощрение, награда, взыскание.

Затянулась унылая, с обложными дождями осень. Давно опал багрянец Зауральной рощи. Потянулись нелегкие курсантские будни. Но Юрий и в них находил небольшие праздники.

Любил, когда строем шли по городу, чеканя шаг, и ждал с нетерпением команды:

— Запевай!

Пел от всей души. Дружный хор нравился, как и солдатские песни, бравые, каких раньше не знал. И если чувствовал, что сосед поет без этого радостного подъема, звонче затягивал следующую фразу, выше вскидывал подбородок — воодушевлял. О многом мечталось в эти минуты, понимал: вынесло его с этими вот ребятами на гребень доброй волны. Быть им теперь летчиками. А не всем ведь так повезло. Многие вернулись ни с чем назад.

Пока цена этому «быть» не так уж и велика: недосыпать, драить полы, бегать по грязи в атаку, промокнуть до нитки от дождя.

Но знал, право это может стоить и подороже: в главном корпусе училища висело больше ста тридцати фотографий его выпускников — Героев Советского Союза. Многие стали ими посмертно. Понимал, стать выпускником т а к о г о училища непросто и почетно. Потому и не помнят преподаватели серым, пустым, безразличным его лицо.

…В первые дни почему-то часто снилась мать. Скорбным было ее лицо, и она совала ему в карманы какие-то гроши, печеную картошку. Корила себя, что в родительском доме только-то и хватало хлеба, чтобы дотянуть Юру до шестого класса.

Просыпался вместе с голосом дневального:

— Подъем!..

Бежал на зарядку, а сон не оставлял его. И он в простодушии думал: «Вот кончу училище и куплю ей оренбургский пуховый платок».

Он уже видел эти всемирно известные платки и кое-что даже слышал про необыкновенных коз, пух которых так красив, так легок, что платки из него собирают золотые медали брюссельских, лейпцигских, монреальских и парижских выставок. Большой оренбургский платок нежнейшего пуха проходит сквозь обручальное кольцо.

Говорят, что этих коз однажды купили англичане. Но не прижились они на сочных, влажных пастбищах. Затосковали по своим губерлинским горам и солончакам, по широкому раздолью и суховеям, по щедрому солнцу и ярким ночным созвездиям и очень скоро погибли все до единой. Прослышав об этом, губерлинцы очень горевали и уж больше не продавали коз не за какое золото.

…А пока что Юрий Гагарин садился за парту смеете с теми счастливцами, кому повезло выдержать конкурс. Сам экзамены не сдавал, от них его освободил диплом с отличием. Похожие друг на друга в защитных гимнастерках, с голубыми курсантскими погонами, остриженные под машинку, они пока еще не спаяны в одну большую семью, еще не разделены на группы и пары, на ведущих и ведомых.

…Зауральная роща раньше обычного покрылась пушистым снегом. Деревья стояли в кружеве инея. Искрился, слепил морозный день. Тридцать ниже нуля. А по расписанию — тактические занятия. Выстроились повзводно — и через Урал по пешеходному мосту — в рощу. Училище было еще в Европе, а на занятия ходили в Азию.

— Взвод! Занять оборону! — волевые нотки в голосе Гагарина заставили курсантов собраться, и все старательно начали окапываться.

Только окопались и залегли, как последовала другая команда:

— В атаку! За мной! Ура!

Мальчишеская фигурка Гагарина уже маячила впереди. Он с разлета кидался в нетронутую целину снега, полз по-пластунски, замирал после собственной команды:

— Воздух! Воздух!

Юрий решил: раз уж для того, чтобы стать летчиком-испытателем, прежде нужно быть хорошим солдатом, он будет им.

Значит, опять: «В атаку!», «Ложись!» Уже промокли насквозь гимнастерки, от шинелей клубится пар; все собранней ползли по снегу, летели кубарем с обрыва и чувствовали, что каждый мускул подвластен им.

В училище возвращались разгоряченные. Под ногами в такт

солдатской песне скрипел снег, и встречные невольно подравнивали штатский шаг, и девушки прихорашивались, и старики становились осанистей — шла армия! После отбоя засыпали тотчас, чтобы утром вместе с голосом дневального ощутить пружинистые мускулы и ту здоровую легкость во всем теле, что так щедро дарит только молодость…

Утро 8 января 1956 года выдалось особенно морозное. Празднично сверкал за окнами первозданной белизной снег. Делая зарядку, Гагарин тихонько напевал: «Мороз и солнце — день чудесный, еще ты дремлешь, друг прелестный, пора, красавица, проснись….» Необычная приподнятость, торжественность чувствовались во всем. Присяга!.. Сегодня будут принимать присягу на верность Родине.

…Захотелось хоть несколько минут побыть одному. Пошел в главный корпус. Со стен, из гвардейских черно-оранжевых лент на него смотрели прославленные летчики: Анатолий Серов, Михаил Громов, Григорий Бахчиванджи, Андрей Юмашев, Иван Полбин. Те, кто обрел крылья в этом училище и потом удивил мир своими подвигами. «Вот они, орлы, — мысли его пытаются проникнуть в юность тех, кто смотрел на него пытливо и строго, — а ведь они учились в этих же классах и тоже были новичками. Значит, и я смогу стать хорошим летчиком. Конечно, поршневыми самолетами управлять легче, чем реактивными. Но они бы и с этими справились отлично».

Вспомнил Ленинград, там был на студенческой практике на заводе «Вулкан», Зимний дворец и другую галерею — героев 1812 года. Он тогда выписал в тетрадку стихи Пушкина, пронзившие его искренностью чувства, которое родилось и в нем самом.

И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главой лавровой…

Но только теперь он понял, почему торжественная тишина гулкого зала только кажется тишиной. И какими бездонно глубокими могут быть простые слова.

Тайна истоков мужества жила и в этих старинных стенах. Сколько присяг они слышали, сколько горячих сердец билось здесь пламенно и трепетно в такой же вот день! Юрий Гагарин знал — этот день с ним будет всегда.

Это свидание с Героями тоже было присягой на верность Родине.

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик…

Под гулкими сводами большого зала училища торжественно звучали слова воинской присяги. Мальчишки становились мужчинами, солдатами.

Немногим более полувека назад в старинном русском городе Калуге гениальный провидец межзвездных полетов Константин Циолковский сказал, что «человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет все околосолнечное пространство». Теперь в другом городе рождался космонавт Юрий Гагарин…

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ…

Ровно в полночь впервые с оружием в руках Юрий Гагарин стал часовым у знамени. Этой чести он ждал давно. Стоял неподвижно, вслушиваясь в тишину ночного училища. У этого знамени стояли и те, чьи имена начертаны в Книге славы.

В ночном безмолвии они вдруг будто завели с ним разговор. Он почти видел их суровые лица, различал их голоса.

Громов: Что знаешь ты, парень, о мужестве летчиков?

Полбин: Знаешь ли, что почти каждый день в своей жизни мы берем с боя?

Серов: Что погибаем, недолюбив и не понянчив внуков?

Юмашев: Но людям остаются не только наши имена, наша слава — для людей.

Бахчиванджи: И не думай, что мы жалуемся на свою судьбу. Вернись к нам наши жизни, мы повторим их по-прежнему.

Девятаев: Нам и тебе повезло родиться на этой земле. Много знаменитых судеб дала наша Родина миру….

Гагарин слушал их, затаив дыхание.

Что же такое судьба летчика? Во имя чего такие жертвы?

Нелегкая задача — рассудить самому, чтобы потом твердо идти к цели. Тогда и кирзовые сапоги, и портянки, и солдатская шинель — это только начало, и привыкнуть к ним будет проще.

Опять к нему вернулся из славной галереи героев молодой генерал Иван Полбин.

Полбин: Спрашиваешь, во имя чего многие из нас погибли так рано? Во имя жизни. Не мы виноваты, что самолет превратился в орудие смерти. Я рано стал генералом. Строжайшим приказом запретили мне боевые вылеты. Что толкнуло меня на последний взлет?

Нужно было вылететь самому, чтобы не гибли люди в

последние дни войны. Фашисты засели в дзотах и стреляли, стреляли, насмерть косили наших. Туда уже улетело много ребят — и не вернулось. Я не хотел посылать больше… Я знал, что сам-то их точно разбомблю. Я был опытней других. Всю войну летал на пикирующих бомбардировщиках. Накануне мы отпраздновали мое сорокалетие. У меня родилась дочь, которой я еще не видел. И она уже говорила: «Папа». Я был в ответе и за нее. Да, братец, жить я еще очень хотел. Но было дело, которое превыше всего. Дело, доверенное мне, генералу, народом. Понимаешь? Мне верили. Вот почему я вылетел, несмотря на запрет: «Полбину не летать».

Слушай, парень, я погиб в канун Дня Победы. Но я приблизил ее, может, на несколько минут и спас сотни жизней. Их тоже четыре года ждали матери, жены, любимые. Правда, моя дочь так и не увидела меня…

Готов ли ты к этому? Хорошенько подумай, прежде чем тебе доверят штурвал самолета…

Когда пришел разводящий с новым часовым, чтобы сменить его с поста, им улыбнулся человек, который сумеет достойно распорядиться жизнью.

ТВОЙ МИЛЫЙ ОБРАЗ

Саратовцы поначалу держались вместе. Так и пошли гурьбой в свое первое увольнение. Правда, скоро стайка распалась на группки по двое, по трое. Ту, в которой очутился Юрий, понесло в воскреснем потоке по главной улице Оренбурга — Советской.

Модницы щеголяли здесь нарядами, старушки гуляли об руку с подругами. Торопливо пробегали ученики с клеенчатыми сумками, туго набитыми книгами. Стояли очереди у театральных касс. Оренбург издавна слыл театральным городом. Только что отпраздновал свой сотый сезон драматический театр. Имена актеров и режиссеров знали не только завзятые театралы, хотя телевизионная вышка только строилась на бывшем ипподроме. Не одно поколение приохотил к настоящей музыке Ленинградский театр оперы и балета, труппу которого город приютил в годы Великой Отечественной войны.

Курсанты с усердием читали строки, отлитые на мемориальных досках, которые рассказывали о том, что старинный русский город имел честь оказать гостеприимство Александру Пушкину, Льву Толстому, Владимиру Далю.

Они разглядывали островерхие мечети, караван-сарай — Оренбург стоял на стыке торговых путей из Европы в Азию.

Вдруг им навстречу из толпы вынырнул Юра Дергунов.

«Интересный человек», — уже в первые дни определил Гагарин.

Разбуди его ночью — расскажет о любом знаменитом летчике. С первой до последней викторины в училище призы брал он. В его памяти вмещалось, кажется, все: кто совершал первые дальние перепеты по стране и кто вслед за Чкаловым полетел через Северный полюс в Америку, кто первым поднялся в небо на реактивном самолете, в чем был секрет воздушного боя эскадрильи Покрышкина. В столовой, по дороге в казарму, когда чистили и смазывали карабины, он мог неожиданно ошарашить вопросом:

— Когда поднялся в небо первый реактивный самолет?

Он был общепризнанным эрудитом не только в вопросах авиации. Даже в бане, намыливая крепкую гагаринскую спину, донимал его:

— Считаю до трех… Назови первых советских кинорежиссеров и их фильмы. Асов кино, так сказать… Например, Протазанов. Что он снял?

Юрию щипала глаза мыльная пена. Он хмыкал недоуменно, морщился и мужественно пытался припомнить, что же снял Протазанов…

Помучив его вдоволь, второй Юрий дарил милостью:

— Ну, например, «Бесприданницу» ты видел? А «Праздник святого Иоргена»?

Тяга их друг к другу была взаимной. Вот и сейчас он подкинул Гагарину вопросик:

— Кто такая Марина Козолупова?.. Она из Оренбурга.

Выждал паузу и сказал:

— Не напрягайся, все равно не вспомнишь. Это — не летчица.

И увлек его за собой, на ходу рассказывая:

— Понимаешь, подошел к премилой старушке у театральной кассы и спросил ее, как быть солдату, который в увольнении бывает не часто. Куда ему податься в первую очередь? Она чуть не прослезилась от радости и почти бегом повела меня в филармонию. А по дороге рассказала все о ее создателях и солистах. Запомни и ты, что Марина Козолупова — знаменитая виолончелистка, первая женщина Советского Союза, которая стала победительницей международного музыкального конкурса… Я не мог не доставить старушке еще одну радость, и на ее глазах взял два билета на сегодняшний концерт. Бежим, — скоро начало.

— А что там сегодня, Юрка? — допытывался Гагарин.

— Увидим…

Так они очутились в филармонии. Чуточку опоздали и поэтому не сразу разобрались, что за концерт идет.

Уже кому-то аплодировали, когда друзья уселись на свои места. На этот раз и Дергунов ничего не знал ни о композиторе, ни о певице. Каччини жил три столетия назад. Девушка в белом, ниспадающем до пола платье исполняла его «Аве Мария».

Под сводами старинного здания звучала причудливая, томительно-нежная мелодия, и столько в ней было скрытой мольбы о счастье… Потом, словно продолжая затаенную в музыке мысль, другая, не менее красивая, на их взгляд, актриса, вышла к самому краю сцены и стала читать стихи:

Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

Голос актрисы был так нежен, белые тонкие руки так беспомощны, вся она так хрупка, что они тут же готовы были встать на ее защиту. От кого? Этого они не знали. Главное, они почувствовали свою ответственность за ее жизнь, счастье…

Старушка, что сидела рядом с ними, плакала.

— Чьи это стихи? — шепнул Гагарин.

— Не знаю, — впервые ответил второй Юрий. — Но я запомнил… Завтра все выясним. Тихо, слушай…

Весь концерт вели черно-белые клавиши рояля и эти две юные девушки.

Встретить бы такую, пусть не в концертном белом платье, а в простеньком, в горошек или в цветочках лазоревых, но непременно похожую на эти стихи и эту музыку Каччини, который жил, когда никакой авиации еще и в помине не было, и знал вот эти таинственные звуки, от которых сердце словно бы замирает. Вон старушка — так та уже совсем разволновалась. И пусть поплачет… Ясно, что тут курсантской помощи не требуется: никто ее не обижает. Может, вспоминает что-то свое. Была ведь и она красивей и молодой. Но Юра Дергунов не выдержал, зашептал осторожно:

— Извините, пожалуйста. Может, вам помощь требуется… или стакан воды?

— Спасибо за заботу, молодой человек. Только плачу я от большого счастья. Поет — моя внучка. Если б видела и слышала сегодняшний концерт ее мать…

Юра Дергунов (на такое другой Юра никак бы не решился!) вдруг поцеловал ее белое, тонкое запястье и зашептал в темноте:

— Ваша внучка, она замечательна… Я прошу передать ей наше восхищение…

А восхищение осталось у обоих надолго. Было ли то ожидание чуда, которое вызывает подлинная красота, дарит настоящая музыка и умные глубокие стихи?.. А может, занималась рассветным таинством любовь.

А МНЕ ВЕЛИКОЕ ЖЕЛАННО…

И все-таки крутой, с нелегкими виражами, была его дорога к небесному океану.

Оказалось, твердо знать правила самолетовождения, хорошо чертить схемы — этого мало. Научиться спать по два часа, чтобы на рассвете быть на аэродроме — тоже мало.

Это случилось в Саратовском аэроклубе…

Исполнение первой мечты о самостоятельном полете без инструктора чуть не обернулось поражением: он испугался земли, соприкосновения с ее твердостью. Приземление не получалось. Как только замирал шум мотора и ветер переставал свистеть в ушах, он терялся… Получалось все: и плавный взлет, и сложные виражи. А как только приближалась земля — вдруг наваливался этот гнетущий страх. Он сковывал по рукам и ногам. Узнал об этом начальник летной части аэроклуба Константин Филимонович Пучик. Расстроился. На следующий же день пошел на летное поле, «случайно» встретил Гагарина.

И верно, совсем еще мальчишка, а глаза — такие хорошие, вдумчивые. Паренек улыбнулся. И все решила эта улыбка: обаятельная, чуть застенчивая. Аккуратный, подтянутый, он покорил Пучика, и тот подумал: «А поди, нелегко ему… Хорошо держится паренек, Видно, гордый. Не гнется, чтобы разжалобить… Да что б мы из такого не сделали летчика?!»

Не знал Пучик того, что не клеилась у курсанта посадка по иным причинам. Не хватало Гагарину времени для тренировок. И аэроклуб, и работа над дипломом — так вот все подоспело сразу. Среди тех, кто в последние дни мая отправился в летный лагерь, раскинувшийся под Саратовом в дубовой роще, курсанта Гагарина не было. Тему диплома он выбрал сложную — разработка проекта литейного цеха крупносерийного производства на девять тысяч тонн литья в год. Ночами чертил схемы, делал сложнейшие расчеты, бился над неожиданно всплывшими вопросами подготовки кадров для «своего» цеха. Все он привык делать обстоятельно и до конца.

Здесь, в Оренбурге, увидел мемориальную доску на одном из домов, где останавливался Александр Сергеевич Пушкин, и на следующий день рылся в библиотечных каталогах, чтобы самому досконально дознаться: сколько времени, почему жил поэт в этом

городе, почему он хотел написать книгу о Пугачеве, а заодно впервые узнал, что река Урал называлась тогда Яиком. И тут же с ходу перечитал наново «Капитанскую дочку». Да, он во всем ценил основательные знания. Много позже, в Швеции его пригласили посетить один из заводов фирмы «Эриксон». На завтраке, устроенном в его честь, представитель фирмы сказал, что до революции заводы Эриксона были в России. Гагарин тут же спокойно, достойно ответил ему: «Да, я читал, что в Петербурге был когда-то завод фирмы «Эриксон». Рабочие этого завода активно участвовали в революции».

Вот и теперь корпел до глубокой ночи над чертежами и книгами, старался не думать о том, что там, в Дубках, друзья, наверное, уже летают, а он с каждым днем все больше отстает от них. Но он решил твердо: «Сейчас главное — диплом, потом наверстаю все упущенное в аэроклубе».

Выпускник Саратовского индустриального техникума Юрий Гагарин из тридцати двух оценок по всем предметам получил только одну четверку, все другие — пять.

Ему вручили диплом с отличием. В тот же день, только выкупавшись в Волге, он уехал в лагерь аэроклуба.

…Пучик попросил подняться в воздух Великанова. Курсанты уважительно поглядывали на его Золотую Звезду. Он увидел на взлетном поле ладную мальчишескую фигурку и то, как подобралась она, точно сжатая пружина, — захотелось подбодрить парня, расслабить напряженное ожидание. Рассмеялся:

— Ну и денек нам выдался… Славный денек!.. Покатим сейчас. Земля, брат, должна внушать доверие… Это главное. Понял?

— Понял.

— Не думай, что я первый это говорю. Про это сказал еще Антуан де Сент-Экзюпери. Читал?

Не знал тогда Юра ничего про человека с таким мудреным именем и сказал, как всегда, прямодушно:

— Некогда мне читать про всяких монахов и герцогов…

Великанов разразился добродушным и заливчатым смехом.

— Ну, брат, знал бы знаменитый летчик, как ты его в монахи записал!..

Гагарин пытался выправить положение:

— На летчика такая фамилия никак не похожа. Очень уж длинная… Не то что Чкалов, Каманин, Маресьев.

— Так вот, непременно прочти про этого самого «монаха». Запомнил имя?

— Запомнил.

— А теперь полетели.

И они пошли и самолету.

Машина легко оторвалась от взлетной полосы, набрала высоту, Великанов спокойно, даже чуть ворчливо говорил:

— Кто тебе сказал, что ты не чувствуешь самолета, хотел бы я это знать?.. А теперь иди на посадку.

— Может, рановато?

— А со скольких метров ты пойдешь?

— Хотя бы с восьми.

— А сколько, по-твоему, сейчас?

— Около того.

— Ну давай…

Знал, что курсант немного ошибается, но сейчас главным было другое. Нужно вселить в него уверенность, что он может решать все сам, что он с этой машиной — одно целое.

Впервые Гагарин сел легко, плавно, точно. Как же, оказывается, упоительно самому коснуться этой чудесной твердой земли!

Потом взлетели еще. Великанов знал, что сегодня лучше перехвалить за удачу, и сказал:

— Ты, брат, просто прирожденный летчик, понял? А теперь сделай глубокий вираж…

Курсант обрадованно вспыхнул:

— Я левый тоже попробую сделать.

Почувствовал, что Великанов уверен в нем.

Старенький «ноль шесть» не подвел, шел устойчиво, правда, на правом глубоком вираже чуть-чуть зарылся и увеличил крен, но он вовремя сбавил скорость.

На земле Великанов дружелюбно сказал:

— Левый вираж получается лучше. В правом нет чистоты, нужно еще отрабатывать.

А Юрий вдруг почувствовал радостное доверие к своему крылатому другу и попросил:

— Разрешите повторить? Только одному.

— Повторяй, повторяй… Теперь тебя с аэродрома никакой силой не вытянешь.

Уж никого не было на взлетном поле, а Юрий до самых сумерек мыл свой Як-18, натирал его до зеркального блеска, приговаривая доверительно:

— Знаешь, дружище, ты уже все-таки многому научил меня.

В конце лета они сдавали выпускные экзамены. На зачете по технике пилотирования Мартьянов первым представил Юрия Гагарина. И он выполнил всю программу так, что ни у кого не было сомнений: будет летать!

Совет Великанова почитать Экзюпери он помнил, а вот времени на это долго не находилось. Только теперь, в один из выходных дней, он пошел в библиотеку училища. Сказал библиотекарю точно так, как услышал когда-то от Великанова:

— Антуан де Сент-Экзюпери.

Девушка почему-то сократила необычно и красиво звучащее имя:

— Экзюпери? А что вам? Биографию? «Землю людей»? «Маленького принца»?

— Все, мне нужно все…

— Сразу?

— Да, сразу нужно.

Девушка вынесла зачитанные книги. Гагарин с огорчением подумал, что сотни людей уже знают про этого Антуана…

Он уселся за чтение сразу после завтрака. Обедал кое-как, почти ни с кем не разговаривал, чтобы не расплескать радость общения с новым другом. И опять ушел в библиотеку.

Почти целый месяц он говорил ясноглазой девушке:

— Экзюпери.

Ему нравилось произносить самому так быстро это имя.

Как-то вечером он попросил:

— «Маленький принц»…

— Но «Маленького принца» вы уже брали в прошлый раз и в позапрошлый тоже, — удивилась библиотекарь.

— Прошу повторить, — так и ответил «повторить». А поскольку девушка не просто отсиживала положенные ей часы, а вкладывала в свою работу душу, то с этой минуты она зачислила его в то племя книголюбов, к которому принадлежала и сама. Как умела, она теперь деликатно подсказывала этому курсанту: если он еще не читал повестей Чехова, то она очень советует взять книгу сегодня же.

— Начните читать этот том с «Дуэли». Отличная вещь, на мой взгляд.

Он начал с «Дуэли», потому что доверял этой девушке. И даже в этой малости ему опять повезло — встретил человека с хорошим литературным вкусом. Впрочем, какая же это малость!

А в тот вечер она просто «повторила» ему «Маленького принца».

Почти опустел читальный зал, только в дальнем углу шептались две стриженые курсантские головы. Те набирали с утра кучу учебников по высшей математике.

А этот отключился от всего, он скитался по пустыне. И ему говорил маленький принц:

«Знаешь, чем хороша пустыня? Где-то в ней скрываются родники… и вода. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота на колодце, из усилий рук».

«Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь. Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей всю душу… Люди забыли эту истину, но ты не забывай: ты навсегда в ответе за тех, кого приручил».

Он проникал в глубокий смысл простых слов этой мудрой сказки.

Последние страницы он дочитывал в пустом зале. И улыбался книге. Девушка не тревожила его, хотя уже давно настало время закрыть читальный зал. Но вот он сам захлопнул книгу, оглянулся, торопливо поднялся. И если до сих пор все ей было понятно в этом юноше, то последняя фраза, которую он произнес в этот вечер, была совершенно загадочна и даже бестолкова.

— Ну, теперь я все узнаю об этом монахе…

И узнал, и взял его в товарищи. «Так вот ты какой, Антуан де Сент-Экзюпери! Обидно, что вы не дописали еще одну, наверное, не менее хорошую книгу… Как это вы, дорогой Экзюпери, хорошо сказали, что хоть человеческая жизнь и дороже всего, но мы всегда поступаем так, словно в мире существует нечто еще более ценное… У меня нет таких слов, я не могу так красиво говорить с людьми, как вы, но это чувство вы угадали и в моем сердце.

Я жму вашу руку, Антуан».

ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ПОБЕДА?..

Если следовать хронологии, разговор об этом должен бы пойти позже, но так логически связаны тут события, что эти две главы непременно должны стать рядом. Тем более, что все равно скоро кончится первая оренбургская зима, необычно снежная, метельная, словно бы проверившая на прочность и выносливость юных курсантов. И уж Гагарин выйдет победителем, иначе не выбрал бы потом назначения в Заполярье.

Нагрянула весна, такая яростная, дружная, непохожая на все прошлые весны, с нетерпеливым ожиданием полетов, как ожиданием счастья. Самая замечательная из всех весен, пережитых Юрием. Потому и запомнилась навсегда мягкостью и чистотой воздуха, прозрачностью первой листвы, дурманящими запахами сирени, черемухи — всем тем трепетным, что таится в весне и первой любви. В рощу плавали теперь в лодках; вешние воды снесли деревянный пешеходный мостик.

Нарядные, в ярких цветастых платьях ходили девушки. На улицах продавали подснежники, а потом в широчайших корзинах загорелись степные тюльпаны…

В открытых настежь окнах училища буйствовали степные ветры. Вот-вот начнутся полеты.

Но… случилось непредвиденное.

К зачету по теории реактивного двигателя Гагарин готовился старательно. И отвечал поначалу уверенно, точно. Но неожиданно для себя самого и преподавателя запутался в одном из разделов. Резников удивленно спросил:

— Курсант Гагарин, чем вы объясните незнание целого раздела предмета? Не полагаете ли вы, что современный пилот — это дар божий?

— Нет, товарищ подполковник, я так не полагаю.

— Знаете ли вы, что с тройкой по теории вас не допустят к полетам?

— Да, знаю…

Резников приготовился к тому, что курсант начнет каяться, просить поспрашивать по другим разделам, а этот, глядя прямо в глаза, сквозь побелевшие губы выдавил нелегкое для самолюбия:

— Пересдам…

— И правильно сделаете. Летчик без глубоких теоретических знаний современной авиации не нужен…

Последние слова Юрий уже не слышал. Лицо, уши пылали пуще огненных тюльпанов. Первая тройка за все годы учебы. И какая! Все уедут на аэродром, а он… Что же это? Поражение? Как могло такое случиться? Как?..

С утра, сразу после завтрака, он пришел в класс. Заново листал учебники, разыскал таблицы, в которые прежде не успел заглянуть…

Пять дней упорного труда, а на шестой пошел к Резникову.

Взгляд курсанта был спокоен. «Значит, уверен, — подумал преподаватель. — Конечно, ему и тогда можно было поставить четверку, обязав еще разок прочесть раздел. Но этот, пожалуй, снисхождения и не принял бы».

Сорок минут «гонял» он Гагарина по учебникам. Вдумчиво, толково отвечал курсант на все вопросы.

«Что ему ставить? — раздумывал преподаватель. — При пересдаче положено ограничиться четверкой. Но этому впору самому теперь читать теорию двигателей».

И вывел жирную крупную пятерку. Сказал на прощание, улыбаясь:

— Гагарин, вы напрасно в прошлый раз смотрели на меня так яростно. Сегодня, при всей строгости, я не мог поставить вам

четверку, как положено. Предмет вы знаете блестяще. Чем это объяснить?

— Прямым попаданием слов Экзюпери. Знаете?.. Есть поражения, которые пробуждают…

— Характер у вас есть, — подытожил этот необычный зачет подполковник Резников. — А кто ваши родители? Где они живут?

— Мать — телятница, отец — плотник. Живут в Смоленской области.

Через три с половиной года имя этого курсанта будут произносить на всех языках мира. И Резников увидит в газетах фотографии его родителей и уловит большую схожесть его лица с материнским.

Позже подполковника Резникова спросят журналисты:

— Каким он был, когда вы работали преподавателем в Оренбургском училище?

И он ответит:

— Его образ не нуждается ни в каких подкрашиваниях или преувеличениях… Это был умный парень, который живо интересовался всем, что было для него новым и необычным в области авиации. Он с нетерпением стремился в воздух. Внешний вид у него был безукоризненный: гимнастерка с начищенными пуговицами и приколотым комсомольским значком тщательно отглажена и расправлена под ремнем, все складки собраны назад. Симпатичный парень среднего или даже немного ниже среднего роста, лицо совсем еще юное, с ямочками в углах губ…

А однажды подполковник Резников скажет уже не корреспондентам, а своему другу:

— Слушай, а ты читал Экзюпери?

Тот ответил:

— Конечно. Только давно.

Резников настойчиво посоветует перечитать хотя бы «Ночной полет».

— Но есть и другие не менее хорошие книги.

— Но их писали не летчики.

И добавит:

— Гагарин очень любил Экзюпери.

ВАЛЯ ГОРЯЧЕВА

Вход в городской сад был с улицы Советской. По воскресеньям оттуда, с танцевальной площадки, доносились звуки вальсов, фокстротов, танго, маня девушек новыми знакомствами. Как-никак, а Оренбург давно слыл городом женихов. Каждый год в разные концы страны выпускники летного

и артиллерийского училищ старались уехать с молодыми женами. Так что девушки здесь долго не невестились.

Город гордился своей танцевальной площадкой. Чтоб какая-то там драка, курение во время танца, нетрезвый партнер — об этом никто и не слыхал. Тон задавали военные. Конечно, к ним девушки льнули больше, тут уж штатские понимали, что проигрывают рядом с подтянутыми, стройными офицерами и курсантами.

Подруга уговорила-таки в этот вечер Валю Горячеву пойти на танцы. Странная это была пара, очень контрастная. Наверное, поэтому два курсанта в голубых погонах с сержантскими нашивками обратили на них внимание.

— Помнишь, Юра, я тебе говорил, что несколько раз видел в городе девушку, и она мне очень нравится. Вот она!

Дергунов взглянул на высокую девушку с капризными полными губами.

— Не эта ли красавица снится тебе по ночам?

— Нет, другая, что стоит рядом.

— Ну, что ж, пошли знакомиться. Смотри, Гагара, не подкачай. Вперед, грудь колесом!

Дергунов первым пошел к девушкам.

— Разрешите пригласить на вальс!

Дергунов шагнул в сторону блондинки. А Гагарин кружился и не спускал глаз с Вали Горячевой.

«Гагаре повезло», — думал Дергунов, вальсируя со своей партнершей. И целый вечер на все лады расхваливал своего друга.

Глубокие, полные радостного света глаза покорили Гагарина сразу. Он не сводил с девушки глаз. Валя наконец сердито взглянула на него, — терпеть не могла такой бесцеремонности. А он добродушно улыбнулся и предложил:

— Давайте еще потанцуем?

Она положила руки на голубые погоны и легко закружилась, а радостная улыбка выдала: любит танцевать. В такт стройному девичьему стану извивались две пышные черные косы. Лицо в чуть заметных веснушках порозовело, разгоряченное танцем. Крутые, крепкие дуги бровей вздрагивали, будто от удивления.

Они почти не расставались в тот вечер. Танцевали, сидели, разговаривали, когда она уставала. И хотя Валя была всего лишь на год моложе, Юрий чувствовал себя рядом с ней эдаким уже повидавшим виды человеком. Еще бы! Валя в семье была шестым ребенком, любимицей. Она еще ни разу не выезжала из родного города… А он-то! Сколько повидал за свои двадцать с небольшим лет!

— А школу вы уже закончили? — спросил он Валю.

— И школу закончила, и уже работаю на городском телеграфе.

Эта девочка могла и постоять за себя.

— Если вы работаете на телеграфе, значит, это на улице Кирова. Такое старинное серое здание. Разрешите иногда в свободную минуту заглянуть к вам, засвидетельствовать свое почтение, — пошутил Юра.

— Почитать нам друг друга еще не за что. А вот в гости к себе домой я приглашаю. Так что незачем нам здороваться через телеграфное окошко. — Валя рассмеялась.

На следующий день Юра пригласил ее на стадион посмотреть спортивные соревнования. Пришла, когда там игра была в полном разгаре. Болельщиков было не очень много, но за игрой они следили внимательно и реагировали на удачи своих любимцев бурно. Неподалеку друг от друга сидели два генерала — тоже болельщики. Один — за артиллеристов, другой — за летчиков. Валя внимательно присмотрелась к играющим, и вдруг волна радости захлестнула ее:

— Гагарин!

ОН БЫЛ ДЛЯ НЕБА СОЗДАН

Каждый день в училище стал для Юры удивительно интересен. Особенно нравились уроки подполковника Коднера. О жизни Циолковского, Чаплыгина, Жуковского, их вкладе в развитие мировой авиации он рассказывал так, словно сам был рядом с ними, наблюдал как рождались замечательные открытия. Тема «Звуковой барьер» превращалась в поэму о том, сколь тернист и прекрасен путь тех, кто безоглядно посвятил себя покорению неба. Юрий Гагарин старательно записывает в тетрадь лекцию Коднера. И никто из его товарищей, что сидели рядом за столами, и не думал, конечно, что он первым увидит бушующее пламя на обшивке собственного космического корабля.

Но пока ему поскорее хотелось взглянуть на МиГ поближе. Все чаще, когда те со свистом проносились над их головами, появлялась тревожная мысль: «Получится ли у меня на реактивном, смогу ли?» Однажды он проходил мимо чужого класса и, увидев в приоткрытую дверь макет МиГа, вошел, сел в кабину реактивного самолета, пристегнулся ремнями, посмотрел на приборную доску и ахнул от удивления: такого количества приборов, различных рычагов, кранов, кнопок, регуляторов ему, пожалуй, не запомнить. Да, это не старушка «ноль шесть»! На следующий день он опять пришел в этот класс. Сел в машину,

пристегнулся ремнями, спокойней стал рассматривать оборудование кабины… За этим занятием и застал Гагарина случайно заглянувший в дверь подполковник Коднер. Юрий был так увлечен, что не заметил преподавателя. Коднер осторожно прикрыл дверь, отошел, тихо ступая на носки. Подумал: «Этот парень прямо-таки создан для неба. Ишь, как стремится в воздух!»

Так проходил день за днем.

А за старинными стенами училища дышал город, в котором жила самая прекрасная из всех девушек — Валя Горячева, и завтра они с Юрой Дергуновым пойдут к ней в гости.

На следующий день все училище вышло на лыжный кросс. Гагарин коротко изложил другу план на весь этот счастливый день:

— Значит, так. Жмем на все четыре лыжни и всеми четырьмя ногами, чтобы первыми выйти к финишу, и сразу же идем на улицу Чичерина…

— В лыжных костюмах? — засомневался Дергунов.

— Не беда, объясним ситуацию: мол, так и так…

— Голодные? Ведь без обеда же останемся, — упорствовал Дергунов.

— Не умрем…

Дверь отворила Валя. Лицо полыхнуло румянцем, глаза засияли. Провела их в комнату, представила:

— Папа, это мои товарищи, Юра и еще Юра.

Юры стукнули каблуками:

— Юрий Гагарин.

— Юрий Дергунов.

— А я — Иван Степанович, — улыбнулся приветливо. — Милости просим к столу. Только что беляши испек.

— Знаете, папа ведь повар. И никто из всех женщин в нашей семье беляши так вкусно не печет.

На большом круглом столе пыхтел самовар. Похожая на Валю, только много старше, женщина, в накинутом на плечи пуховом платке, расставляла на белой скатерти вазочки с пахучим вареньем.

Пока Валя знакомила их с матерью, на столе появились грузди, домашнего посола капуста, огурцы, и отец скомандовал:

— За стол, ребятки, пока не остыли беляши-то! В самый раз и подоспели!

И спросил:

— Что-то вы одеты налегке, не замерзли?

— Мы сразу после лыжного кросса. Замерзнуть не замерзли, но чаю выпьем с удовольствием. — Юра Дергунов держался так, словно бывал в этом доме не раз.

Оба Юрия беляшей, не вокзальных, а домашних, пахучих, сочных, еще отродясь не ели. Они и не замечали, как таяла во рту вперемежку с груздями такая царская еда. Скоро тарелка была пустая. Отец принес еще. Тогда и не выдержал Юра Дергунов:

— Вот бы Колосова сюда. А то понес наши лыжи… Объеденье же! Спасибо, мы сыты на всю неделю.

Иван Степанович признательно на них посмотрел. Домашние давно привыкли к его мастерству: ели беляши молча, как должное. А вот ребята сразу и оценили, что к чему.

— В другой раз и Колосова прихватите с собой. Валя-то у нас на беляши не мастерица, а пельмени делает получше меня…

Валя включила проигрыватель:

— Это моя любимая пластинка.

Томительно прекрасная мелодия заполнила комнату. Все трое молчали, плененные ею. А когда музыка кончилась, Гагарин снял пластинку с диска и прочитал: «Григ. «Пэр Гюнт», «Песня Сольвейг», «Танец Анитры».

— Чудесная музыка. Где вы взяли эту пластинку?

— Мне подарили в день рождения. Я слушаю ее почти каждый день. Нравится. Очень… — зарделась вдруг, будто призналась ему в чем-то тайном, сокровенном.

Долго вспоминали они в казарме по-матерински уютный дом. Много позже, когда по радио передавали концерт для полярников, дрейфующих на станции «Северный полюс-4», оба прислушались и тотчас взглянули друг на друга:

— Узнаешь?

— Конечно. Валина пластинка.

А в тот вечер Юра Гагарин упорно нажимал ногу товарищу, намекая: пора, мол, и честь знать. А он все не хотел уходить из дома, полного доброй женской ласки, хлебосолья.

Гагарин поднялся и пошел на кухню проститься с родителями Вали.

— Спасибо за беляши, за чай.

Возвращаясь в училище, они опять устроили пробежку, чтобы не замерзнуть в своих лыжных костюмах. И только у самых ворот Юрий Дергунов сказал неожиданно:

— Смотри, Юрка, если ты не влюбишься в Валю, так я сам..

Гагарин отшутился:

— Вот как! Больше не видеть тебе беляшей… А ведь в следующий раз, слышал, обещали пельмени…

ЮРИЙ И ВАЛЕНТИНА

Чуть забрезжил тусклый рассвет — Валин отец разбудил дочь и жену:

— Одевайтесь, засони..

Уж какие там засони — еще вчера Валя допоздна мыла полы, стирала. Все делала споро, от того, что в душе таила радость — придет же, наверное, Юра и в это воскресенье, хоть и сказал неопределенно:

— Увидимся скоро. Как выдастся свободный денек, так и нагрянем. Можно?

Она утвердительно кивнула, плавно повела плечами, теребя густую косу. Ответила с достоинством радушной, хлебосольной хозяйки дома:

— Приходите. Будут пельмени. И Толю своего, который вас сегодня выручил, непременно приводите…

Подозрительным показалось вчера отцу чрезмерное усердие дочки. И пыль-то ока вытирала со всех шкафов и шкафчиков, а занавеси, совсем вроде бы чистые, быстренько сняла и выстирала, и подушки выколачивала на улице. Поэтому загодя купил мясо на фарш.

Любил отец воскресным утром почаевничать в семье. Но сегодня они с матерью отправились в гости.

Валя разделывала тесто маленькой рюмкой, и пельмени получались такими крошечными, что отец не выдержал, сказал с порога:

— Эдак ты будешь лепить их до самого вечера…

— Ничего. Зато красивы, как на подбор.

Раздался стук в дверь и веселый звонкий голос на пороге спросил: «Здравствуйте! Валя дома?»

Екнуло радостно сердце. Только и успела убрать со лба выбившуюся прядь. Такой он и увидел ее: в фартуке, руки в тесте. И милей, красивей показалась она в это утро, чем в праздничном платье на вечере.

Подумалось впервые: «Если женюсь, так на ней или похожей на нее. Чтобы приходил с аэродрома — а на столе щи дымятся, пельмени сделаны. И по дому малышня ползает. Не меньше троих. Девчонки, мальчики. И даже пусть ревут на все лады. Тоже хорошо. Весело чтобы жизнь катилась…»

Уловив, что пришел вроде бы рановато, сказал, извиняясь:

— Видите ли, Валя, товарищи мои сегодня немножко проштрафились. И увольнительная у них сорвалась. Юра даже будет полы по этому случаю драить в казарме.

— Что ж он натворил? — с испугом всплеснула руками.

— Это маленькая военная тайна. Пусть Юра расскажет сам. Ничего страшного, успокойтесь.

— Чего же я держу вас на пороге-то, — спохватилась Валя и стала задвигать в стол тесто, фарш, словно бы стесняясь того дела, за которым он ее застал.

— А знаете. Валя, — предложил он неожиданно для нее, а может, и для себя, — давайте вдвоем поработаем. Идет?

Она повязала ему поверх гимнастерки полотенце и стала показывать, как лепят пельмени. Он старательно повторял за ней. Но рядом с Валиными его пельмени были так неуклюжи, что он сдвинул их в сторонку и растерянно сознался:

— Видно, каждому — свое… Если когда-нибудь проштрафлюсь, сразу попрошусь на кухню, там подучусь и только потом пойду к вам в ученики. Идет?

Валя смеялась, а руки ее так и летали над маленькими кусочками теста.

— А чтоб вам веселей работалось, — тотчас придумал он, — давайте я буду читать.

Подошел к этажерке с книгами, долго что-то искал.

Вынул голубой томик, радостно воскликнул:

— Нашел!

И совсем по-мальчишески уткнулся в него, забыв обо всем. Она взглянула на него и опустила руки: стоял, с упоением читая книгу, славный парень с худым затылком, широкий ворот гимнастерки подчеркивал юношески тонкую его шею. Всю ее пронзила бог весть откуда взявшаяся щемящая жалость к этой мальчишеской шее: «Конечно, давно ведь из дома. Выкормлен не маминым блинами, как я. А все по столовкам, на супах да кашах… Надо будет что-то повкусней им готовить. А то ведь отвыкли все они от домашней стряпни».

А он опять весело заговорил про свое:

— Ладно, сознаюсь вам. Валя. Сколько слышал: «Есенин, Есенин», а ведь не читал еще ни разу его стихи. Слушайте, Валя, как же это здорово!..

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне…
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

— Имя-то какое красивое Ша-га-нэ… — Валя в раздумье произнесла его по слогам.

А он перевернул страницу и опять начал: «Ты сказала, что Саади…» — И запнулся. Заминку свою поспешно объяснил:

— Имена какие-то: Шаганэ, Саади — не выговоришь сразу…

Прочитав про себя, быстро перевернул страницу с запретно-волнующими строками, от которых обдало горячей волной: могут же другие говорить такими простыми и верными словами!

— А знаете. Валя, Есенин даже собаке стихи посвящал. — И начал искать стихи про собаку.

Ваяя давно сидела, подперев ладонями с прилипшим к ним тестом черноволосую голову, и смотрела на губы, то на коротко стриженные волосы, придумывая, под каким бы предлогом отдать ему шерстяные носки, которые она связала. Скоро начнутся такие заносы, что одно спасение — валенки. А каково им — в кирзовых сапогах?.. Так качалась для нее эта одновременно сладкая и тяжкая мука, от которой сердце начинает биться неровными толчками, все преображается на земле…

Потом, когда его уже не стало, она часто думала: «Да, иначе он не мог жить, таким уж он был».

А она? Она по-женски преданно берегла его с той самой минуты, когда тихим оренбургским утром поняла, что нет и не будет для нее человека ближе.

И когда в его последний земной час Родина, весь мир отдавали ему последние почести, Валентина шла за лафетом, затянутым черным крепом, — достойная его подруга, жена.

…Траурные мелодии, грохот орудийных залпов, отдающих последний салют, десятки, тысячи, да что там — миллионы людей Земли в тихом молчании медленно шли вместе с ней за катафалком, увитым цветами.

Смолкли последние траурные аккорды. С Кремлевской стены, с портрета, на нее смотрели такие живые, такие родные глаза — не выдержала, рванулась к нему, к портрету… В этом потрясшем всех движении раскрылась вся глубина беззаветной женской любви. Самоотверженной, стойкой, мужественной.

В эти мгновения пронеслась перед ней вся их счастливая и такая недолгая жизнь…

Они не виделись почти все лето. После полетов пятую эскадрилью отправили в Шарлык копать картошку. А потом — сразу началась подготовка к первому училищному параду. В увольнения никого не отпускали.

Праздничное утро выдалось пасмурным, накрапывал дождь. Под ликующие, радостные марши она шла по площади в колонне демонстрантов, шла и оглядывалась, а вдруг увидит Юру. Голос из репродуктора объявил:

— На площадь вступает Чкаловское военно-авиационное

училище летчиков…

Она видела разгоряченные лица. Как легко и свободно шли они, будущие Чкаловы, Маресьевы, Покрышкины… Да, так красиво могут ходить только военные. Вот первые ряды… Его нет, а взгляд дальше — быстрый. Нельзя упустить ни мгновенья…

И вдруг их глаза встретились. Она подалась к нему, но доля секунды — и только мальчишеский затылок замаячил перед ней. И лучше, родней его не было на свете. Даже так вот, со спины, она бы узнала его среди сотен других. Кто сказал, что пасмурен этот день! Он весь соткан из солнечных лучей. И Юра — такой мужественный и красивый, с того оренбургского зимнего утра он — самый красивый…

УРОКА НЕ БУДЕТ

Класс готов к занятиям. Но зашел незнакомый преподаватель, и курсанты недоуменно переглянулись.

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ подполковник!

— Вольно! Кто старшина классного отделения?

— Курсант Гагарин.

— Сегодня занятий по воздушной тактике не будет. Заболел преподаватель.

— Разрешите высказать предложение?

— Слушаю вас.

— Мы можем провести занятие самостоятельно?

— Что ж, попытайтесь. После занятий доложите.

— Слушаюсь.

Преподаватель вышел, и Гагарин занял его место. Курсанты прыснули здоровым, гулким молодым смехом: из-за кафедры чуть виднелось мальчишечье лицо с ямочками в уголках губ.

— Внимание, товарищи курсанты!

Смех продолжался звонче, а у Юры в глазах тоже плясали веселые «чертики».

— Злобин, Дергунов, Репин! Три наряда вне очереди! На кухню! Делать на весь взвод пельмени!

Такое начало понравилось. Дергунов «завелся»:

— На мыло повара!

Гагарин спокойно вышел из-за кафедры, взял со своего стола несколько учебников, на секунду совсем исчез за кафедрой… и возник на целую голову выше прежнего. Величественный, сосредоточенный — под ногами лежала стопка книг. Вскинул, с подобающей случаю решительностью подбородок, сказал:

— Некто Дергунов считается с высокими авторитетами, но

вы, мои друзья, надеюсь, не пожалеете, отдав сегодня эту древнюю кафедру пока безвестному Юрию Алексеевичу Гагарину.

Класс не успел еще признать новоиспеченного профессора, как тот заговорил убежденно и страстно:

— Стать на Луну, поднять камень с ее поверхности, направить движущиеся станции в межпланетное пространство, образовать живые кольца вокруг Земли, Луны, Солнца, наблюдать море на расстоянии нескольких десятков верст, спуститься на самую его поверхность, что, по-видимому, может быть сумасброднее! Однако только с момента применения реактивных приборов начнется новая великая эра в астрономии — эпоха более пристального изучения неба. Устрашающая сила тяготения не пугает ли нас более, чем следует?.. — задал вопрос и замолчал, а все притихли.

Юрий Дергунов поднял руку: он сдавался всегда позже других.

— Разрешите вопросик, товарищ преподаватель?

— Разрешаю.

— Кого это вы так отчаянно цитируете, что-то очень и очень знакомое.

Гагарин удивленно, словно бы из-под очков, обвел взглядом класс и строго спросил:

— Есть ли еще желающие задать подобный вопрос?

Выждал, подвел беспощадный итог:

— Я обязан сегодня поставить курсанту Дергунову, нашему великому эрудиту, огромную двойку. Но я рад, что он, надеюсь, единственный, кто незнаком с трудами великого провидца.

Он подошел к доске, написал на ней «Дергунов», скорбно опустив голову, постоял так и вырисовал рядом с фамилией большую единицу.

Дергунов опять поднял руку:

— Могу ли я полюбопытствовать и спросить уважаемого профессора, за что он влепил мне этот колышек?

— Извольте! Я поставил этот кол за то, что ваша голова набита чепухой, а вот то, что сказал полвека назад основоположник науки реактивного движения Константин Эдуардович Циолковский, вы запамятовали…

— Профессор, а знаете ли вы прекрасные стихи Поля Верлена?

— Курсант Дергунов, не забывайтесь… Сегодня мы не на лекции по изящной словесности. Покиньте класс и отправляйтесь за трудами Циолковского.

Курсанты уже с интересом следили за их диалогом.

— Я исполню вашу просьбу, уважаемый профессор, если вы

тоже ответите на один вопрос.

— Извольте!

— Кто такой Кибальчич?

— Простите, не понял. Впрочем, я не обязан отвечать вам.

— Не хитрите, профессор.

Раздались дружные возгласы:

— Профессора на мыло!

— В отставку!

Гагарин с достоинством покинул кафедру, раскланявшись на все стороны.

Дергунов, ероша короткие волосы, встал вместо Гагарина, весело подмигнул:

— Товарищи курсанты, почтим память профессора Гагарина дружным вставанием.

Все встали, а он уже командовал дальше:

— Крикнем три раза: «Вечная память!», но так, чтобы наши наставники не услышали и не влепили бы всему отделению наряд — драить сегодня коридор.

Дружно и тихо прокричали.

— А теперь поехали дальше. Отдадим должное профессору Гагарину. Он хорошо изучил труды Циолковского. Позвольте спросить, в каких академиях?

— В Саратовском индустриальном техникуме.

— А! Похвально! Это обнадеживает…

Дергунов вдохновенно мотнул стриженой головой и продолжал:

— А теперь справка для тугоухих. Еще в конце прошлого века русский революционер Кибальчич в тюрьме за несколько часов до казни написал, что ракета и только ракета может вынести человека в космос. И даже пытался дать техническое решение своих замыслов, писал формулы буквально за несколько часов до эшафота, а над ним стояли жандармы. Все его труды были в архивах охранки до самой революции. Позже Циолковский создал основы теории многоступенчатых ракет и впервые в мире сказал, что межпланетные путешествия превратятся скоро в действительность… Верно, товарищ Гагарин, я излагаю идеи Циолковского?

— Так точно. Я бы хотел добавить последний его завет: «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

Отделение сидело смирно, никто не занимался ни письмами, ни книгами.

— Все слышали, что завещал Константин Эдуардович Циолковский? Хватит жить в колыбели. Баста! До каких пор?! А теперь пошевелите мозгами и прикиньте, когда мы отправимся в

эти самые межпланетные путешествия.

Класс взорвался:

— Эх, куда махнул!

— Может, и отправимся лет через сто…

— Нет, раньше. Лет через тридцать.

— Рановато мечтать…

Незаметно для всех урок-шутка превратился во что-то очень важное, это почувствовал и Дергунов. Он посерьезнел, иные ноты зазвучали в его голосе.

— Курсант Валентин Злобин! Что вы думаете по этому поводу?

— Я еще не думал.

— Очень жаль… Николай Репин, ваше мнение?

— Я скажу свое мнение тогда, когда оседлаю хотя бы МиГ и почувствую, что такое стратосфера.

— Курсант Горячев, ваши соображения?

— Я готов хоть сегодня стать в очередь желающих отправиться в межпланетное путешествие.

— Ответ, достойный курсанта ЧВАУЛ…

С места вскочил и возбужденно замахал руками Валентин Злобин:

— Ишь, чего захотел? Он желает отправиться в межпланетное путешествие… Будто бы я не желаю того же…

Сорвался из-за парты и стал рядом с Дергуновым Коля Репин:

— Куда подавать заявление, я готов написать его немедленно.

— Субординация, голубчик. Пойдите за парту, напишите и подайте в порядке обычной солдатской очереди.

Репин послушно вернулся назад, кивнув с места:

— На чье имя?

— На мое, разумеется.

И бросил всем новую идею:

— Пишите, пишите, товарищи комсомольцы, ваши заявления, сдадите их в конце урока. Тогда мы без громких слов точно узнаем, кто чего стоит, а заодно проверим вашу грамотность, что очень понадобится первым межпланетным путешественникам: им же придется обучать марсиан русскому языку, чтобы вступить в человеческие контакты. Гагарин, что вы так подозрительно притихли?

Но Гагарин не отвечал, сосредоточенно склонившись над столом. Все повернули головы в его сторону. Он встал и, отодвинув тетрадочный листок, задумчиво сказал:

— Заявление написать — не шутка, это можно в один присест. Я тут попробовал нарисовать макет космического

корабля.

— А ну-ка!

— Покажи, Юра!

Первым взглянул на рисунок, конечно, Дергунов. Повертел его так и эдак, хмыкнул довольно и резюмировал:

— Нечто, конечно, абстрактное. Хитришь, Гагарин, смутная твоя идея. Но все же хвалю за дерзание. Передайте рисунок другим.

Листок закочевал по столам. А Дергунов отдавал новую команду:

— Отложите-ка на время ваши бумаги. Мы их действительно напишем, когда надо будет, в один присест. Окунитесь в безмолвие космоса, проникнитесь его величием, и пусть каждый сконструирует макет своего собственного космического корабля. Дерзайте смелее! Но в основе вашего дерзания должен быть строгий математический расчет, глубокое убеждение и вера в идею. Итак, создайте будущий космический корабль, все до единого.

Этому и посвятили остаток урока. Снова склонились над столами стриженые головы. Дергунов вышел из-за кафедры, пробежался по классу и сказал:

— Вы, ребята, рисуете черт-те что! Какие-то шары воздушные, целые лайнеры, самолеты разные, но не межпланетные ракеты. Задание, конечно, не из легких, нужна солидная теоретическая подготовка. Вы, пожалуй, сегодня к нему не готовы. К следующему уроку посмотрите чертежи Кибальчича и загляните в уравнения и формулы Циолковского. Может, они сделают вас сообразительней. Мне же понравился рисунок Гагарина хотя бы тем, что, рисуя второй вариант космического корабля, он запечатлел меня в роли командира экипажа. Можете взглянуть!

Но взглянуть все же осмотрительно не дал, комментируя рисунок сам:

— Конечно, это я! Какое вдохновенное и смелое лицо, сколько в нем воли к победе. Нет, ребята, честно говоря, я не такой ангел. Будем лучше считать, что Юра нарисовал наш общий портрет, он слишком щедр для одного. Договорились? Думаю, никто не будет протестовать?

— Никто! — согласился класс.

Урок пролетел, как мгновение. Звонку не обрадовались. На прощание Юра Дергунов поблагодарил за выдумку Гагарина. Никто не вставал из-за столов, пока он не произнес последнюю фразу:

— Итак, друзья, подытожим сегодняшние занятия. Мне думается, мы самостоятельно выучим секрет формулы

воздушного боя. А сейчас мы решили вопросы не менее значительные и важные, задание получили отменное, так что урок будем считать состоявшимся. Гагарин, разрешаю вам, как старшине классного отделения, так и доложить по инстанции.

Эти парни знали не так уж мало.

ОРЕНБУРГСКИЙ МЕРИДИАН

Оранжевый веер солнца щедро раскинулся над степью, согретый первыми лучами свежий предутренний ветерок ласкал опаленные полуденным зноем лица курсантов, строем вытянувшихся перед линейкой истребителей. Училищный аэродром, стоянка самолетов эскадрильи старшего лейтенанта Колосова, взволнованные лица юношей — все необычно в это утро. Все в торжественно-приподнятом настроении, от инструкторов до курсантов. Перед строем вышел Колосов.

— Товарищи курсанты! Проверка техники пилотирования закончена. Реактивные истребители безотказно повинуются вашим рукам. Нелегко овладеть властью над таким самолетом. Помните, что первый миг в жизни МиГа состоялся в 1942 году, когда Григорий Бахчиванджи поднял в небо первый советский реактивный самолет Би-1. Стало быть, начало реактивной авиации связано накрепко с именем нашего училища, поскольку Григорий Бахчиванджи — воспитанник Оренбургского училища, как и десятки других легендарных героев, славных соколов, истинных сынов отечества. Свято чтите их имена и подвиги, сегодня вы — их однополчане по духу, по устремлению и горячей любви к Родине. Хорошо, что старшиной экипажа был назначен сержант Гагарин. Удивительно настойчивый, упорный курсант. Есть с кого брать пример сегодня многим другим. Если хотите знать, у него многому можно поучиться и научиться.

Стальные нервы, деловитость, прямота, храбрость, уверенность, риск, смелость, умение логично, без лишних слов изложить мысль, увязать ее с практической стороной дела. Он дорожит каждой минутой самоподготовки, и в личное время его можно видеть то с учебником, то просто с книгой по аэродинамике.

Слушая такой панегирик товарищу, курсанты, чуть-чуть нарушая устав, невольно косились в ту сторону, где рядом с высоким, плотным Захаровым стоял, зардевшись, как кумач, скромно потупив глаза, худощавый, похожий на мальчишку-подростка, сержант Гагарин. «Хватит для него и для них — тоже. Пока. На сегодня, — договаривал мысленно Колосов. — Им еще не понять того, что видно нам, опытным летчикам, как в одном

этом невысоком русоволосом мальчишке, совсем не былинном богатыре, соединяются в твердый сплав настоящая безрассудная смелость и грациозное ухарство, мальчишеский задор и склонность к экспериментальному риску, человеческое обаяние и сверкающая романтика».

Поэтому закончил речь свою по-деловому, буднично.

— Одним словом, сержант Гагарин с завтрашнего дня переходит в экипаж Акбулатова для отработки приемов воздушного боя. Я верю, что среди новых друзей он быстро завоюет любовь и уважение.

Жизнерадостный, энергичный, легкий в общении с людьми, Юрий стал хорошим товарищем и в новом звене, хотя по возрасту был моложе многих курсантов, но и здесь старшинство невысокого юноши признали быстро и не только по службе, хотя он никогда не показывал своего превосходства ни в успехах в учебе, ни в общей начитанности и эрудиции.

Однако в каком бы окружении не был, Юрий душой тянулся к Дергунову. Наконец и в новом экипаже настал день, когда Акбулатов в паре с ним вылетел на задание. Сказал, как обычно, немногословно, самое главное:

— Будем отрабатывать командирские навыки. Вы пойдете ведущим, а я — ведомым. Действия в воздухе должны быть быстрыми, но разумными.

И сразу после этого полета Юрий Гагарин разыскал Юрия Дергунова. Только он мог понять его в такой день, только он сможет прочувствовать все, что произошло с ним в небе.

С нетерпеливым наслаждением на речном лугу друзья сбросили кирзовые сапоги, размотали портянки, побежали в догоняшки, забыв о том, что они уже без пяти минут летчики. Бегали, как мальчишки, ощущая в десять раз больше влажную мягкость и ласковость молодой травы после недавнего дождя, потом друг за другом упали в нее лицом, с упоением впитывая терпкие запахи земли. Понежившись, перевернулись на спину. Впитав в себя, насытившись вволю всеми доступными земными радостями, Юрий Дергунов спросил, зная, что тот, другой Юрий, уже давно ждет не дождется этого вопроса:

— Как прошел воздушный бой?

Гагарин начал спокойно:

— Нормально. Я решил сразу в воздухе: начиная бой, навязать «противнику» свою инициативу.

Но по мере того, как он продолжал говорить, глаза друга загорались тем блеском, причину которого так хорошо понимал Дергунов.

— Я искусно построил маневр, будь уверен. Знаешь, что

сказал мне Акбулатов? «А неплохо бы иметь такого напарника в настоящем бою».

— Молодец!

— Еще бы! Ведь кто сказал, смыслишь?

Гагарин вскочил с земли, вытянулся в струну, ноздри его расширились: он был опять во власти недавнего «боя». Обсудив до последних деталей все, что происходило с обоими за последние дни, они опять упали на землю, под золотистые иглы солнца, словно хотели впитать его животворную силу, такую необходимую летчикам в единоборстве с ветрами, облаками, грозами и ливнями.

Дергунов вдруг спросил:

— Помнишь, ты однажды сказал, что не знаешь, кто такой Кибальчич. Зачем ты так сказал? Ведь знал же?

— Конечно, знал. Только неудобно перед ребятами быть всезнайкой. Ведь я же техникум кончил. А многие из наших пришли в училище из школы, из армии. Зачем же выделяться? Мне просто больше повезло. — И перевел разговор на другое: — Нет, ты чувствуешь красотищу эту? Эту голубизну неба? Что происходит с солнцем, с природой? Вчера все было другим. Дыши глубже. Слышишь, чувствуешь, как земля пахнет? Парным молоком.

Спустя всего четыре года он скажет в этом городе, как истинный художник, уже другим курсантам:

> «Очень красивый ореол у нашей Земли! С высоты 180 и 320 километров очень хорошо наблюдается горизонт. Он опоясан голубым поясом. Этот поясок у самой поверхности Земли нежно-голубой. Затем он постепенно темнеет: голубой, синий, фиолетовый и плавный переход к черному цвету неба. Небо у нас голубое, красивое. А на самом деле, оно черное. На Земле оно голубое за счет разложения солнечного света в атмосфере Земли. Солнце очень яркое, в несколько десятков, сотен раз яркость солнца больше, чем у нас на земле. Звезды на черном небе выглядят гораздо четче, ярче, чем мы можем наблюдать их даже в самую темную ночь. При выходе из тени Земли ореол делается другим. Он ярко-оранжевый, а за ним — большая, громадная радуга… во всю земную атмосферу…»

Эти слова телетайпы разнесут по всему миру, их запишут ученые всех стран и народов. Слова первого пришельца из космоса. Так чувствовать, так увидеть и рассказать о тайнах и красках неведомого мог человек, влюбленный в земные звуки и

запахи, в первую весеннюю проталинку, в последний золотой луч солнца, человек, мечтавший взять руками продрогший ветер и согреть его у собственной груди, когда вместе с мамой в глубоких сумерках однажды заблудился в колючей стерне прошлогоднего поля, собирая колоски, и она съежилась, сгорбилась от холода. Он тогда обратился к луне, как когда-то Ярославна к солнцу: «Светлая-пресветлая луна, всегда холодная, но распрекрасная! Пошли сегодня для моей мамы единственный теплый лучик! Разве тебе мало заливать своим таинственным светом эти облака, и реки, и равнины? Если у тебя добрая душа, то ты выведешь нас на дорогу, потому что согреть все равно не сможешь. А в лесу я разведу костер, чтобы мама согрелась, и больше никогда не разрешу ей ходить за колосками…»

А когда сидели, прижавшись друг к другу, на поваленном дереве. Юра, завороженно глядя на весело потрескивающее пламя яркого костра, воскликнул радостно, ликующе, будто и не замерзал несколько минут назад так, что совсем было окоченели ноги и спина:

— Эх, красотища же! Знаешь, мама, когда пещерные люди научились добывать огонь, тогда и жизнь началась настоящая. Убьют мамонта и носорога и всю ночь от радости пляшут у костра, жарят мясо, наверное, тоже. — И он словно проглатывал эти пахнущие дымом куски мяса.

Мама достала из-за пазухи несколько картофелин:

— Вот испеки-ка.

В карманах ее фартука в самое нужное время находилось все необходимое именно в данную минуту: спички, иголка с ниткой или, как сейчас вот, — соль и краюха ржаного хлеба. И мальчишка, жующий через полчаса прямо с вкуснейшей кожурой испеченную в костре картошку, посыпанную крупной солью, твердо верил, что в это мгновенье он — самый счастливый человек на земле, под этим бархатисто-черным куполом необъятного неба, сверкающего алмазами, как в фильме «Остров сокровищ»; что нет в мире большей радости, чем запахи весенней прели леса, согретого пламенем костра, чем то сытное тепло, каким наполнялось все его существо от каждой рассыпчатой картофелины.

Но не знал русоголовый русский мальчишка, что всего через каких-то пятнадцать лет, какие в общей летописи мирозданья составляют тысячную долю истории, его имя станет началом новой эры, про которую американский астронавт Нейл Армстронг, первым из землян ступивший на Луну, скажет: «Он нас всех позвал туда». Всех — это все человечество. Давно замечено, что великое возрастает и совершается просто,

буднично, рядом с обыкновенным: и дела, и события, и подвиги.

Может, наперекор черной печали ночи, неведомым тайнам ее звуков и запахов тогда-то безумно захотелось мальчишке стать смелей, окрыленней, сильнее, и впервые душа растревожилась, затрепетала, преисполненная этим радостно-обжигающим желаньем. Может, и упал, прижался к сырой весенней земле, что так щедро вокруг давала животворную силу дремучему лесу, вековым деревьям, быстроходным рекам и ручьям. Может, и пал потому, что впервые ощутил, как много власти дано над всей этой благодатью ему, человеку. Может, и заплакал тот мальчишка в залатанном пиджаке слезами восторга над величайшей тайной, которой исполнена каждая буква слова «жизнь». В минуты душевной щедрости делился тем, что чувствовал и знал, широко, открыто, талантливо.

— Знаете, мы с вами будем свидетелями необычного. Видимо, кто-нибудь скоро услышит чрезвычайно дивные звуковые сигналы нашего космического века. Композиторы не могут не подслушать космос, его тишину. Тишину каких-то гигантских, необъяснимых для человеческого мозга глубин и простора. Наверное, интересной будет и попытка показать зрительный образ этой музыки. Ведь пытался же изобразить ее талантливейший литовский композитор и художник Чюрлёнис. Пытался, когда космос был абсолютной тайной для человечества. А он прикоснулся к вечности задолго до первого звука оттуда. Да так истинно талантливо!

Так говорить, думать, чувствовать мог человек, который многое знал про все: что было, что будет скоро и чего никто уже не остановит. Вырос человек этот на неяркой смоленской земле; в выцветшем степном небе, которое распростерлось над оренбургским меридианом, прочертил первые бесшабашные виражи среди звезд.

«С какими бы мирами ни встретились земляне в своем движении по мирозданию, им будет радостно предъявить как паспорт нашей планеты и как ее визитную карточку имя и память о человеке, который первым взглянул на Землю со стороны и сказал, что она голубая, синяя и фиолетовая», — записал в дневнике один из миллионов его современников.

ТАК УПОИТЕЛЬНО КАСАТЬСЯ ЗЕМЛИ

Все четыре времени года повидал уже Юрий Гагарин в Оренбурге. Не успели отгреметь первые майские грозы, как город кинулся в Урал. Заходили в речку не дальше, чем по пояс. Еще один только шаг — и унесет в самое Каспийское море. Так

стремительно неслись его холодные волны. Высокие крутые обрывы оглашались таким разноголосьем, что грачиные стаи надрывались, чтобы выдержать мало-мальски конкуренцию с огромным человеческим племенем. В конце июня под немилосердным оренбургским солнцем пожелтели густо-зеленые лужайки Зауральной рощи. Ночью спали с открытыми настежь окнами. Даже на рассвете город дышал тяжело, знойно.

Училище выехало в лагеря. Пятая эскадрилья расположилась на берегу Урала. Ревели моторы самолетов; под их рев, то затихающий, то усиливающийся, шла размеренная и распланированная жизнь. Юрий умел радоваться прожитому дню и тому, что наступит завтра. Он частенько вспоминал пословицы и прибаутки, которые слышал от матери, особенно одну из них: «Доброму жернову день — в радость, плохому — в мученье».

Каждый день приносил все крепнущее чувство слияния с машиной. Каждый день снова и снова надо было взмывать ввысь, входить в штопор, проваливаться в бездну в упоении от сознания того, что ты, и только ты, волен остановить это падение. Вираж, еще один и еще разок!

Теперь твоя жизнь и твоя машина в собственных руках. Думай быстро и действуй точно — небо ошибок не прощает. Майка — хоть выжми. Вот ты какой, соленый пот авиации!

Как хорошо будет потом смыть его в прохладной воде Урала, когда вечером все соберутся на берегу, будут прыгать в быстрину с вышки, которую соорудили сами. Устраивать кроссы, плавать и на призы и без них, просто так, кто кого обгонит.

Соскучившись за лень друг по другу, Гагарин и Дергунов старались скрыть это за будничностью фраз:

— А где застряли новые Яки, те, что с носовым колесом?

— Будут на днях. Но, говорят, мотор у них слабоват.

— Зачем же нам летать на них?

— Нужно, чтобы потом легче было переходить на реактивные, у них ведь трехколесное шасси. А у этого экспериментального Яка носовое колесо специально для отработки посадки, хоть и заметно тяжеловат в полете.

— А по мне быстрей бы уже сесть на реактивный.

Разморенные жарой и усталостью, друзья сидели на берегу, на мелкой речной гальке. Земля тихо дышала, шептались травы, солнечными бликами смеялась речка. Ничего не скажешь — мир хорош не только с высоты. Да еще летом, да еще в самую золотую пору цветенья.

— Теперь точно могу сказать, почему наше училище здесь: лучшего места для аэродрома не найдешь.

Дергунов поддержал:

— Точно. Степь да степь кругом.

Нечаянная фраза из песни подсказала мелодию. Дергунов, лежа на горячей гальке, запел:

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит.
В той степи глухой
Умирал ямщик…

Дружно довели песню до конца, позабыв о ее грустном содержании:

А жене скажи,
Пусть не печалится,
И кто сердцу мил —
Пусть обвенчается.

Помедлив, Дергунов спросил:

— Ну, а ты когда «обвенчаешься»?

— Съезжу осенью домой, спрошу мать, отца, послушаю, что они скажут, закончу училище — вот тогда и женюсь.

Дергунов пожевал травинку и, почему-то отвернувшись, тихо сказал:

— Смотри, Юрка, не обижай Валю.

Гагарин вскинул удивленные глаза:

— Зачем же мне ее обижать?! Она — очень хорошая, я люблю ее.

— На всякий случай говорю. Тебе повезло. Я девчонок лучше тебя, наверное, знаю. Так что запомни, тебе повезло, — сказал вдруг так, будто дело с женитьбой уже решено.

Друзья часами могли спорить об авиации, разговоры по душам заводили они редко. И сейчас Дергунов сказал что-то очень важное для него. Сказал, вскочил и побежал к реке.

Наконец, получили долгожданные Яки. И хотя машины были действительно тяжеловаты, но и на них выделывали такие фигуры высшего пилотажа, что небо и земля мелькали в самых уму непостижимых ракурсах.

Уже летали по дальним маршрутам. Уже гремели над ними громы небесные. А в оренбургском небе громы особые. Молнии хрустят, как ветки сухого дерева, на куски раскалывают свинцовую мглу. На земле все по-другому.

Стучит ливень в палатку, сверкающие змеи скользят по небу, освещая парусиновый лагерь. Случалось в такую ночь и не спать:

хорошо мечталось под монотонный плеск воды, под медленно затихающие раскаты грома. Покоем и тихой радостью наполнялась душа. Ливень превращался в теплый летний дождь, от которого за ночь вырастали грибы, тучнели оренбургские нивы, наливались соками травы.

ЭТО ОГРОМНОЕ НЕБО

Незаметно подкралась осень. События нанизывались одно на другое: закончили летную программу, поехали всей эскадрильей копать картошку в подшефный колхоз, а когда вернулись, стали готовиться к параду. Только в праздничные дни довелось опять свидеться с Валей, уже студенткой медучилища.

В Гжатск Гагарин поехал сержантом. Радовались отец с матерью: сын-то, почитай, летчик уже. А летчику чего-то не хватало в родном доме. Скоро и вовсе затосковал по Вале и друзьям. В Оренбург вернулся раньше срока. Оказалось, не он один приехал раньше времени. В оставшиеся свободные дни курсанты гурьбой заваливались в дом на улице Чичерина, и каждый раз Валин отец затевал угощенья, поучая дочь:

— Будет и у тебя когда-нибудь свой дом, так чтоб ни один гость не ушел из него, не выпив чаю. Помни, что красна изба пирогами, а пирогов не будет — свари картошку в мундирах, но гостя голодным не выпускай.

— Не голодные мы, Иван Степанович, — заверяли дружным хором, — сегодня и борщ у нас был, и макароны по-флотски, и запеканка манная.

— Вот, вот! — стоял на своем Иван Степанович. — Знаю, что кормим хорошо свою родную армию, а пирог со свежей рыбой пекут только в материнском доме. Отведайте!

И нарезал большими кусками такой ароматный пирог, что отказаться от него даже сытому человеку было просто невозможно. Ели, пили как-то по-особому заваренный чай из шиповника. Иван Степанович время от времени поглядывал на стол, у всех ли полны чашки, да подсылал с женой подкрепление. Если ребят долго не было — тосковал и, соблюдая тонкую дипломатию, осторожно выведывал у дочери:

— В прошлый-то раз рыба была хорошая, а тесто не подошло, дрожжи старые, вот пирог и не удался.

Валя понимала его маленькую хитрость, понимала, какой тоской он мается (ведь домашние не хвалили с таким усердием его пироги), и на бегу бросала ему в утешение:

— Вот записку получила, надо достать билеты в театр, в субботу премьера «Петра Первого», а их не выпускают. На меня

вся надежда. Так что жди завтра своих приятелей.

Когда она возвращалась с билетами, дома уже варилось и жарилось. Позже, став хозяйкой, Валя старалась сама быть такой же хлебосольной и радушной.

Накануне Восьмого марта отец сунул ей в руки сверток:

— От матери и сестер, да и от меня тоже.

Валя ахнула — такого красивого платья у нее не было никогда. Надела — точь-в-точь по фигуре, и тут же куда-то убежала, вызвав недоуменный возглас матери:

— Вот гулена-то, ни свет ни заря идти в таком платье.

Восьмого марта Валя с самого утра ждала Юру, а он пришел только назавтра с двумя веточками мимозы.

— Поздравляю с праздником, Валечка. Вчера не мог вырваться. Это — тебе и маме.

Она провела его в комнату, тихо сказала:

— Поздравляю тебя с днем рождения. Возьми вот это, — и подала незапечатанный конверт.

Он достал из него две фотографии. На одной Валя в белом халате, настоящая медицинская сестра. А на второй — она в новом нарядном платье.

— Прочти надпись на обороте. Он перевернул фотографию.

> «Юра, помни, что кузнецы нашего счастья — это мы сами. Перед судьбой не склоняй головы. Помни, что ожидание — это большое искусство. Храни это чувство до самой счастливой минуты. 9 марта 1957 года. Валя».

Он заглянул в самую глубину ее сияющих глаз и поцеловал.

— Валя, будь моей женой.

Почему-то на весну приходились самые главные события в его жизни.

Весеннее небо раскинулось над ним, огромное, бездонное. Долгожданный МиГ вынес его в эту синюю высь.

Машина будто вздрагивает от нетерпения, земля из-под шасси уходит со свистом, высотомер показывает сразу тысячи метров и ползет дальше, дальше, дальше. Этот полет уже не птичий. Сюда птицы не залетают. Сюда доносится дыхание космоса. Земля, жизнь — там, внизу. Там города, села, бури, приливы и отливы. Оттуда следят за твоим полетом инструкторы, друзья. Очень важно знать, что ты здесь — не один, что невидимая, но крепчайшая нить связывает тебя с родной землей, братством летчиков. Не плошай, в тебя верят.

Острокрылая стальная птица набирает скорость. Вначале казалось, что взлет происходит так же, как на Яке, но это только секунды, и вздыбленный самолет несется ввысь.

— На высотомере уже пять тысяч метров! — вскрикнул Юрий.

— А, почувствовал реактивную мощь! — рассмеялся его инструктор, старший лейтенант Анатолий Колосов.

Самолет перевернулся через крыло и стремительно понесся к земле. Какая-то невероятная сила втиснула Юрия в сиденье. А машина, выйдя из пикирования, опять помчалась ввысь, описала вытянутый эллипс и после вторичного пикирования пошла на такой разворот, что дух захватило.

— Берите управление, — сказал Колосов.

Юрий взялся за ручку.

— Ну как? — спросил инструктор.

— Самолет управляется легко.

Да, здесь важен не только порядок действий, но и точность, плавность всех движений. Особенно трудно сохранять высоту. Немного не рассчитал — нет пятисот метров.

— Что за рывки, Гагарин?

— Сиденье низко. Плохо просматривается земля, затрудняется ориентировка при посадке.

— В следующий вылет подложите что-нибудь под сиденье.

— Есть подложить.

— Почему улыбаетесь?

— Подумал, что сегодня вечером сошью себе подушечку. Рацпредложение тоже.

— Шутки в сторону. Хотя над подушечкой подумайте всерьез.

— Есть — в сторону, есть — подумать.

Он все равно улыбался. Этот красавец МиГ уже подвластен его рукам. Ну и машина! Ничего не скажешь — легкая, красивая. Мечта сбылась! Даже запел, как всегда в минуты душевного взлета:

Акбулат молодой,
Бедна сакля твоя…

Он не сказал бы, когда и где слышал мотив этой незатейливой песенки, переменив в ней только первое слово «Хаз-Булат» на Акбулат. Ядгар Акбулатов — его новый инструктор на МиГе, человек, влюбленный в реактивную авиацию, отлично знающий свое дело. Уж он-то вытряхнет всю душу, если глубокий вираж выйдет не совсем чисто. Гагарин это знает.

Кто только не учил его: русские, украинцы, татары, эстонцы, башкиры.

— Гагарин, если вы еще в полете запоете, будете драить полы.

— Виноват, как-то само по себе поется.

Вечером Акбулатов подвел итог учебных полетов.

— Некоторые уже и песни в небе распевают. Значит, начнем отрабатывать групповую слетанность. — Острым взглядом окинул лица курсантов. — Вертикальные фигуры получаются лучше всех у Гагарина.

…А позже, один на один, спросил заботливо:

— Как переносите перегрузки?

— Нормально.

— Но вы чувствуете их?

— Да, конечно. Я их освоил.

— А как при этом справляетесь с машиной?

— Стараюсь выжать из себя все, чтобы ее подчинить.

— Получается?

— Думаю, что да. Так и проверяем друг друга — кто сильнее.

— Пожалуй, вы будете хорошим летчиком, если тщательно отработаете глубокие виражи. Не допускайте большой крен.

Акбулатов хвалил редко. Он приучал их к мысли, что для летчика мужество — черта обычная, будничная.

Храбрости и хладнокровию он учил каждодневно, как орел своих орлят. Потому на ходу скупо ронял:

— Даже в плохих фильмах и книгах летчиками не рождаются.

А то вдруг, ни к кому не обращаясь:

— На везение и случай надеются только дураки.

А дураками быть не хотелось. Усваивали накрепко: «авось» не вывезет. Им передавались его хладнокровие, строгая требовательность прежде всего к себе.

Все выше, все шире распахивалось перед ними небо!

ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО

Приближались выпускные экзамены. С раннего утра до сумерек курсанты пропадали на аэродроме. Подтянулись, загорели, повзрослели за последнее лето. Без пяти минут летчики, как-никак! У некоторых такие опаленные ветрами и знойными лучами лица, как у того казаха в меховой шапке, которого они увидели здесь впервые два года назад. Общее нелегкое дело спаяло их в дружную семью. Здесь была своя мера дружбы. Зазнавался — с шуткой, но «давали по носу». Заболел — носили в санитарную часть все лакомства, что получали в материнских посылках. Отставал в учебе после болезни — тихо, спокойно помогали подтянуться.

Летали с упоением. Каждый сам, без подсказки, дорабатывал то, что еще не совсем получалось. В один из таких дней Гагарин увидел бегущего к самолетам Юрия Дергунова. И по тому, как он

бежал, подпрыгивая, бросал в воздух шлем, понял: что-то случилось. А Юрий кричал издали:

— Спутник! Спутник запустили!

— Какой спутник?

— Искусственный спутник Земли!

— Кто его запустил-то?

— Наши, конечно! На околоземную орбиту.

— Ура-а!

— А скорость-то, братцы, восемь километров в секунду!

Все тотчас ринулись к радиоприемнику. Слушали, затаив дыхание. Повторяли названия городов, над которыми пролетал спутник.

И хотя Оренбург не был назван, решили по очереди на всякий случай ночью подежурить. А вдруг да и увидят!

Выразительнее всех слов были чуть, писклявые, как голос младенца, звуки: «Бип! Бип!» Итак, безмолвие космоса нарушено. Вот оно, великое начало! Это понимали все: курсанты и преподаватели. Училище гудело. Споры, планы, предложения.

— Что дальше?

— Все ясно — полетели в космос!

— Не человек же, спутник.

— Теперь полетит и человек.

— Лет через десять!

— Что вы! Гораздо быстрее.

— Вряд ли.

— Конечно, не раньше. Одно дело запустить вокруг земли шарик, другое — человека.

— Да, задачка! В таком шарике, только побольше, наверное, и человек полететь может.

— Тоже сказал — шар! Тут нужен какой-то особый звездолет.

— Слушайте! А почему день какой-то обычный? Громы должны греметь, сверкать во все небо молнии.

Дергунов молча слушал, о чем-то думал. И это было странно. Гагарин затормошил возбужденно:

— Ты что, не рад, что ли?

Тот взорвался:

— Сказали! Космический звездолет! Вы что фантазируете? Хочешь — лети на Луну, хочешь — на Марс или Венеру. Да вы знаете, сколько еще людям идти да идти после этого серебристого шара. Сто лет!

— Ну уж! Бери поменьше!

— У меня к тому времени все равно радикулит будет!

— Что верно, то верно! Наверное, полетят другие — помоложе нас.

— А думаешь, я не хотел бы оказаться в том звездолете?

Вот о чем он затосковал, мечтатель Юрий Дергунов, вот отчего у него так внезапно испортилось настроение: он готов сегодня, завтра, хотя бы через год полететь в космос! Но прикинул, что свершится это, пожалуй, не так скоро. К тому времени у других будут зорче глаза, гибче тело, моложе ум. Они полетят — не он. Это его не устраивало.

А день действительно был до обидного обычный, серый, осенний. Светило из-за косматых свинцовых туч вполнакала солнце, и не было ему никакого дела до того, что на весь земной шар зазвучало русское слово «спутник».

А люди с непокрытыми головами стояли возле уличных репродукторов весь день четвертого октября тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года. Стояли, ловили необычные звуки: «Бип! Бип! Бип!» И в училище мало кто спал в ту ночь — первую ночь с ликующим «Бип! Бип!» над миром.

Утром говорили о том же. Юрий Дергунов опять был молчалив, что-то обдумывал, а потом внезапно исчез куда-то. К обеду вернулся и, не выдержав, сознался:

— Только тебе говорю. Знаешь, я все же дам телеграмму. А? Как ты думаешь? Ведь кто-то первый полетит в космос? А может, нужен будет сразу целый экипаж звездолета. Думаю, что все же дело это затянется ненадолго. А то и комсомольская путевка потом не поможет.

— А по какому адресу ты дашь телеграмму? — перебил его Гагарин.

— Да что адрес-то! Он, по-моему, простой. Так и напишу: «Москва. Спутнику». Думаю, дойдет.

— Не знаю.

— А ты? Не хочешь? — спросил требовательно, в упор.

Юрий Гагарин ответил серьезно:

— Надо все хорошо обдумать, чтобы мальчишками там не посчитали. Ты не спеши.

— Смотри, не опоздать бы.

— Нет, Юра, телеграмму пока давать не стоит. Наверное, кого надо будет, позовут, потому что это должны быть люди особые. Очень сильные, выносливые, знающие.

Спустя несколько дней Гагарин показал другу «Правду». Черным по белому было напечатано в ней о том, что в адрес «Москва. Спутник» поступило 60396 телеграмм и писем.

— Значит, твоя была бы…

— Выходит, так, — взъерошил волосы Юрий Дергунов, — хотя до сих пор не уверен, что поступил правильно, тебя послушался, другие уговорили. А покорные не бывают скакунами.

— Наши скачки впереди.

ЗОЛОТЫЕ ПОГОНЫ

Завтрашние летчики взлетают один за другим в воздух, а полковник Кибалов зорко смотрит вслед. Он — председатель Государственной экзаменационной комиссии. И его лицо светится радостью. Хороший выпуск.

Все, курсанты и наставники, возбуждены. Кажется, даже ветер дует какой-то новый, сильный, неведомый. В коридорах училища — взволнованные выпускники. Идут последние экзамены. Открываются тяжелые дубовые двери — и выскакивают счастливчики, которым теперь кажется, что случись еще раз пройти через все эти экзаменационные муки, они бы уже не выдержали. А третьего ноября в межзвездье победно засигналил новый искусственный спутник Земли. Юрий Дергунов на этот раз ликовал совсем по-мальчишески:

— Ребята! На нем собака! Лайка! Маленькая живая собачонка — Лаечка!

Он не давал спать никому, а Гагарину особенно:

— Не мышь какая-нибудь, а собака, понимаешь, что это значит?

За ужином следующего дня решительно сказал:

— Пора!

— Ты забыл, сколько их там?!

— Чудак! Они же — студенты, рабочие, инженеры. А тут летчик, понимать надо. Там не станок, а штурвал и триста разных приборов. Мы-то уж кое-что знаем.

— Это, конечно, верно.

— Смотри, Юра, как друга предупреждаю, опоздаем.

— Нет, я так с ходу не решаю. Вот поеду, куда пошлют, присмотрюсь к себе.

Когда отправляли вторую собаку, Звездочку, рыжую дворняжку, он был уже на космодроме и сам впервые наблюдал за всеми приготовлениями к старту.

Но пока что ему выписывали тот самый документ, который открыл дорогу в небо и на космодром.

В аттестационной комиссии ему предложили:

— Поскольку закончили училище по первому разряду, вам предоставляется право выбора места дальнейшей службы.

— Где?

— На Украине. Там сразу будет квартира.

— Хотите, оставайтесь здесь летчиком-инструктором. Будете сами обучать курсантов. Город наш с большим будущим. У вас

жена еще учится. О ней подумайте. Все и устроится сразу. И квартира уже есть.

— Нет, мы всей четверкой решили ехать в Заполярье.

— Кто же в вашей четверке?

— Дергунов, Репин, Злобин и я.

— Чем же вызвано это решение?

— Мы — комсомольцы. В Заполярье самые сложные метеорологические условия.

— Что ж, похвально.

Валя, узнав о таком решении, вздохнула:

— Придется прощаться с училищем.

А он спокойно, терпеливо объяснял, убеждал:

— Валюша, ты должна доучиться. Это — главное. Думаешь, мне одному не будет тоскливо? Вначале все устрою сам, ведь там пока и квартиры не обещают. Я-то тертый калач, в общежитии поживу какое-то время, потом все образуется, а ты приедешь к готовому шалашу.

Она улыбалась сквозь слезы и вторила ему шутливо:

— А с милым и в шалаше рай.

— Буду писать тебе часто-часто.

— Хорошо, Юрочка, я тоже буду писать часто. Видно, такое мое теперь счастье: ждать.

— И ты начинаешь роптать?

— Нет, что бы там ни случилось, я хочу только одного: быть всегда рядом. Но раз надо, то завтра утром я проснусь и скажу тебе: так нужно! И стану опять веселой. А сегодня, не обессудь, мне нелегко.

На улице Чичерина готовились к свадьбе. Варвара Семеновна успевала командовать всеми. В несколько рук лепились пельмени, пеклось и жарилось все, что было в изобилии на осеннем оренбургском базаре: гуси, утки, полупудовые индюки.

Валин отец придумывал новые блюда: сом в майонезе, судак запеченный, карась в сметане. А Юрию сказал:

— Ты дружков-то пригласи побольше. И тех, кто бывал у нас, и других тоже.

Юра добродушно улыбнулся:

— Иван Степанович, за этим дело не станет. Придет вся эскадрилья.

Отец обрадовался: свадьба будет настоящая, уральская, многолюдная, но что-то засомневался вдруг в значении слова «эскадрилья». Спросил у жены, она тоже не знала. Одна из сестер навела справку у мужа. Тот был далек от летных дел, но вроде бы слышал где-то, что людей в эскадрилье все же многовато. Было отчего не спать! Дружное семейство повыше засучило рукава.

Иван Степанович успокаивал своих домашних:

— В тесноте, да не в обиде! Всех напоим, накормим. Всю эскадрилью!

Гостей встречала Валя. Такая праздничная, легкая. Что-то а лице ее появилось неожиданно новое, то ли от прически, то ли от блеска глаз. Юра снял шинель. Валя ахнула, она еще не видела его таким, в офицерской форме. Забыв о гостях, о друзьях, что заполнили всю прихожую, она нежно обняла его и впервые поцеловала при всех. А потом сказала подругам:

— Знакомьтесь, мой муж.

Варвару Семеновну больше всего теперь заботило, как разместить гостей: родни-то полным-полно, подругами Валю тоже судьба не обделила, придут обязательно все, да кто же его знает, сколько друзей у жениха. Составили все столы, даже кухонный. Мало. Взяли у соседей. Мало.

Народ шел да шел. Тогда кто-то предложил снять с петель дверь. Сняли, положили на козлы, накрыли хрустящей скатертью.

Всех разместили. Хорошая вышла свадьба. Особенно веселились за импровизированным столом на козлах — там сидели новоиспеченные военлеты.

Среди них заметно выделялся Юра Дергунов, высокий, в ладно сидящем кителе. Он без конца шутил, веселил свой край застолья, то и дело поглядывая на молодых.

— Горько! — громче всех кричал Алеша Ильин. На его щеках от одной рюмки вина зардел такой румянец, что был он похож скорее на юную девушку, чем на бравого лейтенанта, каким представлял себя в новом необмятом офицерском кителе.

Иван Степанович, разомлевший от хозяйской суеты, довольный, счастливый, кивал в ответ на шутки, поздравления, то и дело выходил на кухню, чтобы вернуться с очередным шедевром кулинарного искусства. В доме стоял веселый гам, вдруг кто-то из гостей крикнул:

— Внимание, сейчас будет передано по радио важное сообщение!

Все замерли, включили радио на полную мощность. Юрий Левитан читал правительственное сообщение о запуске в космос третьего спутника Земли.

И будто не за свадебным застольем разгорелся спор.

— Теперь-то скоро полетит человек!

— Но кто он будет?

— Скорее всего, известный ученый.

— Вряд ли. Наверное, пошлют врача, чтобы проверить влияние космоса.

— Нет, пожалуй, больше всего подойдет подводник. У них

самый приспособленный к перегрузкам организм.

Гагарин сказал уверенно:

— Пошлют летчика-испытателя.

— Почему так думаешь?

— Надеешься сам?

— Да при чем тут я?.. Рассудите сами. Ученый, даже академик, врач, подводник — все они должны лететь еще с кем-то, кто будет вести космический корабль. А кому же еще лучше сесть за штурвал, как не летчику?

Иван Степанович внес огромное блюдо с беляшами. Но и это не отвлекло гостей от разговора о космосе.

Отмечали, собственно, сразу три события: свадьбу, сорокалетие Октября, посвящение в офицерство. Теперь к традиционным тостам прибавился новый. Юрий Дергунов предложил:

— За Лайку! За ее хорошее и веселое настроение там, в космосе.

Вале пришлось объяснить Варваре Семеновне:

— Это, мама, тост за спутник. Юра мечтает тоже когда-нибудь слетать.

Веселость у нее как рукой сняло: страх-то какой!

— Наш Юра?

— Нет, Дергунов.

У Варвары Семеновны отлегло от сердца.

Оренбургский вокзал. Встречающие и провожающие, чьи-то прощальные поцелуи, лукавые глаза, счастливый смех, горячий шепот. Такие контрасты, такие разные судьбы.

Блестят начищенные пуговицы, лейтенантские погоны. Новенькие шинели щеголевато облегают крепкие плечи. Большие снежинки падают на живые лепестки последних хризантем, на теплые, еще покрытые летним загаром щеки.

Юра Гагарин с Валей едут в Гжатск. Почему-то плачут Валины сестры, мама, а она счастливо улыбается.

Юрий проснулся ночью то ли от размеренного стука колес, то ли от тревоги, внезапно охватившей его. Что это? И окончательно стряхнул сон. Заглянул вниз. В синем сумрачном свете ночника едва различил тугие косы на подушке. Спит, свернувшись клубочком, подтянув колени. На пол спустился конец одеяла. Бесшумно спрыгнул, укрыл ее — и опять на верхнюю полку, чтобы через несколько минут провалиться в тревожно-счастливый сон.

Весь длинный путь до Гжатска для нее был соткан из удивительных важных событий: Юра подал ей полотенце. Юра

позаботился о чае. Юра, Юра, Юра… В переполненном вагоне они были вдвоем.

В Гжатск молодожены ехали, чтобы там еще раз отпраздновать свадьбу, на этот раз в доме Гагариных. Так было решено с самого начала: чтобы не обижать родителей. Алексей Иванович прихворывал и не смог приехать в Оренбург.

Анна Тимофеевна всплакнула и крепко обняла невестку, пожелала сердечно, от всей материнской души:

— Чтоб у вас радость и горе — все пополам!

И все опять было так, как положено быть на доброй свадьбе. И тут не обошлось без разговора, в котором то и дело звучали еще непривычные слова: «спутник», «орбита», «космос».

Старший брат Валентин томился, стеснительно выжидал, что Юра, как человек, близкий теперь к небу, сам кое-что расскажет ему о том, что затевается в космосе. А Юра все молчал. Тогда он не выдержал и спросил прямо:

— Что там говорят у вас насчет космоса? Скоро человека пошлют?

— Разное говорят. Наверное, теперь скоро кого-то и пошлют.

Алексей Иванович сразу прислушался к разговору, переспросил:

— Повтори-ка, Юрка, может, я чего не расслышал в таком непривычном деле?

— Скоро, говорю, человека пошлют в космос, к звездам.

— Очень даже свободно, — рассудил отец. — Найдется, поди-ка, такой сорвиголова… — И лишь когда за столом от мала до велика все рассмеялись, он поправился: — Смельчак, говорю, такой найдется. И смеяться тут нечего. Нам, конечно, хлеб-соль с ним не водить, а уж коли суждено кому-то скоро лететь к звездам, так вот и выльем за его здоровье. Нелегко, поди-ка, будет слетать ему так далече-то.

Вот и куплен билет до Оренбурга. Проводил Валю на Казанский вокзал. В купе развлекал до последней минуты. Она изо всех сил крепилась, говорила, чтобы не форсил там, в Заполярье, одевался бы теплее, а глаза все наливались слезами. Скатилась одна, потом уж осмелели и другие.

— Ну вот, а говорила, что все понимаешь.

— Я-то, Юрочка, все понимаю, только грустно очень.

А у самого тоже защемило тоскливо сердце.

Он делал все, чтобы облегчить разлуку. Часто-часто приходили из Заполярья в Оренбург письма, телеграммы. На столе у Вали появилась фотография с надписью:

«Моей Вале, дорогой, горячо любимой… Пусть

фотография поможет тебе беречь нашу вечную всепобеждающую любовь. 16.03.58. Юрий».

Я ПОНЯЛ: МЕДЛИТЬ БОЛЬШЕ НЕЛЬЗЯ

Да, пенять не на кого — эту мглу и снежные заносы Юрий выбрал по доброй воле. Направление в штабе получили в дальний гарнизон. Деревянный барак назывался здесь гостиницей. Аэродром опоясали сопки, над ними постоянно клубился туман с Ледовитого океана. Летные книжки новичков долго еще были чистыми. Пришлось доучиваться, хотя здесь те же МиГи, на которых взмывали в небо в училище. Предстоял еще один экзамен на право летать в условиях Севера.

Так начиналась служба. Жили дружно, офицерским братством. Центром группы оренбуржцев были Гагарин и Дергунов.

На аэродроме ревели машины, поднимались в воздух. Значит, летают, значит, полетят и они. В марте, когда на убыль пошла заполярная ночь, Гагарин взлетел в небо Севера. Потому и улыбался так счастливо с с фотографии, которую Валя получила еще в Оренбурге. Не верилось, что летчик в меховом комбинезоне и унтах, кажущийся таким неповоротливым в новом одеянии, — тот самый худенький Юра Гагарин. Возмужание в тех условиях, как и послужной список, шли «год за два». Он успешно прошел специальную программу ввода в строй, где нужно было знать не только штурманское дело, но и тщательно изучить район полетов. Пятисотметровые сопки при плохой видимости усложняли полеты. Четвертый разворот при заходе на посадку надо было делать на высоте не менее четырехсот метров.

В его летной книжке одна за другой появились записи: произвел посадку на «отлично», совершил самостоятельный вылет. А летать приходилось в плотном, как молоко, тумане, которому нет ни конца, ни края, в дождь со снегом. Снова испытывала его судьба: при первом самостоятельном вылете он запутался в снежных вихрях, но хладнокровно дождался (а горючего осталось в обрез) командира звена, и тот указал посадку.

Наконец наступило короткое заполярное лето. Тундра покрылась мелкой травкой, бледными, без запахов, цветами; в ручье, среди сопок, плескалась форель. Хмурое небо постоянно сеяло то дождем, то снегом.

Когда выдавалось свободное время и был хороший солнечный день, Юрий шел с товарищами на речку ловить форель. Он уже разглядел, что и в неброских красках Севера есть своя прелесть.

Безмолвие тундры успокаивало после очередного полета. Хорошо было бродить по кустарникам, сидеть с удочкой у реки. Тихо журчала вода, а мысли витали далеко-далеко, у реки Урал. Но все чаще и чаще будоражили позывные: «Бип! Бип! Бип!» Они мерещились в безмолвии тундры, он слышал их в реве моторов.

Бесценны были те часы над речкой, прогулки по заросшим корявым кустарником сопкам. Ходил и думал: чередуются день и ночь, дружная, в ручьях, весна и щедрое лето. За осенью наступает зима, и ничто не путается, не теряется. Порядок, как в образцовом хозяйстве. Ритмы Земли или ритмы Вселенной? Как они властвуют над жизнью? Сколько в мире еще загадок и где разгадки? Завтрашний день авиации уходит в галактику, в космос.

Именно в заполярной тундре завершилось то, о чем смутно мечтал в училище. Именно там решил: медлить больше нельзя. Полеты становятся все сложнее, и он отлично справлялся с ними. У него был хороший глазомер; он научился летать по приборам и в облаках «вслепую», изучил радионавигацию, легко переносит перегрузки на пилотаже и многое другое, что подтвердило предсказание Акбулатова: «Из вас выйдет настоящий летчик».

Заместитель командира эскадрильи Борис Федорович Вдовин после одного из совместных полетов сказал:

— Силен ты, брат, силен. Своих учителей кладешь на лопатки. Так действуй и впредь.

Доволен был Вдовин и Дергуновым. Как-то после тренировочного боя Юры с одним из опытных летчиков он сказал Алексею Ильину:

— Этот тоже уже «прорезался».

Ильин переспросил, довольный за своего друга:

— Вы хотели сказать, что сегодня он хорошо провел бой?

— Да, Дергунов будет смелым летчиком. Впрочем, вся ваша оренбургская группа сильная. У каждого намечается собственный почерк в небе.

Ильин слово в слово передал этот отзыв Дергунову, когда тот приземлился. Юрий, красивый, стройный даже в меховом комбинезоне, дурачась, поднял, покружил товарища и, смеясь, сказал:

— Бродит, бродит и в нас силушка. Неужто не покорится ей северное небо? Да мы через полгода будем такие «прорезанные», что только держись!

К Луне устремилась космическая ракета, обогнула ее, сфотографировала невидимую часть и передала фотографию на Землю. На следующий день Гагарин подал рапорт командиру части.

«В связи с расширяющимися космическими исследованиями, которые проводятся в Советском Союзе, могут понадобиться люди для первых полетов в космос. Прошу учесть мое горячее желание и, если будет возможность, направить меня для специальной подготовки».

Вскоре Юрия вызвали на комиссию.

Валя приехала к нему в августе, после экзаменов.

Юра ахнул, увидев жену в окружении чемоданов и свертков. Валя рассмеялась:

— Это тебе подарки и подарочки, любимому зятю от тестя и тещи, от сестер и друзей.

В автобусе, на котором они ехали в гарнизон, он честно сознался:

— Ждал я тебя, заждался. А вот жить, Валя, пока негде. Но ты не горюй, что-нибудь придумаем.

Валя сказала весело:

— Говорил: доучивайся, а я пока буду шалаш добывать… Значит, нет для нас шалаша? Ну, это — не главное.

Главное было то, что он всю дорогу в этом тряском автобусе держал ее руку в своей, что кончилась долгая, как полярная ночь, разлука.

Вскоре нашлась и комната. Знакомая знакомых уехала, как здесь говорили, «на материк» в отпуск, а ключи от своей квартиры передала Гагариным.

Потом, когда она вернулась, Гагарины получили и свою комнату. Надвигалась полярная ночь с ледяными ветрами и морозами. Юра привез бочку для воды, выпарил ее кипятком с каким-то тундровым корешком и листочками, наносил воды до краев. Затопил печь. Когда она уютно загудела, скомандовал:

— Ну, принимайся, хозяюшка, за свои дела, а мне позволь сходить порыбачить…

— Я обед, конечно, сготовлю. Но ты, может, наловишь форели? Ведь никогда и не пробовала, какая она, эта «царская» рыба.

Юра предупредил:

— Ты, Валя, на всякий случай, готовь закуску. Я пригласил друзей на новоселье. Забегу к Дергунову, пусть покажет заветное местечко, где он черпал форель ковшами.

Когда оба вернулись, комната была неузнаваема. На окне висели шторы, полы до блеска вымыты, по ним из конца в конец бежала веселая дорожка, на столе стояло что-то пахучее. Валя затормошила обоих:

— Где же ваша рыба?

Дергунов взял удар на себя:

— Видишь ли, форель предчувствует полярную ночь и готовится к зимовке, ушла вглубь…

Посмеялись доброй выдумке товарища.

К зимовью готовилась и молодая семья. Юрий по опыту прошлого года уже знал: зимой в Заполярье самое главное — тепло, а тепло — в дровах. Вечером, надев ватники и куртки, они дружно пилили бревна. Юра колол. Потом вместе, разгоряченные, побросав на землю шарфы и шапки, складывали дрова в поленницу.

В один из таких вечеров Валя вдруг выпустила ручку пилы, неловко осела на кучу дров. Он подошел, испуганно опустился рядом на корточки, заглянул в побледневшее лицо:

— Тебе плохо?

Широко открытые, потемневшие глаза смотрели радостно и встревоженно:

— Юра, у нас будет ребенок.

Он осторожно поднял ее с дровяной кучи, все еще испуганный:

— Тебе лучше? Ну, Валя, так напугала и обрадовала сразу. Отпилилась, родная, пошли домой.

Не удержался, прямо на улице поцеловал ее в глаза, губы, щеки.

Дергунов, пробегая мимо — опаздывал в кино, остановился:

— Ну, Юра, избалуешь жену…

Тот повернулся, ответил счастливый:

— Заслужила! А ты куда таким галопом?

— В кино опаздываю.

— Уже опоздал. Знаешь, пойдем лучше завтра все втроем, а сегодня бери в руки пилу и прикончим эти бревнышки. А Валя нам чай приготовит с вареньем оренбургским.

Дергунов снял шинель, надел куртку. А Валя еще долго с его шинелью в руках смотрела на быстро растущую поленницу. Таким он и запомнился ей: веселый, крепкий, с пилой в спорых руках. На следующий день Юры Дергунова не стало: разбился на мотоцикле. Все были потрясены…

ЖЕНА

Вторая полярная ночь не казалась Юрию Гагарину такой лютой — рядом была жена. Она научилась распознавать в воздухе самолеты «своей» третьей эскадрильи и, налепив сотни две пельменей на всех, с кем может зайти муж, уходила на аэродром.

Там часами прогуливалась, поджидала, волновалась, особенно когда они улетали к морю. Ей казалось, что над сушей все же спокойней: как-никак, земля надежней, что бы ни случилось, не то что над ледяным морем.

Взлетали и возвращались самолеты, а Юры не было. Двести шагов вперед, двести назад. Давала себе слово: еще пять раз в одну, в другую сторону, не появится — уйду. Шло время, а она не уходила, ноги не слушались. Потом привыкла, успокоилась.

В гарнизонах знают цену каждому прожитому дню. Здесь — преданные подруги, надежные друзья, крепкие семьи. Жизнь на краю земли во имя дел обыденных и простых.

Вторая полярная ночь длиною в несколько месяцев, наверное, была бы непереносима, если б не было Валиного ожидания, уюта зеленой настольной лампы, тепла, что струилось от натопленной печи, маленьких бубликов, которые она пекла к утреннему кофе.

В ту зиму Гагарины много читали, впервые у Вали было столько свободного времени. Управившись с домашними делами, она шла в библиотеку, выбирала книги, чтобы вечером, устроившись с вязаньем, слушать Юрино чтение. А однажды он принес тонкую книжечку, помог перемыть посуду и начал читать. Чем дальше, тем взволнованней у обоих лица.

Какой-то далекий, неизвестный ей Экзюпери писал все про нее, про ее ожидания и муки.

Дальше читала Валя:

> «С вами хочет говорить госпожа Фабьен…
>
> Он услышал далекий голос, слабый, дрожащий, и тотчас понял, что не может сказать ей правду…»

Дальше читать не могла, захлопнула книгу, ушла в свое, грустное: «Доля-недоля, с какой стороны, из-за какого угла от нее подвоха ждать».

Юра обнял ее за плечи, участливо заглянул в глаза, затормошил, смеясь:

— Ты знаешь, мне однажды в Оренбурге одна старая-престарая цыганка нагадала, что я буду жить до ста лет и у меня будет трое детей…

Она понемногу успокаивалась, улыбалась в ответ. Знала, никогда-то он не спрашивал гадалок. И перекидывала мостик к тому, о чем теперь постоянно думали.

— Хочу, чтобы мальчик был.

— Мне, Валюша, все равно.

— Утром проснусь и три раза повторяю: «Пусть будет мальчик».

— Хорошо, что вовремя созналась…

— Почему?

— А потому, что теперь, если не поздно, говори наоборот: «Пусть будет девочка».

— Но все мужчины хотят сыновей.

— А мне нужна дочь.

— Странно.

— Ничего странного, две красивые женщины в доме — чем плохо?

…Родилась Леночка. Он держал ее впервые на руках — и не верилось, неужели это и есть то важное существо, которому дано такое длинное имя: Елена Юрьевна Гагарина. Забот прибавилось. Служба отнимала времени все больше, но Юра старался выкроить час-другой для дома. Какой бы ни был тяжелый у него день, с порога весело кричал:

— Принимай помощника!

Валя еще ничего не знала ни о рапорте, ни о первой медицинской комиссии, которую он благополучно прошел, тогда как многим другим сказали: «Летайте, ребята, но не выше стратосферы».

А он ждал, когда вызовут второй раз. Опять будут выслушивать, выстукивать терапевты и невропатологи, ларингологи и хирурги, колдовать окулисты. Впервые нельзя было посоветоваться с женой, поговорить. А она почувствовала что-то неладное, забеспокоилась: может, он устает от Леночки? Купила лыжи, посоветовала шутливо:

— Сходи-ка на лыжах к ручью. Как там форель поживает?

Он убегал на лыжах в тундру, делал несколько кругов, а о том, главном, думалось опять и опять: «Пожалуй, больше не вызовут, хоть и прошел комиссию. Щупловат, маловат, а там вон какие были чудо-богатыри!»

И тут же успокаивал себя — на случай, если его мечта не исполнится: «Да почему, собственно, я? Сколько там прекрасных парней. Но ведь сказал же Евгений Анатольевич, что у меня вестибулярный аппарат просто классический…»

Все-таки пришел вызов и на вторую комиссию. Она была сложней первой: биохимические, электрофизиологические, психологические методы исследования, проверялась память, сообразительность, собранность движений и многое-многое другое, после чего Евгений Анатольевич Карпов сказал:

— Знаете, Гагарин, стратосфера для вас — не предел.

Весенним звоном звучали эти слова, когда возвращался домой. Вместе с весной открывалась новая, важная страница его жизни.

К Юриному дню рождения Валя испекла огромный пирог,

даже двадцать шесть свечей где-то раздобыла. Пригласила гостей — вечер был прощальным. Накануне Юрий сказал:

— Готовь чемоданы. Буду летчиком-испытателем.

— Каким, где, когда?

— Поедем куда-то в Подмосковье.

От волнения выпустила из рук чашку с молоком для Алены. Он рассмеялся:

— Видишь, чашка разбилась, к счастью… Да ты что, Валечка, побледнела-то как? Это же исполнилась моя самая заветная мечта…

За столом разговорам не было конца. Все уже знали, что они уезжают, что Юрий будет испытателем новых реактивных машин. В последний раз пели любимые песни. На прощанье Валя раздарила все варенье.

На следующий день упаковали чемоданы, отдали соседям нехитрую мебель. Провожающих оказалось так много, что не верилось, неужели у них столько друзей-товарищей.

В последний раз Юрий Гагарин вдохнул заполярный воздух, послушал рокот самолетов родной эскадрильи. Только Валя заметила, как появилась у него в эти дни необычная задумчивость. Подумала: что-то самое важное он таит от нее.

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Впервые мы увидели его портреты 12 апреля 1961 года. Обрадовались — хорошее, доброе лицо у этого парня. Четырнадцатого апреля он улыбался миллионам людей с экранов телевизоров всех стран — и покорил все народы. Он стал любимцем планеты. Наши друзья и даже наши недруги на десятках языков писали: «Русские знали, кого послать первым». Потом он заулыбался с обложек книг, с глянца журналов, открыток, конвертов, марок и прочно вошел в нашу жизнь как частичка Родины.

Он прилетел в Красноярск в сентябре 1963 года на слет молодых строителей Сибири и Дальнего Востока. Все ждали его у входа в здание городского театра музыкальной комедии, где проходил слет.

Осветители включили все прожекторы, когда на трибуну взбежал Юрий Гагарин — молодой, стройный, с лучистыми глазами. Зал замер. А он улыбнулся. Так вот вы какой, Юрий Гагарин! Зал буквально взорвался от рукоплесканий. Они долго не затихали. Он поднял руку. Все смолкло. Гагарин заговорил:

— В Сибири я впервые. И очень рад, что попал в этот очень красивый, очень богатый замечательными людьми и природными

ресурсами край. Мне помнится, на XIV съезде комсомола мы сидели с Германом Титовым рядом в президиуме, и вот дали слово одному товарищу из Братска. Он замечательно рассказывал о строительстве, о комсомольцах Братской гидроэлектростанции. Титов записал себе в блокнот: «Вот куда нужно поехать — в Братск». А я сказал: «Что ж, тогда беру себе Красноярск». Мне очень хотелось побывать в Красноярске, и я с большой радостью приехал к вам.

Аплодисменты, аплодисменты! Таких зал не слышал никогда.

— Комсомольцы! Мне хочется пожелать вам — учиться, обязательно учиться. Наука и техника развиваются быстрыми темпами, на стройки поступают новые машины, разрабатываются новые методы строительства. Это потребует от рабочих больших знаний, нужно много знать, постоянно учиться, чтобы идти в ногу с жизнью, хорошо работать и приносить как можно больше пользы своему народу…

Так закончил он свое выступление.

На следующий день в Дивногорске закладывали памятную плиту в котловане Красноярской ГЭС. Стрекотали камеры кинооператоров. Едва он ступил на строительную площадку, машинисты подъемных кранов включили сирены. Одна, вторая, третья!.. Десятки сирен! Такого салюта не знал еще ни один человек!

Помню торжественность этих минут и его смеющиеся глаза. Подняв над головой алый букет, Гагарин сказал:

— Значит, строим самую мощную в мире ГЭС. Это же здорово!

Его окружили бетонщики, водители КрАЗов, «четвертаков», монтажники. Он говорил азартно, увлеченно.

…Недавно я летала в Красноярск. Товарищи, с которыми работала когда-то вместе, выделили свой единственный кинозал. Мы поднимали из фильмохранилища коробки с выцветшими наклейками. Они знали, что я ищу. С каждым днем росла горка просмотренных лент, а нужной не было. Неужели пропала? Но вот она…

…Юрий Гагарин заулыбался нам с экрана. Еще по-юношески порывистый. Это летопись нашей жизни. Сохранить бы везде, во всех городах, где он был, эти пленки для детей, внуков.

…Вспомнилось, как встречали Юрия Алексеевича на студии…

Мы усыпали дорожку от ворот до крыльца яркими сибирскими астрами. По обе стороны дорожки выстроились воспитанники школы-интерната. Ведь они жили и учились в школе, которая носила имя Юрия Гагарина.

Как только открылась дверца машины, на которой приехал

Юрий Гагарин, красногалстучный хор запел песню о космонавтах.

Он, взволнованный, подхватил первоклассника, пошел с ним дальше, а детские звонкие голоса еще торжественней взметнулись в ослепительную небесную высь.

Из неведомых глубин сердца нахлынула волна не испытанной еще радости за него, олицетворявшего то многое, чему мы радовались больше, чем своему собственному маленькому счастью. Вот он идет, первый! Нет, не в заморских же землях рождались Чайковские, Блоки, Павловы, Циолковские, Менделеевы, Королевы…

А его уже окружили маленькие гагаринцы, тянули за руки:

— Пойдемте к нам обедать. Для вас испекли пирог.

— Спасибо, ребята. Я только что обедал. И некогда мне очень. Сегодня улетаю.

— Тогда давайте переписываться.

— Что ж, согласен, если у вас нет «хвостиков».

— Мы с собой двоечников не взяли.

— А у вас их много?

— Да есть еще, хотя и немного.

— Вот когда не будет совсем, вы мне напишете. Договорились?

Первоклассница с глазами-незабудками повязала ему пионерский галстук, а два других отдала в руки.

— Передайте галстуки вашим дочерям, когда они станут пионерками.

— Выполню вашу просьбу, хотя мои девочки еще маленькие, даже не октябрята.

— Ничего, вырастут.

— Это верно. Вы ведь тоже были когда-то маленькими.

Один из мальчиков рассказал Гагарину:

— У нас есть комната-музей летчиков авиаполка «Нормандия-Неман». Наши мальчики хотят стать летчиками и космонавтами.

— Вот как! Тогда я пришлю в ваш музей письмо француза Франсуа де Жоффе. Он — кавалер Почетного легиона и Красного Знамени, летчик авиаполка «Нормандия-Неман».

— Вы не забудете прислать это письмо?

— Договорились же…

Гагарин держался одинаково с королями и воспитанниками интернатов, с премьер-министрами и рабочими, приезжавшими из других городов пожать ему руку. Он был прост и велик, как все настоящее, без подделки и позолоты, потому и тянулись к нему сердца, потому в Японии, в Саппоро, его встречали с плакатами: «Хорошо, коммунизм! Хорошо, Советский Союз! Хорошо,

Гагарин!»

Летом 1967 года Юрий Алексеевич и Валентина Ивановна приехали в родной Оренбург.

Приехали Гагарины с Леночкой и Галочкой.

На следующий день я была у них. Мужественней, тверже стал взгляд по-прежнему приветливых гагаринских глаз.

На скатерти стояла обыкновенная снедь: колбаса, домашние пирожки. Все — как в миллионах других семей. Юрий Алексеевич в спортивном синем костюме. Простые из ситца платья на девочках. В мелкий лазоревый цветочек шелк — на Валентине Ивановне. В отцовские колени уперлась локтями Галочка. А он завязывал распустившийся в ее черной косе белый бант. Лена из блюдечка пила чай. Валентина Ивановна хозяйничала за столом. Покоряла неподдельная простота, естественность каждого взгляда, слова, жеста. Глаза за стеклами очков смотрели спокойно, ласково. Прическа была уже не такой, как на том известном снимке, который обошел весь мир. Он был сделан в минуту, когда объявили: «Пошел на посадку». И мир затаил дыхание, считал минуты, а она дрожащей рукой крутила рычаги телевизора, ладонью другой вытирала катившиеся слезы.

Красивые, густые волосы теперь скромно уложены. До прически ли ей с двумя крошками!

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич. Я писала вам в Звездный городок. Помните? Мы делаем телепередачу «Парни из нашего города». О знаменитых людях Оренбуржья…

— Да, я получил ваше письмо.

Глаза его смотрели приветливо, но устало: он только что сдал экзамены и с блеском защитил дипломный проект в Военно-воздушной инженерной академии. Но и мне нужно было сделать свое дело — не ради себя, а для тех кому слова его привета в канун пятидесятилетия Советской Родины были бы предпраздничным подарком.

— Такие же письма мы отправили начальнику строительства Красноярской ГЭС Бочкину, поэту Степану Щипачеву. Они согласились принять участие в нашей передаче… Но без вас все не то будет. Может быть, сегодня вы отдохнете, а я приду завтра, послезавтра или когда вам будет удобней?

Кажется, сдался — потеплели глаза.

— Не хотите ли с нами выпить чаю?

Валентина Ивановна не вмешивалась в нашу беседу. Сидела с дочерьми, что-то рассказывала им.

Захотелось и ее привлечь к нашей беседе. Я спросила:

— Может быть, Валентина Ивановна тоже скажет несколько слов?

Она смущенно улыбнулась:

— Нет! Что вы! Я не вмешиваюсь в Юрины дела…

Опять цветы. На этот раз — степные тюльпаны. Стоял нестерпимо знойный полдень. Накануне договорились, что я заеду за Юрием Алексеевичем. Дверь он открыл сам и сказал:

— Я готов.

У подъезда ждала студийная «Волга». Он предложил:

— Здесь ведь недалеко. Если мы не очень ограничены временем, давайте пройдемся пешком.

Мы пошли. Он говорил о вчерашней ночной рыбалке. Я отвечала невпопад — волновалась, проверяла в уме вопросы интервью. Он заметил это:

— Да не волнуйтесь вы.

И засмеялся так открыто, непринужденно и хорошо, что все мои сомнения улетучились.

— Уж как-нибудь вдвоем не пропадем. Будем выручать друг друга…

Это я-то буду выручать его! Его, дававшего интервью сразу сотне корреспондентов.

Вдруг на середине пути он наклонился:

— Порвался шнурок. Вот это осечка.

— Пустяки, Юрий Алексеевич.

— Так ведь знаю, народ там у вас собрался. Вот явлюсь в расшнурованном ботинке. Как-то нехорошо. Выходит, зря мы отпустили машину.

Я предложила:

— Юрий Алексеевич, через дорогу мой дом. У меня наверняка найдутся шнурки.

На нас уже оглядывались. Его узнавали, удивленно и восторженно смотрели прохожие.

— Что ж, пойдемте.

Пока искала шнурки, он подошел к стеллажу с книгами, взял томик Есенина. Прочел что-то и сказал:

— Ну кто еще так сумеет написать?

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил,
Вечер синею свечкой звезду
На дороге моей засветил.

Стоит у меня томик Есенина с автографом Юрия Гагарина среди самых дорогих моему сердцу книг.

Захлопнулась дверь студии. Раздалась команда:

— Можно начинать! Все готово!

Юрий Алексеевич повернулся ко мне, ободряюще улыбнулся, и все, кто был рядом, услышали знаменитое, гагаринское:

— Поехали…

Я спросила:

— Юрий Алексеевич, мы накануне десятилетия со дня запуска первого спутника Земли. Это событие — начало новой космической эры. Как далеко шагнули мы в освоении космоса?

Он ответил:

— Шагнули за это десятилетие так далеко и успели сделать так много в современных конструкциях космических кораблей и новых источниках энергии для них, что поражаешься величию человеческого разума.

Ветер странствий, как и четыре столетия назад, наполняет паруса каравелл, готовых отплыть к далеким и неведомым берегам. Тропинка в космосе все еще узка, и по обе стороны ее бездна. Надо расширять и удлинять этот трудный путь, но для этого потребуется много труда. Слова «штурм космоса», к которым мы уже основательно попривыкли, имеют очень емкий и глубокий смысл. Зажечь зарю космической эры мог только великий народ, тот, которому по плечу решение многих принципиально новых научных, технических и организационных задач — задач небывалой сложности и небывалого размаха. Стать первым космодромом планеты могла только могучая и крепкая страна. Мы еще порою не осознаем всей грандиозности того, что свершили: тысячелетиями ждал безбрежный океан Вселенной полета корабля с Земли. И он пришел с гордыми буквами на борту: «СССР». Таинственная и опасная, как всегда, дорога первооткрывателей и первопроходцев. Она сурова и полна загадок, она полна тайн. Звездный океан нелегко отдает их человеку. Будут победы, будут поражения и потери, но люди не свернут с этой дороги. Никогда! Они знают, что это нужно всей планете.

Штурм космоса начался не 12 апреля 1961 года, а с выстрела «Авроры» и штурма Зимнего…

Гагарин говорил увлеченно, и все, кто был в студии, заслушались. Он сам сделал паузу, ожидая нового вопроса.

— Юрий Алексеевич, могли бы вы сказать оренбуржцам о космических планах второго полувека Октября?

— Вы знаете, это сложный вопрос. Но с уверенностью можно сказать, что человек выйдет с земных орбит на межпланетные орбиты, конечно, побывает на Луне и на других планетах. Может быть, человек выйдет за пределы нашей солнечной системы, если на то будут возможности, связанные, естественно, с техникой, с

созданием новых станций, более тяжелых новых двигателей, новых видов топлива, ну и, естественно, систем автоматического управления. Тут нужно будет решить ряд очень сложных, очень важных биологических вопросов. Я думаю, в будущем 50-летии человечество обязательно изучит планеты солнечной системы. Мне очень бы хотелось пожелать, чтобы больше, как можно больше выпускников нашего знаменитого Оренбургского училища побывало в космосе.

— Как вы чувствовали себя в космосе?

— Американцы писали, что никто не в состоянии предсказать точно, каково будет влияние космического пространства на человека, но скуку и одиночество он будет ощущать в космосе.

Это совсем не так. Я работал и жил жизнью страны. В каждом слове с Земли я чувствовал поддержку нашего народа.

— Чувствовали ли вы борьбу ракеты с силой земного тяготения?

— Да. Очень сильный гул. И в нем столько новых музыкальных оттенков! Наверное, такой будет музыка будущего…

— А красиво там, в космосе?

— Да, конечно. Космос дает человеку наслаждение особой, необычной красотой. Ну с чем бы ее сравнить, чтобы было понятно? Скорее всего, — с полотнами Николая Рериха… Если вам случалось быть на Карадаге в лунную ночь, вы, наверное, чувствовали это величие.

— Хотели бы вы полететь на Луну?

— Очень. Мечтаю об этом. Но кто бы первым ни прилунился, космонавт любой страны, я желаю ему от всей души удачной, счастливой и мягкой посадки. Ведь в конце концов тайны Вселенной и Космоса — это тайны и проблемы всего человечества…

— Если вы полетите в космос еще раз и вам предложат взять с собой одну-единственную книгу, какую вы возьмете?

— Это самый трудный вопрос. Книг-то хороших, настоящих, если хотите, даже любимых, много. Очень!..

— В том-то и суть, что вам предложили выбрать только одну.

— Задача во сто крат потяжелей интеграла. Пожалуй, я бы взял «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Когда окончилась беседа, его окружили корреспонденты газет, радио. Я раздосадованно вздохнула: пропали мои труды. Пока мы отпечатаем пленку, пока озвучим ее, радио передаст интервью с Гагариным.

Он угадал эти мысли, ободряюще взглянул на меня и сказал:

— Я дал это интервью только для телевидения. Извините, пожалуйста…

И спросил:

— Я свободен?

Мы пошли к выходу. По дороге он шепнул:

— Выручил я вас? Верно? Приоритет в каждом деле важен. Хоть я не журналист, а кое-что тоже понимаю.

Потом фотографировались, и я проводила его до ворот студии. Последнее рукопожатие. Последний вопрос:

— Юрий Алексеевич, куда же вам за интервью перевести гонорар? По какому адресу?

Прищурил глаза:

— И сумма немалая?

Шутка принята:

— Не обидим…

Ответил серьезно:

— У вас в городе есть школа-интернат. Вот и перечислите им этот гонорар на библиотеку. Только уж не поскупитесь. Идет?

— Все будет в порядке, Юрий Алексеевич.

Дальше он пошел один. Но, сделав несколько шагов, остановился. Из студии бежал за ним мальчик с фотоаппаратом.

— Юрий Алексеевич, остановитесь на минутку, пожалуйста. Я — юнкор. Понимаете?

Гагарин рассмеялся:

— Давай, брат… Действуй…

Защелкал фотоаппарат…

Потом они протянули друг другу руки, попрощались…

Звездными часами человечества назвал Стефан Цвейг Колумбовы и Магеллановы открытия. 12 апреля 1961 года все часы начали отсчет звездной эры.

Что в те минуты, когда оранжевое утро разгорелось над землей, чувствовал он, Юрий Гагарин?

— Какое жизнерадостное солнце!

Отсюда, с космодрома, он отправлял потом в звездный путь одного за другим своих друзей.

Вспомнилось, как сказал он, Юрий Гагарин, улыбаясь всем, кто остался у подножия ракеты:

— Видимость-то отличная! Хороший день будет! Хочу, чтобы мы были всегда вместе. Всегда едины. Вот так! — И он поднял кверху руки, сцепив крепкий кулак.

Только тогда спокойно двинулся к ракете.

О чем еще рассказать? О том, что в Звездном городке растут и хорошо учатся дочки Гагарина, обе очень похожие на отца, особенно когда улыбаются; что с ними живет строгая и красивая их мама, окруженная заботой всего Звездного городка. Иногда

летними вечерами, когда зажигаются звезды, на шестом этаже на балконе квартиры № 22 появляется силуэт стройной, невысокой женщины. Дети спят, вокруг царит безмолвие и покой, всплывают в памяти березы в глухом лесу на Владимирщине… Там навсегда разделился для нее мир на свет и тень. А то вдруг улыбнется затаенно: однажды она уехала с подругами в театр, а на хозяйстве с детьми остался Юра. Напевая вполголоса какую-то песенку, он открыл дверь и доложил, как положено военному человеку:

— Товарищ жена, настроение в доме бодрое, дочери перед сном вымыли руки, почистили зубы, накормлены хорошим ужином, часть которого мы предусмотрительно оставили и тебе…

Ах, какой же был у них ослепительно-радостный день, когда он вернулся из космоса! Они наконец остались вдвоем. Он подошел к зеркалу, окинул себя взглядом, дотронулся рукой до Золотой Звезды и смущенно сказал:

— Понимаешь, я даже не предполагал, что все будет так. Думал, ну слетаю, ну вернусь…

А на столе лежали свежие газеты, десятки газет, и с каждой улыбался Юрий Гагарин. Их сегодня читал весь мир. Были и ее портреты в тех газетах. Многие журналисты почему-то цитировали слова, написанные на обороте той фотографии, которую она подарила ему в Оренбурге, где писала о том, что кузнецы своего счастья они сами и что перед судьбой не надо склонять головы. Только почти никто не обмолвился, почему появилась эта надпись.

Однажды, это было на катке, Юра сказал ей:

— Валя, я, наверное, должен был после техникума вернуться в Гжатск и помогать родителям…

— Что случилось?

— Получил письмо из дома, там прямо бедствуют…

— Ты жалеешь, что поступил в училище?

— Если там не сводят концы с концами… А я, крепкий, здоровый парень, ничем не могу помочь… Может, уехать в Гжатск? Я же могу работать литейщиком.

— Значит, оставить училище? — Валя крепко вцепилась в его пальцы. — Юра, милый, никогда и ни о чем я не буду тебя просить, но сейчас поклянись, что ты навсегда забудешь даже думать об этом.

Смотрела на него упорно и настойчиво — ждала клятвы.

— Валюша, ну, ей-богу, клясться я не умею.

Но Валя восприняла все куда серьезнее. И поэтому сказала:

— Тогда повторяй за мной. Отныне и навсегда…

Он, улыбаясь, молча смотрел на свою подругу.

— Юра, это не шутки. Повторяй, прошу тебя… Отныне и

навсегда моя жизнь связана с небом.

Юра вторил:

— Клянусь всегда быть верным своей мечте…

А за утренним чаем Валя спросила отца:

— Папа, тебе не нужно нарубить для кухни дров, принести воды?

— Не ты ли решила в рубщики идти?

— Я пойду с ними.

— С кем это?.. С ними?

— Ну, с ребятами нашими. Понимаешь, папа, Юрий должен срочно сколько-нибудь выслать домой денег.

Последние слова она проговорила жалобно, с мольбой.

— Может, и благое дело вы задумали… Да какие у нас заработки? Так, несколько рублей на папиросы.

Но Валины карие глаза засветились радостью:

— Хоть несколько рублей, а все же деньги.

По лицу Ивана Степановича пробежала чуть заметная улыбка.

— Славная у вас дружба… Уж одно это мне по душе…

В воскресенье оба Юрия пилили дрова, раскалывали чурки, а Валя укладывала в поленницу.

Время от времени она шептала отцу одну и ту же фразу:

— Уже на сколько?

Он отвечал таинственно и непонятно:

— Уже на больше.

Она радостно приподнимала брови и кидалась на смену то одному, то другому Юре.

Юра Дергунов был посвящен в тайну воскресника — и тоже старался на полную силу.

Когда работа была закончена и они весело уселись за стол. Юра Гагарин вдруг заметил под своей тарелкой десять рублей.

— Кто это разбрасывается червонцами, хотел бы я знать?

— Заработанный этот червонец-то, — сказал Иван Степанович.

— Нами, что ли?

— Вами… Кем же еще?

— Да мы за так поработали, поразмяли руки-ноги… Какие уж тут деньги… Не годится это меж друзьями, — и отодвинул бумажку подальше от всех троих.

…Однажды, гостя у свекрови, Валя по ее просьбе искала в старой папке, в бумагах какую-то телеграмму и наткнулась на бланки денежных переводов на триста, на двести, на пятьсот рублей. Аккуратно сколотые, тщательно разобранные по годам и месяцам. Стала перебирать бланки: январь, февраль, март, апрель, — это писал Юра. А вот и ее рукой заполнено — май,

июнь.

Значит, он был в командировке. Вот опять его почерк: июль, август, сентябрь. В этой стопке денежных бланков не было пропущено ни одного месяца… И ей вспомнился оренбургский каток, одинокая скамейка на обочине и то, как вначале шутливо, а потом серьезно Юра повторял за ней слова клятвы. А вокруг бушевал буран да гремела дивная музыка, которая возносила на горные вершины, к звездам, мерцающим в колодцах бездны: хотелось взлететь в этот скрытый за седыми космами туч, светящийся сад, в тайны его непокоя, в его волшебную гармонию, найти среди тысяч звезд свою собственную, ту, которая будто бы есть у каждого, которая хранит и светит в пути, шепнуть ей: «Гори, гори, моя звезда, гори, звезда приветная. Ты у меня одна заветная — других не будь хоть никогда».

Сколь же хрупки границы меж радостным, солнечным миром счастья и черным адом беды, когда так несказанно тяжко, так тяжко просто ходить по земле, зачем-то кого-то слушать, когда в душе все кричит о боли, о невыносимой скорби, ночью, днем, в полудреме, потому что сна нет.

Как невыносимо тяжек был ей первый год без него наедине с двумя парами глаз, каждую минуту молча и не молча вопрошающих: «Разве навсегда не будет у нас папы?» И шепот маленькой Гали перед сном в самое ухо: «Если я буду очень хорошей и буду учиться только на пятерки, — может, папа приснится на всю ночь… И мы пойдем все вместе в лес за грибами на целый день. Я буду складывать грибы в папину корзину, чтобы у него было больше всех…»

Загнав подальше, в самую глубь сердца, собственную боль, она сделала все, чтобы утешить, смягчить дочерям горечь воспоминаний, чтобы вернуть в дом звонкий детский смех, но ей не вымолить у судьбы забвенья. Ни на миг. Она научилась быть сдержанной в проявлении скорби на людях, с детьми, даже наедине с собой. Но есть одно воспоминанье, которое Валя не может одолеть вот уже немало лет, не может справиться с ним, не может простить себе, хотя вины ее и нет. Но мука потому и мука, что виноватых нет ни на земле, ни на небе. В сотый, а может, уже в тысячный раз корит она себя в одном: все случилось потому, что она не проводила его в этот последний полет. Она лежала тогда в больнице, куда отвез ее Юра 24 марта, в воскресенье вечером. А погиб он 27-го, в среду. Накануне Юра приехал и сказал, что очень занят. Во вторник она его не ждала… После процедур вышла погулять в больничный садик… Гуляла, думала о нем, о том, что и дома забот у него прибавилось тоже, хотя с детьми осталась сестра, но девочки будут скучать без мамы, значит,

больше станут льнуть к нему, чтобы и почитал, и погулял с ними, и в кино сходил. Вдруг остановилась машина и вышел Юра. Обрадовалась, побежала к нему. Он ласково, нежно поцеловал ее, пожурил, что легко оделась, не простудилась бы. Сказал, что был неподалеку и не выдержал — решил заскочить на минутку. Рассказал про детей, что, мол, распределили сами между собой обязанности по дому. Тянули даже жребий, кому накрывать на стол, а кому убирать посуду. Мыть посуду досталось Гале, и тогда Лена, как старшая попросила дополнительную нагрузку. Решили, что будет ходить за хлебом в магазин. А сам, видно, очень торопился и все поглядывал на часы, чтобы не опоздать. Она сказала, чтобы уходил, если дома все благополучно, это, мол, главное.

Разве думала она в те минуты, что видит его в последний раз? Ночью ей плохо спалось, все переворачивалась с боку на бок, только под утро провалилась в тягостный, непонятный сон.

Пробуждение не принесло облегчения. Проснулась от какого-то внутреннего беспокойства, про сон тотчас забыла, так вдруг заныло сердце, такая пронзила тоска с первым мигом осознания себя в действительности. Да, да! Ведь он накануне боялся опоздать на предполетную подготовку. Она всегда, еще с Севера, волновалась, когда он летал. Это удел всех жен летчиков. Но на этот раз просто места себе не находила. За завтраком не могла проглотить глоток чая. Ходила из угла в угол палаты. Не выдержала — стала звонить домой, не меньше двадцати раз набирала телефон, он все занят и занят. Позвонила соседям. Они ответили, что все благополучно дома, к ним только что заходила Лена, потому что ей надо было позвонить школьной подруге, а телефон испортился. Легла в постель, приняла снотворное, но всю ночь не могла сомкнуть глаз. И только тогда во всех подробностях вспомнился сон. Ей почудилась в окне огромная тень и чей-то голос: «Беда!» Соскочила, кинулась к окну — никого. Щемяще-печально свистел в голых деревьях бесприютный ветер… Так и простояла у окна остаток ночи. Еле дождалась утра, чтобы чуть свет не будить детей. Телефон опять не работал. Присела на кровать, дрожа в нервном ознобе. Что-то надо было предпринимать. Что-то произошло. Почему молчат все телефоны? Не только дома, а и у соседей… В голове сумятица, сумбур… Что делать? Но что-то определенное надо делать — иначе нервы не выдержат. Уйти, уехать домой хоть на несколько минут? Как это сделать?.. Вдруг в палату входят Валя Терешкова, Андриян Николаев, Павел Попович… Ноги подкосились, еле успела присесть на стул, спросила, зная, что спрашивать уже не надо, но была еще в этом вопросе надежда, впилась прежде всего в

женские глаза, они-то уж скажут правду.

— С Юрой несчастье? Что с Юрой?

У Вали Терешковой блеснули слезы. Обняла за плечи, сказала:

— Да… Вчера утром, 27 марта…

Пока ехали домой, она казнила себя: все случилось оттого, что сама не проводила его в полет. В последний. В последний. Последний…

Может, и нужна ему была такая малость: улыбка. Ее улыбка, чуть бодрее, чем обычно, чуть радостнее. От нее бы передались те токи, которые бы спасли его. Может, ему не хватило именно ее. Ни улыбки, ни звонка, ни взгляда… Не было.

Уложив детей спать, она брала то один, то другой альбомы, вынимала одну-две фотографии, дорогие ей особенными воспоминаниями, и сидела с ними за полночь наедине. Вот они танцуют на новогоднем вечере в Доме офицеров у них, в Звездном. Перед тем, как выйти из дома, подавая пальто. Юра восхищенно сказал:

— Ох, и красивая же ты, Валюша, в этом белом платье. Ну, знаешь, как лебедь… Если наши дочери будут на тебя похожи, держись, наш брат!..

И глаза залучились золотистыми огоньками. Все памятники, скульптуры, бюсты, картины, портреты, какие видела она с изображением Юрия, везде, во всем мире, не заменят живую, земную прелесть его улыбки, когда за воскресным завтраком он лукаво подзадоривал дочерей:

— Чем скорее съедите кашу, тем быстрее уедем в лес. И ежи, и воробьи, и зайцы, и белки уже давно почистили зубы, позавтракали и вовсю играют в догоняшки.

Галя первая не выдерживала:

— У меня скоро будет на самом донышке.

Но Лена, забыв о каше, о своей обязанности по старшинству быть примером для Гали, любопытными, отцовскими глазами смотрела в упор на Юру:

— Разве ежик тоже чистит зубы? И белочка? А какие у них зубки? Очень маленькие? Меньше, чем у нас с Галей?

В доме в клетке жила когда-то белка, все прошлое лето ежик тоже клубком катался по квартире. Поэтому-то Лена вспомнила о самых близких своих друзьях. Юра играл в эти игры всерьез, по-настоящему:

— Разве ты не видела, как белка по утрам умывается, чистит зубы?

— А где у нее зубная щетка? — Теперь уж и Галина каша не уменьшалась. Та тоже влюбленными глазами смотрит на папу,

который все знает, на все ответит, даже на самое невероятное: где же белка хранит свою зубную щетку, если Галя никогда ее не видела. Ответ потрясает обеих дочерей своей простотой:

— Лапка у нее и есть зубная щетка.

Теперь глаза сияли у всех троих. Валя не выдерживала, улыбалась:

— Юра, они совсем забыли и о каше, и о молоке.

Этим «как» и «почему» не было конца, пока Юра был с дочерьми.

Им тоже не хватает отца.

Как тяжело ей было первое время слышать, когда Лена невзначай говорила:

— Не могу сегодня решить задачу… Вот папа сразу бы нашел этот икс.

И опять душу резала тоска, Валя вздыхала с глубоко затаенной печалью, говорила сама себе: «Скоро и Галины задачки подрастут, и та тоже скажет: «А вот папа решил бы самую трудную задачу».

Все труднее становится. Бедные мы, родители! Над иной задачкой бьешься, бьешься и то решишь не сразу. А каково им, детям? В подъезде сорок семей живут, чуть ли не каждый отец — инженер, математик. Если надо, моментально решают, помогают. Любым способом. У нашего папы тоже вышел бы и сразу, и правильно любой вариант.

Воспоминанья, воспоминанья…

Их плен сладок и жгуче печален. Изо всех своих бесчисленных командировок и поездок Юра никогда не приезжал домой с пустыми руками. Дочерям привозил книги, куклы, ей — духи, цветы, пластинки.

Вспоминается ей многое… Однажды, еще курсантом, в пропыленных сапогах неожиданно появился у них на улице Чичерина с букетом ландышей. Возбужденный, загорелый, с такими широко распахнутыми глазами, словно они впитали, влили в себя всю ширь и просторы неба. Отдал цветы, сказал робко:

— Соскучился. Извини, немного пропылился, полдороги махал пешочком.

Она кинулась за чистым полотенцем, на ходу ставила чай, делала бутерброды и расспрашивала его, как там живется им на полевом аэродроме. У него счастливо лучились глаза, оттого, что есть и для него на земле дом, где ему, пропыленному, в взмокшей гимнастерке, искренне рады, и говорил сразу обо всем с запалом юности:

— Знаешь, Валя, нашу эскадрилью разбазировали в степи на

совершенно новом месте. Лагерь никак не благоустроен, воду через день-два возят в цистерне из города. Поэтому она всегда, правду говоря, невкусная, теплая, с запашком железа…

Не могла она такое слушать равнодушно, тут же сочувственно возмущалась:

— Вот безобразие!

Юра не соглашался:

— Почему? Солдат остается солдатом, и его тщательно готовят не только для парадов. Думаешь, одеться за сорок пять секунд — проще? А ремень, затянутый так, что теснит дыхание? А собственная инициатива?.. А руки эти — для чего они? Смотрю — пьют ребята эту воду, морщатся, отплевываются, она и жажды-то не утоляет, ну и пошел к командиру, говорю ему:

— Товарищ командир, дайте нам трубы, я сделаю колонку — будет своя вода, чистая, холодная.

Не выдержала, перебила его:

— Неужели сделал колонку?

— Да еще какую! Сто лет будет стоять. Вода, правда, чуть-чуть с песочком, но вкусная, холодная.

Так хотелось ей тогда посмотреть на эту их особую, мужскую, по своим законам идущую жизнь. Куда ей доступа нет и не будет. Оставалось только одно: все расспросить и так лишь представить дни и занятия своего друга. Благо, рассказчик он был отличный.

— А летаете много?

— От зари до зари.

— А трудное это занятие?

— Как когда… Вот вчера закончил выполнять задание, уже вошел в круг полетов и перед третьим разворотом столкнулся с огромной птицей.

— И что же?

— Самолет был поврежден.

— Как же ты приземлился?

— Благополучно.

— Ох, Юра!

— А на прошлой неделе попал в пыльную бурю в воздухе. Тоже новость. Тоже впервые. Пора приземляться, горючее на исходе, а видимости — никакой. Ничего, сориентировался, сел точно у знака. Небо, Валя, такие загадки-разгадки подсовывает, что их нет ни в каких учебниках.

— Да ты пей чай-то, ешь. — И подсовывала ему куски пирога побольше, хотя знала, что больше одного все равно не съедал, но как-то же надо было добавить ему сил на это ежедневное, ежечасное единоборство с небом.

Мгновенья, мгновенья!.. Любить настоящего парня, быть

любимой им — все-таки судьба не обделила ее счастьем. Валя бережно прячет фотографии до следующего часа или дня воспоминаний. Это белое платье уже не модно, она его не носит, но хранит все равно, потому что никто ей не скажет теперь восхищенно, как мог говорить только Юра: «Ну и лебедушка ты у меня», а ей иногда очень хочется слышать эти слова. Когда все спят, она изредка все же одевает его, смотрится в зеркало, спрашивает у платья, почему Юре оно так нравилось, почему, когда она выходила к нему нарядная, пахнущая духами, чтобы ехать в театр или в гости, он подпевал:

Сойдет ли ночь на землю ясная,
Звезд много блещет в небесах,
Но ты одна, моя прекрасная,
Горишь в отрадных мне лучах.

Да, он был хорошим сыном, мужем, отцом.

Он всегда был трудолюбив и упорен. Из-за работы, из-за общественных дел, из-за всех зарубежных поездок он часто пропускал занятия в академии. А потом засиживался за полночь и опять получил диплом с отличием после окончания Военно-воздушной академии. Государственная комиссия предложила ему остаться в адъюнктуре. Он отказался. Да, вспоминается ей многое…

…И долго, пока я ехала в электричке из Звездного в Москву, звучал во мне строгий, грустный голос:

— Какой у них тяжкий труд, какая огромная требовательность к себе! Оттого они и далеки от тщеславия. А что мы, их жены… Они делали и делают свое важное, нужное, ответственное дело, а мы любим их, подбадриваем, когда видим, как они неимоверно устают.

Его помнит вся планета.

Знаете, каким он парнем был?
На руках весь мир его носил…

Среди сотен кинолент о нем хранится и то интервью, о котором рассказала потому, что оно было последним.

Да, слишком рано пришлось сказать о нем «был», слишком рано… Но Юрий Гагарин не тот, рядом с кем терпимо это «был». Он погиб в пути, чтобы к звездам мчались караваны других ракет. Он — первый. Таким он и останется навеки в благородной памяти человечества.

…Прошли годы… В подмосковном лесу раскинулся небольшой городок, имя которому Звездный. Здесь живут, радуются и печалятся люди, которых на разных языках нашей планеты называют Колумбами двадцатого века.

Каждое утро вместе с ними идет на работу Валентина Ивановна Гагарина мимо памятника, который стоит в самом центре Звездного. Каждое утро Валентина Ивановна говорит ему: «Здравствуй!»

Раньше она провожала Юру в полет, теперь — он всегда провожает ее на работу. Она благословила когда-то его на подвиг; теперь он сделал ее жизнь каждодневным подвигом.

Разве не подвиг — жить у этого памятника, встречать из космоса его друзей, зная, что его, единственного, ей не встретить уже никогда. Жить в стране Гагарина, где, едва научившись мыслить, читать и писать, дети за словами «мама», «Родина», «подвиг» выводят по слогам имя «Гагарин». Только ей ведомо про то, как тяжко стоять рядом с тысячами людей в приморском порту и наблюдать за приближающимся белоснежным кораблем «Юрий Гагарин». Слышать и каждый раз заново трепетать в щемящем плену воспоминаний, когда певец искренне и страстно хочет поведать о том, каким он парнем был. Да, его знали и любили многие, а мужа, единственного, любимого, потеряла только она.

Но разве не он ценил в человеке прежде всего мужество? Разве не он гордился победами друзей по общему делу больше своей собственной? Поэтому они и рапортуют ему первому о своих новых дорогах, вернувшись из космоса. Поэтому и она стоит в такие минуты рядом с ними и от всей души радуется их победам одна за двоих. Пусть люди снова и снова называют его сыном Земли и звезд, но было и есть в ее сердце такое, в чем он принадлежал только ей… Помнит она тот день, когда в передаче на телевидении Юру спросили: «Самый счастливый день в вашей жизни?» Он задумался, а потом четко сказал: «Когда Валя согласилась стать моей женой».

Навсегда останется с нею радость, что обожгла, захлестнула ее сердце от этих слов и затрепетала в каждой жилке. «С любимыми не расставайтесь», — заклинала, просила из настежь распахнутых окон всех девяти этажей их дома прекрасная и грустная песня. И сколько бы потом Валентина Ивановна не слышала ее, каждый раз оставляла все свои дела, чтобы утишить биение сердца, чтобы досказать мысленно свое — «ни с живыми, ни с мертвыми».

Она достойно продолжает его дело. Валентина Ивановна Гагарина — лаборант-биохимик одной из лабораторий Центра

подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Родина высоко оценила ее труд, наградив орденом Ленина.

В лаборатории ее ожидают свои маленькие победы и радости, удачи и огорчения, как во всякой работе, а после трудового дня Валентина Ивановна спешит домой, к детям. В память о нем достойно творит она на земле высокий и святой подвиг Женщины и Матери.

ПАРТИИ И РОДИНЕ ПРЕДАН!

АТТЕСТАЦИЯ

За период обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Уставы Советской Армии знает и практически их выполняет. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретически подготовлен отлично. Государственные экзамены по теоретическим дисциплинам сдал со средним баллом — 5. Летную программу усваивал успешно и приобретенные навыки закреплял прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Летает на самолетах: Як-18, МиГ-15-бис… Государственные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал с оценкой «отлично». Материальную часть самолета МиГ-15-бис с двигателем, спецоборудование, авиавооружение знает хорошо и эксплуатирует грамотно. Училище окончил по 1-му разряду.

Делу КПСС и социалистической Родине предан.

В ы в о д: Достоин выпуска из училища летчиком истребительной авиации с присвоением офицерского звания «лейтенант».

Подполковник П о л ш к о в

22 октября 1957 г.

Заключение старших начальников:

Достоин выпуска из училища летчиком истребительной авиации с присвоением звания «лейтенант».

Начальник училища

генерал-майор авиации — М а к а р о в

26 октября 1957 г.

ПОЧЕТНЫЙ КОМСОМОЛЕЦ

Из протокола заседания бюро обкома ВЛКСМ о занесении в книгу Почета областной комсомольской организации первого советского космонавта Ю. А. Гагарина от 12 мая 1961 г.

За беспримерный героический подвиг в освоении космоса занести в книгу Почета областной комсомольской организации воспитанника Оренбургского авиационного училища, первого советского космонавта Гагарина Юрия Алексеевича.

Секретарь обкома ВЛКСМ Д. Г л а д ы ш е в

ТЕЛЕГРАММА КОЛЛЕКТИВА ОРЕНБУРГСКОГО ВЫСШЕГО ВОЕННОГО АВИАЦИОННОГО УЧИЛИЩА ЛЕТЧИКОВ Ю. А. ГАГАРИНУ

Дорогой Юрий Алексеевич! Личный состав Оренбургского высшего военного авиационного училища летчиков горячо поздравляет Вас, первого космонавта, воспитанника училища с успешным космическим полетом и от души желает Вам новых космических стартов на благо нашей любимой Родины.

Мы беспредельно горды тем, что Вы, достойный продолжатель лучших традиций советской авиации, осуществили дерзновенную мечту нашего питомца великого летчика В. П. Чкалова — первым совершили полет вокруг земного шара.

Мы заверяем родную Коммунистическую партию и Советское правительство, что приложим все усилия для воспитания будущих офицеров-летчиков, верных защитников неба нашей Отчизны.

По поручению личного состава:

Начальник училища И. А. Куличев

Начальник политотдела А. С. Глуховский

12 апреля 1961 г.

ОТВЕТ Ю. А. ГАГАРИНА

Дорогие товарищи! От всей души благодарю Вас за присланные поздравления с успешным завершением космического полета на корабле-спутнике «Восток». Свой успешный полет в космос я расцениваю, как результат героического труда советского народа, руководимого Коммунистической партией, как триумф отечественной науки и техники. Выношу сердечную благодарность всем товарищам, особенно комсомолу, которые вложили много сил и энергии в мое обучение и воспитание и ныне не покладая рук трудятся над решением благородной задачи по подготовке советских летчиков, беспредельно преданных великой партии Ленина. Товарищи курсанты, товарищи комсомольцы, помните, что в жизни не может быть успеха без высокого овладения современной техникой, крепкой физической закалки и высокой сознательной воинской дисциплины.

Желаю всем вам крепкого здоровья и успехов в боевой и политической подготовке.

СЛАВА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЕЕ ЛЕНИНСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ, ВЕДУЩИМ НАШУ СТРАНУ К ПОБЕДАМ КОММУНИЗМА!

Ю. Гагарин

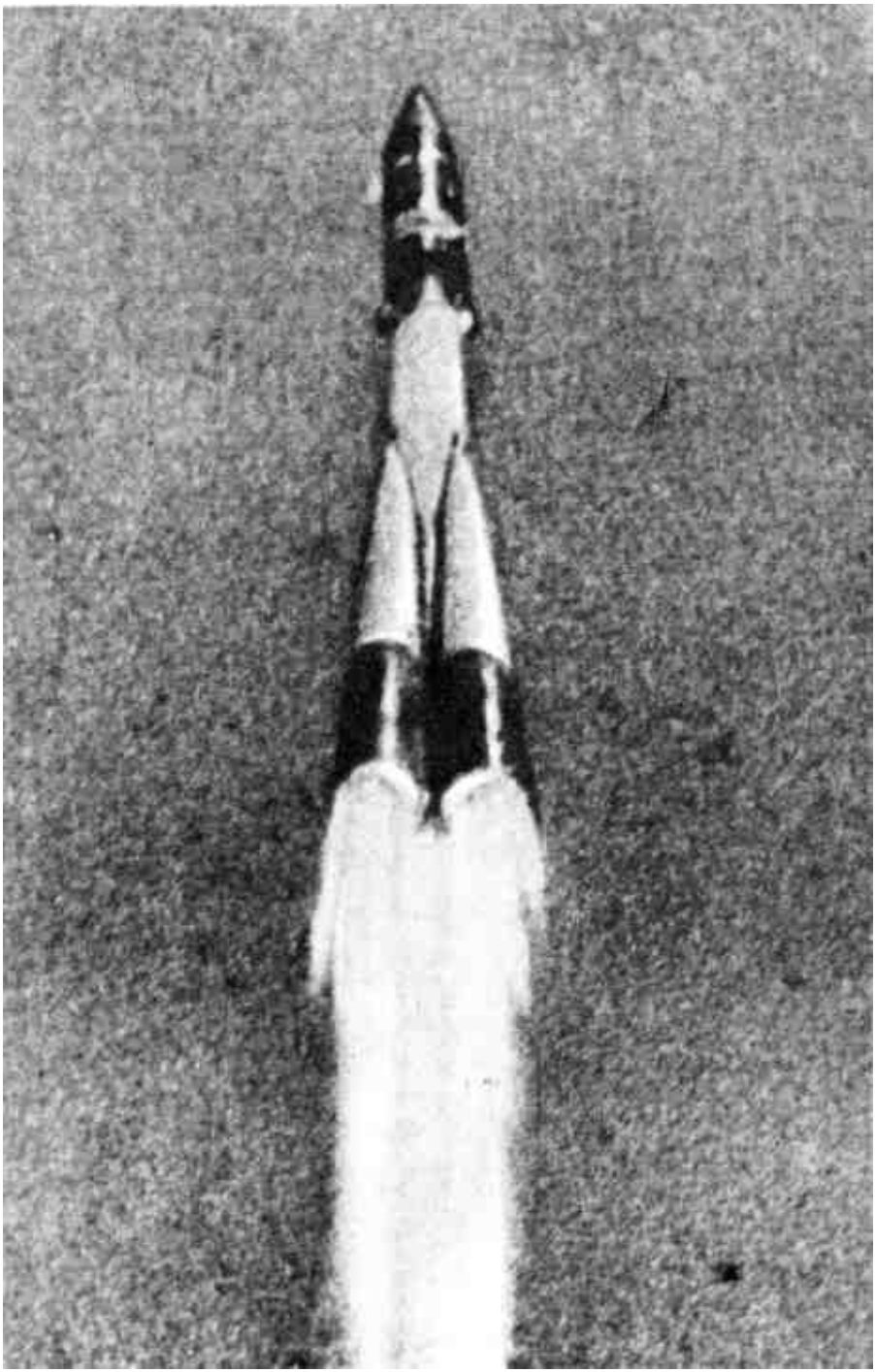
13 апреля 1961 г.

ЭТИМ МЫ ГОРДИМСЯ

Из выступления Ю. А. Гагарина в Оренбургском высшем военном авиационном училище 12 ноября 1962 г.

Прошел год с тех пор, как советская наука и техника одержали блистательную победу. Запуск корабля-спутника «Восток-1» открыл новую космическую эру в истории человечества. День 12 апреля 1961 года, вероятно, будет памятным на земле. За прошедший год мне довелось побывать в 17 странах мира, я видел сотни тысяч улыбающихся глаз, сотни тысяч рук, и всюду я слышал слова дружбы и теплоты. И я прекрасно понимал, что эти слова относятся не ко мне лично, а ко всему нашему народу. Мы обязаны своими успехами родной Коммунистической партии, которая проявляет постоянную заботу о развитии науки. У нас много людей, готовых подняться в космос, много потому, что мы понимаем благородные цели космических исследований. Советские люди сделали мечту и сказку былью, мы это сделали первыми. И этим мы гордимся.

ФОТОГРАФИИ



На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы…

Ю. А. Гагарин: «Итак, началась моя военная жизнь!»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 02959544

Фамилия Гагарин

Имя и отчество Юрий Алексеевич

Год рождения 1934

Время вступления в ВЛКСМ декабрь 1949

Наименование организации, выдавшей билет

Политотдел 1 ЧВАУЛ

им. Ворошилова

Гагарин

личная подпись

пом. нач. Секретарь Райкома политотдела

10 января 19 55 г.

(время выдачи билета)

Курсант училища с гордостью хранил этот комсомольский билет.

Таким запомнился первый космонавт мира оренбуржцам.

Ю. А. Гагарину присвоено звание Почетного комсомольца. 5 июня 1961 г.

Космонавт среди офицеров Оренбуржского высшего военного авиационного училища.

В родном училище. Я. Н. Масликов (слева), обучавший Ю. А. Гагарина. Октябрь 1962 г.

В кабине учебного самолета. Август 1965 г.

Ю. А. Гагарин среди курсантов школы «Юных космонавтов».

Оренбургскому училищу посвящается…

г.Оренбург. Оренбургское высшее
военно-авиационное училище
летчиков
курсантам школы "Юных космонавтов"

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

С большим интересом прочитал Ваше письмо. Оренбург мне очень дорог: там я впервые почувствовал романтику "голубого океана".

Желаю вам, юные друзья, хорошо учиться, а в дальнейшем - больших космических трасс.

С горячим приветом

ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО
С О Ю З А

Юрий ГАГАРИН

Гагарин
27.1.64

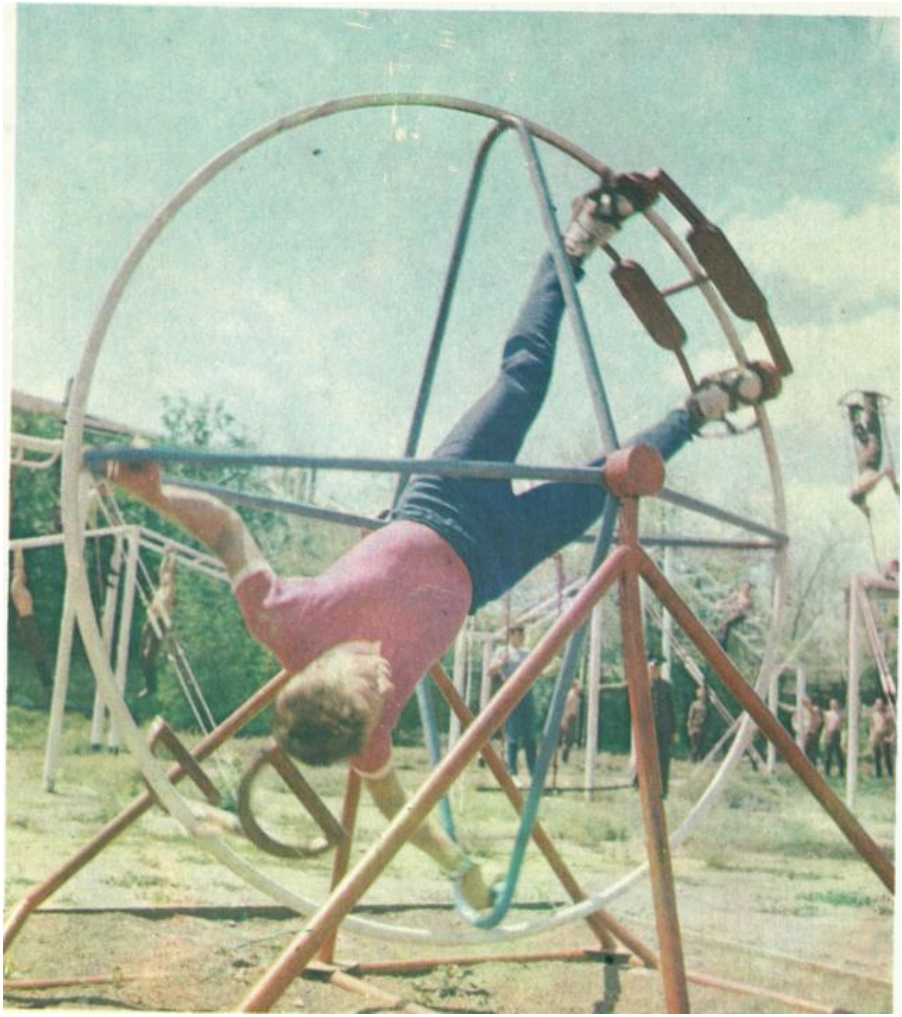
Желаю вам, юные друзья, хорошо учиться…

Оренбург — город юности Ю. А. Гагарина. Из окна училища виден памятник Валерию Чкалову.

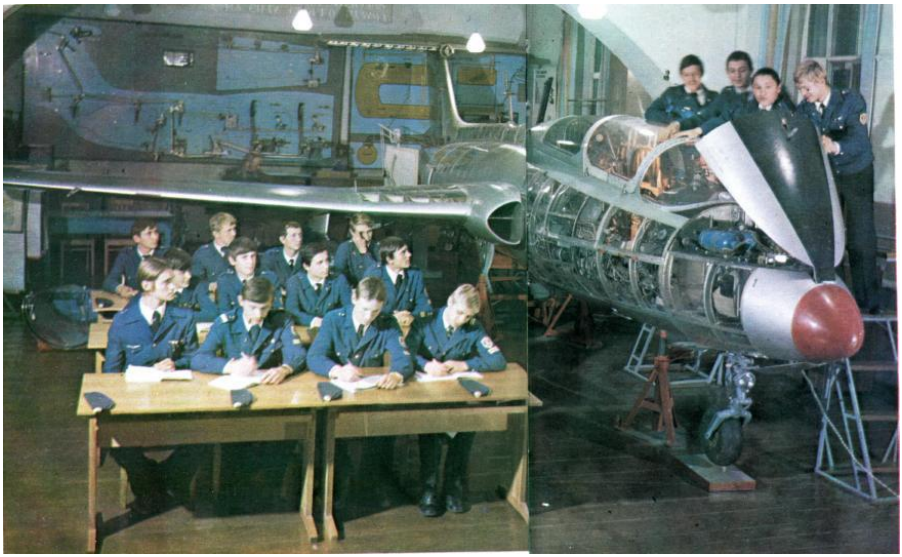
На этом самолете крепло летное мастерство Ю. А. Гагарина.

В школе «Юных космонавтов» идут занятия.

Курсанты школы Игорь Гольченко и Андрей Сабко у самолета.

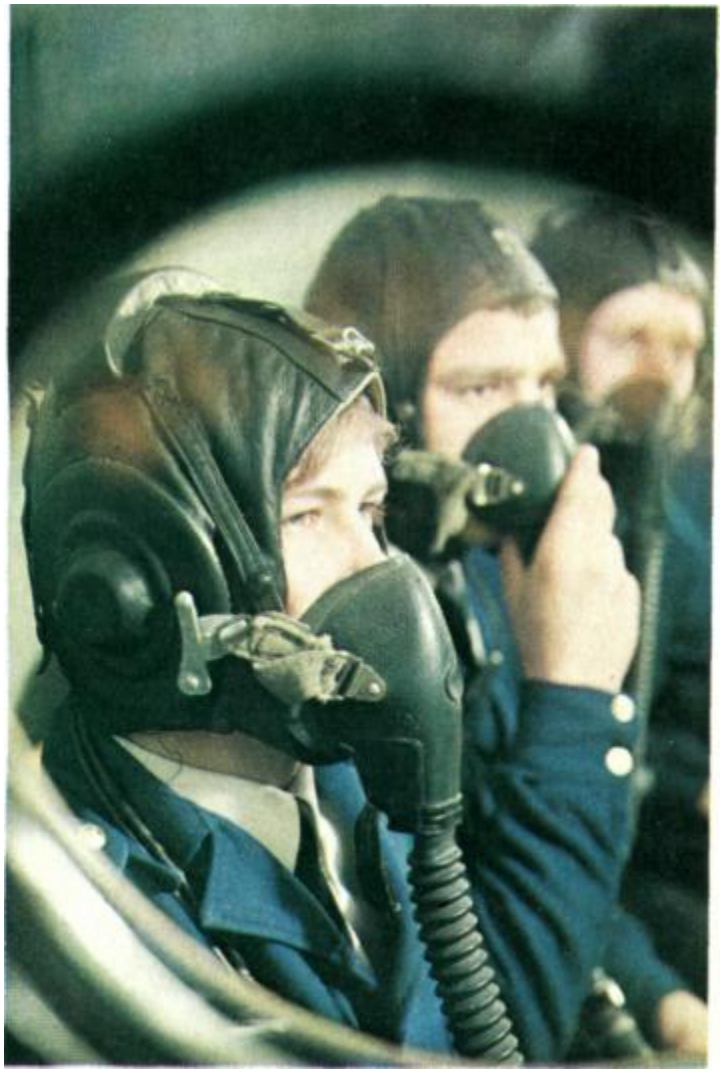


Тренировки, тренировки, тренировки…

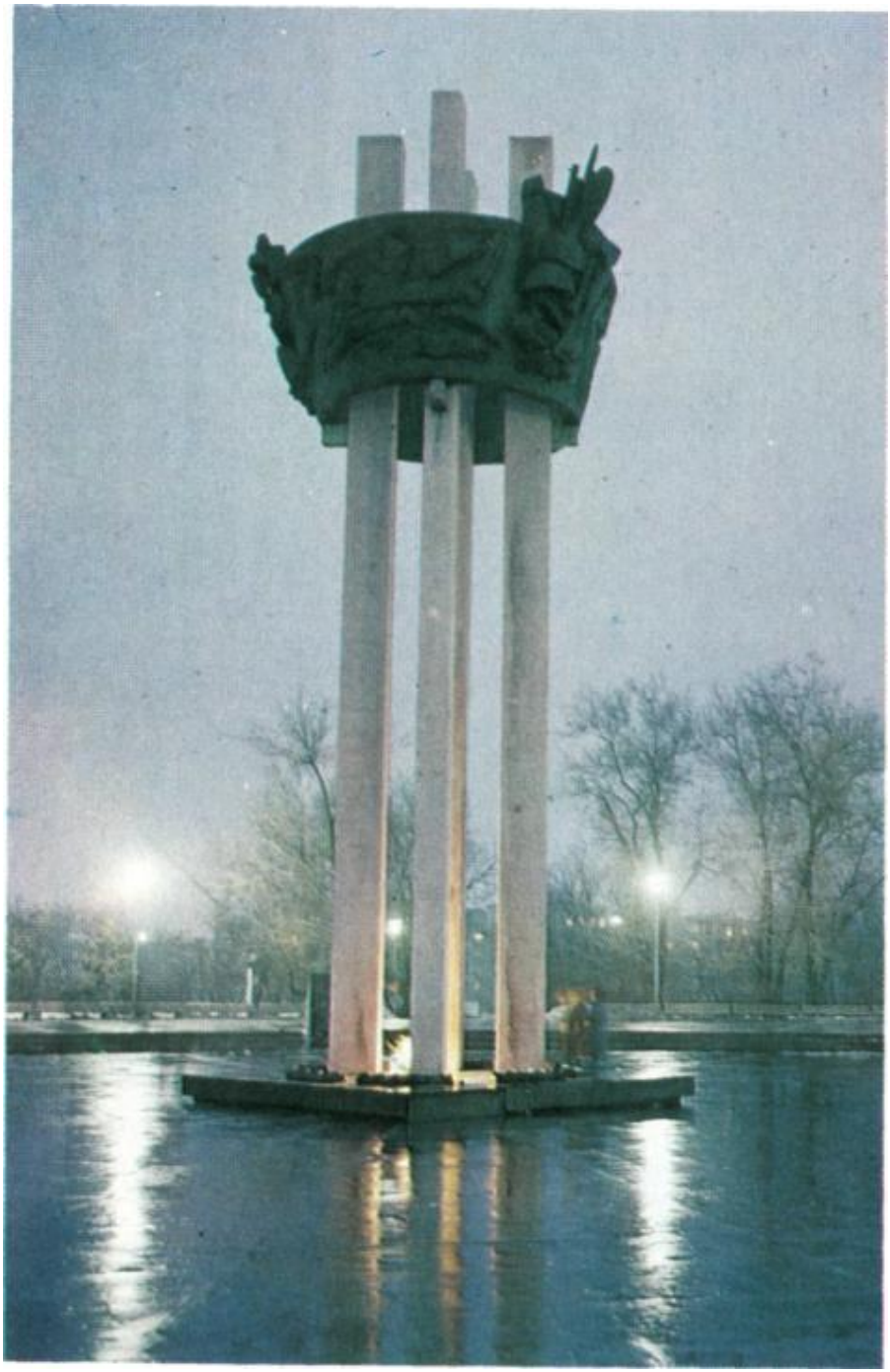


А впереди мужественная работа в голубом океане.

Здравствуй, небо!



«Полет» в барокамере.



В отблесках Вечного огня — отблеск славы многих поколений выпускников Оренбургского авиационного училища, приумножать которую предстоит юным гагаринцам.

Обладатель вымпела имени Ю. А. Гагарина молодой механизатор из колхоза «Победа» Акбулакского района Ерсаин Испулаев.

ОН В ПАМЯТИ, ОН В СЕРДЦЕ

Г. Серков, подполковник в отставке, кандидат исторических наук, доцент
КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

О Юрии Алексеевиче Гагарине много написано писателями, журналистами, родственниками, товарищами по учебе и службе, преподавателями и командирами-воспитателями. Впервые взявшись за перо, я пытаюсь воскресить в своей памяти, прежде всего, события тех лет, когда будущий «космонавт № 1» являлся курсантом Оренбургского высшего военно-авиационного училища. Время постепенно уносит, сглаживает имена, образы учеников, сослуживцев, коллег по нелегкому делу обучения и воспитания летчиков, но облик первооткрывателя Вселенной, которого мне посчастливилось обучать мастерству самолетовождения, останется со мною навсегда.

1956 год. В часть, где я в ту пору служил заместителем командира по летной подготовке, прибыл курсант Гагарин. Хорошо помню причины его перевода к нам: для укомплектования одной из авиаэскадрилий не хватало трех курсантов и приказом начальника училища сюда были направлены курсанты из учебного подразделения, среди которых оказался он. Но ведь курсанты эскадрильи В. И. Беликова, в которую был зачислен Гагарин, уже прошли часть учебной программы на боевом самолете. Смогут ли новички в короткий срок догнать своих товарищей? Да, это была трудная задача — и для них, и для командиров. Не скажу, что сразу, что легко и просто, но Гагарин товарищей своих догнал и очень скоро зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Этот факт я привел с одной целью. Мне кажется, что сами обстоятельства, сама судьба способствовали скорейшему осуществлению его цели — стать военным летчиком-истребителем. Ведь перевод Гагарина в нашу часть ускорил его выпуск из училища на целый год!

Не владея искусством писателя, я не могу представить читателям разносторонний образ Гагарина. Но хорошо помню, что еще до начала полетов на боевом самолете он зарекомендовал себя человеком с открытой душой, доброжелательным к товарищам и командирам. Среди курсантов Юрий выделялся упорством, настойчивостью. Познавая МиГ-15-бис на земле, он готов был «дневать и ночевать» возле самолета.

Помнится, что был он среднего роста и очень крепкого телосложения, как говорят авиаторы и авиационные врачи — имел стандартную фигуру летчика. Его физическую силу я ощутил в первом же рукопожатии после полета в космос.

Весна и лето 1957 года. Авиаэскадрилья майора Беликова работала на полевом аэродроме, располагавшемся около совхоза «Караванный» — примерно в пятидесяти километрах от Оренбурга. Мне было приказано курировать учебную работу этой эскадрильи — иными словами, жить и работать с личным составом подразделения.

Летный, технический состав эскадрильи отличался спаянностью и исключительным трудолюбием. Это во многом способствовало воспитанию таких летчиков, как Гагарин.

Первым его инструктором был лейтенант А. Колосов, в то время совсем молодой, но дело свое знающий и любящий. Кстати будет сказать, что Колосов закончил училище в составе эскадрильи, которой командовал автор этих строк.

Условия обучения оказались трудными. Дело в том, что мы располагали всего одной взлетно-посадочной полосой и не имели возможности менять направление взлета и посадки в связи с изменением направления ветра. Приходилось учить курсантов взлету и посадке, как говорят летчики, с «боковиком». Это и плохо, и… хорошо. Хорошо тем, что в сложной обстановке воспитывались воля и мастерство курсантов.

Читая написанное о Гагарине, нетрудно заметить, как мало сказано и говорится о коллективе, в котором произошло становление будущего героя космоса. Пользуясь возможностью, хочется еще и еще раз подчеркнуть, что в развитии лучших его качеств немаловажную — если не решающую — роль сыграл коллектив. Таким коллективом и была авиаэскадрилья В. И. Беликова.

В воспоминаниях товарищей по учебе много говорится об увлечении его спортом. Мне хорошо помнится спортплощадка, сделанная курсантами около своих палаток в лагере «Караванный», где они в свободное время с особым увлечением играли в баскетбол. Гагарин в этих играх был заводилой.

А теперь снова о самом главном — о том, как он осваивал самолет МиГ-15-бис. Как уже говорилось, инструктором, обучавшим его технике пилотирования, был молодой тогда летчик Колосов. Вот и приходилось особое внимание уделять контролю за методикой обучения и качеством усвоения летной программы курсантами этой группы. Еще в процессе «вывозной программы», то есть до самостоятельного вылета, я несколько раз летал с курсантом Гагариным на «спарке» — на самолете с

двойным управлением.

Не следует думать, что не было у него трудностей в освоении техники пилотирования сложного самолета. Камнем преткновения являлась посадка — один из основных элементов полета. Огорчал высокий профиль посадки. Мне приходилось делать инструктору замечания и давать указания о методах устранения ошибок. Но здесь опять же надо подчеркнуть то, о чем много говорилось в воспоминаниях о Гагарине — его упорство, настойчивость, желание летать. Дополнительные тренировочные полеты с инструктором, тренировка на земле в самолете-тренажере сделали свое дело.

Настал день, который стал ответственной ступенью в жизни Ю. А. Гагарина на пути в космос. Это был день самостоятельного вылета на самолете МиГ-15-бис. Очень хорошо его помню. И летнюю жару, и тогдашнего курсанта Гагарина… Как положено, мы с ним сделали на «спарке» два контрольных полета по кругу, после чего, уже на земле, произвели тщательный анализ полетов. Не помню всех деталей нашего разговора, зато хорошо помню, что мы при этом лежали на траве в тени плоскости самолета-истребителя, а в планшете Гагарина выделялись несколько пачек дорогих папирос. Это традиция: в день самостоятельного вылета дарить командирам по пачке папирос. Запомнилось и то, как Гагарин, докладывая о полете, смотрел мне в глаза. Он, очевидно, пытался заранее прочитать мое решение: быть самостоятельному вылету или нет? Но мнение было вполне определенным: «самостоятельный вылет разрешаю».

Перелистывая написанное другими авторами, я прочитал в шестом номере журнала «Физкультура и спорт» за 1961 год следующие строки корреспондента Н. Тарасова:

> «Гагарин действительно своего добился. Он тренировался до седьмого пота, поднимался в воздух много раз, пока угрюмый на вид подполковник Серков, после очередного контрольного полета с упрямым курсантом, не сказал просто, но весомо: «Летчик!» — и после паузы: «Истребитель!» Лучше похвалить Серков не мог».

Не помню, действительно ли эти слова были сказаны, но общий их смысл правилен. В тот день курсант Гагарин произвел первый самостоятельный полет на реактивном самолете-истребителе. Его мечта сбылась.

Ради сохранения памяти о первом человеке Вселенной хочется вспомнить даже незначительные, на первым взгляд, детали того знаменательного дня. Как он, зарулив свой самолет

на стоянку, бежал на командный пункт — потный, возбужденный, с веселой гагаринской улыбкой. Как он докладывал: «Товарищ подполковник, курсант Гагарин выполнил первый самостоятельный полет…» Не всегда запоминается все и даже самое главное. Вот ведь запомнилось, что, несмотря на жаркое лето, он летал в зимнем шлемофоне; по-видимому, у старшины эскадрильи не хватило для него летнего.

С этого дня начались самостоятельные полеты по освоению наиболее сложных элементов техники пилотирования, а позже и боевого применения самолета-истребителя. Например, полеты на воздушные стрельбы по наземным и воздушным целям. Следует сказать, что с каждым полетом его летное мастерство росло. Закончил он курс обучения по первому разряду и тотчас уехал в строевую часть.

Прошло всего четыре года после отъезда из Оренбурга и о нем узнал весь мир.

Двенадцатое апреля 1961 года. Мне посчастливилось дежурить на командном пункте части. Дело в том, что в дни запусков космических кораблей — еще без человека на борту, но возвращаемых на землю — полагалось иметь на аэродроме, притом в полной готовности, средства связи и оказания помощи, дежурить же должен был либо командир части, либо его заместитель.

Радио передавало легкую музыку. Вдруг она прекратилась и диктор передал, что в космос поднялся космический корабль «Восток», пилотируемый летчиком майором Гагариным. «Не наш ли Юрий?» — подумал я и тут же позвонил в эскадрилью, где служил Колосов. Слышу радостный голос: «Наш, это наш Гагарин!» Радости не было конца.

Первая встреча с Гагариным после полета его в космос состоялась у меня в июне того же года. После отдыха на юге семья Гагариных прилетела в Оренбург. На аэродроме полетов не было и потому пришлось выехать с радиостанцией на летное поле для встречи самолета. Как положено, летчик вошел в связь с нами и запросил посадку. Вместе с разрешением я попросил летчика передать привет «210-му» — это был позывной Гагарина в бытность его курсантом.

Встреча около самолета, к нашему удовольствию, растянулась, как мне помнится, минут на 40—50. За это время Юрий успел в общих чертах рассказать о полете в космос, о своих впечатлениях. На следующий день, 5 июня, он выступал на общегородском митинге, а 6 июня — на митинге в авиаучилище. Но эти радостные встречи подробно описаны другими.

Мне неоднократно приходилось встречаться с Гагариным,

когда он, в связи с вылетом в космос своих товарищей, на обратном пути с космодрома Байконур останавливался в Оренбурге. И по собственным моим впечатлениям, и по мнению моих коллег, сослуживцев тех лет, Юрий Алексеевич оставался все тем же скромным, простым, душевным человеком. К нам, командирам, он относился с такой же почтительностью, таким же уважением, как и в годы учебы в части. Великая простота Великого Человека… Таким он остается в памяти, и пусть она перейдет к будущим поколениям.

Ф. Комлев,
заведующий пасекой колхоза «Россия» Сакмарского района
ДВЕ ВСТРЕЧИ

…Было это в октябре 1963 года. Я занимался мелкими поделками в доме, в гости никого не ждал. Вдруг часа в три дня появляются у окон легковые машины. Люди почти все незнакомые, правда, вижу председателя нашего колхоза Ивана Васильевича Пантелеева. Да еще на одного человека обратил внимание. Одет он был просто: военные, защитного цвета брюки, гимнастерка без погон, сапоги… Вышел из машины и улыбается. И по этой улыбке узнал я его. Да ведь это Гагарин, Юрий Алексеевич! А космонавт, обращаясь к председателю, сказал: «Ну, показывайте мне этого деда, где он, хочу с ним познакомиться».

Подошел ко мне, улыбается, обнял. Потом говорит: «Показывай, старина, свое хозяйство».

Юрий Алексеевич, как известно, был большой любитель природы, заядлый охотник, рыболов. Осень в тот год, как по заказу, выдалась теплой, ясной. В кустах летали паутинки, солнышко не жалело своих лучей. Космонавт приехал отдохнуть, порыбачить. А лучшего места, чем то, где Салмыш впадает в Сакмару, и не найти. Рыба хорошо ловится, лес кругом. Раздолье!.. Редки такие места в Оренбуржье, редки и прекрасны. Сел Юрий Алексеевич в большую лодку, сам за весла взялся. Вскорости мы одного поймали. Крупный такой лещ, красавец. Вечер наступил. Юрия Алексеевича медом угостил. А потом в домино играли. Смех, шутки. Голос у Юрия Алексеевича звонкий, веселый. Смеялся он от всего сердца, легко, заразительно. Утром к нам рыбаки пришли из соседней рыболовецкой артели. Юрий Алексеевич сразу к ним, познакомился. Рыбаки его окружили, руки пожимают. А он за невод ихний взялся: «Давайте, ребята, попробуем, я еще ни разу неводом не ловил». Забросили невод, Юрий первым полез в воду. Товарищи зовут его наверх: «Простудитесь, Юрий Алексеевич, вылазьте на берег». Куда там: рыбака сразу видно по ухватке! Вытащили невод. Судаки, щуки, лещи, подусты так и вырываются из рук. Как радовался удаче наш дорогой гость! Сварили уху. Вместе с рыбаками и Юрий Алексеевич сел, с удовольствием ел уху.

Часов в семь вечера он уезжать собрался. Прощались мы с ним, а Юрий Алексеевич и говорит: «Не укажу точно месяца, но

года через два еще раз приеду к тебе, Филипп Иванович». С тем и уехал.

И, правда, второй раз приехал он в июле 1965 года. Я только начинал мед качать из ульев, ходил по пасеке с дымарем, в накомарник облачился. Гляжу, машины подъехали. Из одной Юрий Алексеевич выходит. Подошел ко мне и говорит: «Вот наведать тебя решил, Филипп Иванович». Я рад, конечно, что помнит меня Юрий Алексеевич. Медком его угощаю. Целый день пробыли вместе. Купались много, шутил он остроумно. А к вечеру собрался мой дорогой гость в отъезд. Когда прощались мы, я спросил: «Еще когда ждать тебя, Юрий Алексеевич?» А он в ответ: «Нет уж, Филипп Иванович, теперь ты ко мне в гости приезжай, в Москву, в «Звездный городок».

И. Уханов
ЗЕМНОЙ СЫН НЕБА

На постаменте, словно орел на скале, застыл реактивный самолет. А когда-то он, ведомый рукой Гагарина, стремительно бороздил наше оренбургское небо, и синие глаза Юрия вбирали в себя красоту наших хлебных полей, серебристые ленты Урала и Сакмары. Слушая рев турбин, испытывая радость скорости, вряд ли думал Юрий о том, что через несколько лет на неслыханной скорости помчится он в неведомый мир, положит начало космической эре землян, и в его глазах, медленно поворачиваясь, проплывет вся планета.

…Коридоры и учебные классы Оренбургского Высшего военно-авиационного училища летчиков. Когда-то эти половицы чувствовали на себе легкую поступь гагаринского шага, а эти комнаты слышали его голос. Рядом со мной майор А. Лазукин, бывший секретарь комитета ВЛКСМ училища.

— Александр Николаевич, вспомните, какое впечатление произвел на вас Юрий при первой встрече?

— Было это в ноябре 1955 года, Юрий с группой курсантов пришел в комитет комсомола училища встать на учет. Внешностью он не выделялся среди остальных. Зато в учебе и общественной работе проявил себя очень скоро, стал отличником боевой и политической подготовки, членом бюро ВЛКСМ эскадрильи. А в общем он был очень обыкновенный.

Обыкновенный… Да, он был таким, как и многие его товарищи по летному делу, каждый из которых с готовностью совершил бы то, что выпало на его долю. Вот как говорил об этом Юрий Гагарин уже будучи героем, звездным Колумбом двадцатого века:

> «…Дело вовсе не во мне одном, десятки тысяч ученых, специалистов и рабочих готовили этот полет, который мог осуществить каждый из моих товарищей космонавтов… Мне повезло…»

Однако не везение, не счастливые повороты судьбы сделали Гагарина первым в мире космонавтом. К подвигу он готовился давно.

— Однажды мы полетели с Юрием в учебный полет, — вспоминал бывший инструктор по полетам офицер Я. Акбулатов. — Гагарин настолько ловко и маневренно вел реактивный самолет, настолько умелы были его действия по

выполнению «боевой» задачи, что я подумал: настоящий летчик!

«Вот оно, мое родное училище, давшее мне крылья в космос», — сказал Юрий Гагарин, приехав в Оренбург после космического полета. Да, именно здесь он впервые почувствовал безбрежность и романтику голубого океана, стал военным летчиком.

Перед окнами училища ряды молодых деревьев. Они по-апрельски нагие, с набухшими почками. Сажали их курсанты. Юрий Гагарин тогда был еще первокурсником. Деревца он посадил напротив окна и любовно ухаживал за ними. Они выросли.

Мимо нас легким шагом проходят группы подростков в черных брюках, синих куртках. Это курсанты школы юных космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Они изучают материальную часть современных самолетов, теорию полетов, историю авиации и космонавтики, после первого курса совершают полет на самолете АН-2. Обучение ведется в тех аудиториях, у тех же стендов, где когда-то учился Юрий Гагарин. Школа выпустила несколько сот человек, которые затем стали курсантами училища, а кончив его, — военными летчиками.

Юные космонавты… Вот склонились они над столиками, изучая телеграфную азбуку. Постукивают ключи аппаратов.

Глядя на ребят, испытываешь волнение: кому-то из них, несомненно, быть штурманами космических лайнеров, покорителями звездных миров, кто-то из этих вихрастых подростков пройдет «по пыльным тропинкам далеких планет…»

Юрий Гагарин сначала облетел, потом объехал почти весь земной шар. Тысячи приветственных слов услышал он в свой адрес, тысячи фотоснимков представляли его на страницах газет и журналов мира. Выдержав все космические перегрузки там, в запредельной выси, он выдержал и сложное испытание славой здесь, на земле. Это был очень «земной» сын неба. Находясь в обстановке пристального внимания мировой общественности, в сиянии заслуженной славы и почета, он всегда оставался простым и человечным.

— Слава не вскружила голову Юрию. Был он у нас гостем в 1959 году, затем заезжал не раз, когда стал космонавтом. И все такой же: простой, веселый, свойский, — рассказывала мне Нина Квочкина. — Помнится его последний приезд к нам (лето 1967 года). Он с Валей пришел. Юрий помогал сервировать стол, шутил, танцевал. Не делал вид, что он особый человек, старался, чтобы всем было весело. Любил петь под баян. Особенно нравились ему старинные русские песни и еще такая, где слова: «обнимая небо крепкими руками…»

Рассказ Нины дополнил ее муж, Борис Квочкин, слесарь автобазы, племянник Валентины Гагариной:

— Приезжая к нам, он не засиживался за столом, спешил за город, на речку, на рыбалку и охоту. Мы брали удочки, примус, картошку, лук и уезжали с ночевкой на Урал, под Нежинку. Юрий обычно распределял обязанности, на себя брал самую главную — наловить рыбы. Любил варить тройную уху. Очень много купался. Как утка, плавает и плавает…

Оренбург, улица Аксакова, 9, кв. 21. В этом доме, в этой квартире жил Юрий Гагарин в дни своего пребывания в Оренбурге. Здесь я встретился со старшей сестрой Валентины Гагариной — Марией Ивановной, ее мужем Павлом Александровичем Калашниковым, сестрой Валентины — Таисией Ивановной, сюда же вскоре пришел сын Марии Ивановны Владимир с женой Валей.

Эти простые рабочие люди на протяжении 12 лет знали Ю. А. Гагарина — сперва курсантом, затем летчиком и космонавтом. С ними он проводил дни и недели своих отпусков, делился сокровенным. Эти люди радовались его успехам.

— С любовью и строгой добротой относился Юрий к своим детям — Леночке и Гале, — рассказывала Мария Ивановна. — Помню, как он учил Лену плавать: затащит ее на середину речки, она кричит: «Папочка, я утону!», а он ей: «Давай плыви, я буду рядом». Так и научил… Он тренировал Лену и Галю, гимнастикой по утрам занимались. Они его любили и слушались. Бывало, Лена никак не хочет есть. Уговоры Вали бессильны. Тогда подходит Юрий и говорит: «Лена, чтобы через пять минут в тарелке ничего не было». Лена начинает торопливо есть и все спрашивает меня: «Тетя Маруся, сколько еще минут осталось? Я успею?»

— В любой ситуации Юрий никогда не нервничал, не суетился, был собран и спокоен, — вспоминает Таисия Ивановна.

Живыми воспоминаниями о Юрии Гагарине поделились Владимир Квочкин, сын Марии Ивановны, и его жена Валя.

— Летом 1957 года я готовилась к первым родам, — говорит Валя. — В это время у нас гостил Юрий Алексеевич. Он заранее купил подарок — красивую детскую книжку и долго думал, как и что написать на ней. Потом написал: «Будущему ОНО от Юрия Гагарина». У нас родился мальчик.

…Так же звенела капель, на улицах веселились ручьи, тонко пахло тополиными почками и талой землей. Кто мог подумать, что этот светлый день омрачит скорбная весть: нет больше Гагарина.

Горе молнией облетело планету, болью врезалось в сердце каждого человека.

— В день его гибели я находилась в Москве, у Гагариных, — делилась Мария Ивановна. — Трудный был это день. Юра с утра поехал на полеты и не возвращался. Всю ночь его ждали — напрасно. Валя из больницы звонила, тревожилась… А утром по радио голос Левитана…

Да, это была короткая и яркая, как молния, жизнь. Была?.. Юрий Алексеевич Гагарин и ныне жив! Живет с нами — в нашей памяти, в наших делах. Он стал стихами и песнями, памятниками и площадями, радостью и гордостью всего мира.

ШАГАЙ ВПЕРЕД, КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ!

Иван Мирошников
ЮРИЙ ГАГАРИН

Не обольщался ты почетом,
Влюбленный в новую мечту,
Вся жизнь твоя была полетом,
И сердце смолкло на лету.

И солнце тучами закрыло,
Как будто мраморной плитой,
Но никогда не дрогнут крылья
Перед манящей высотой.

И мы пройдем в далеком завтра
Ухабы Млечного Пути,
Тебе клянутся космонавты
Твой подвиг к звездам донести.

В. Савельзон
ДОРОГА К ЦЕЛИ

— Видел ли я из космоса свою родину — в узком смысле слова, место, где родился? Да, видел.

Мы стартовали на своем «Союзе-26» 10 декабря 1977 года в 4.19. Зимние ночи длинные, и мы ушли в космос, когда большая часть Советского Союза была покрыта тьмой.

А увидеть родные места я жаждал страстно. И вот, постепенно — с Тихого океана, с Дальнего Востока наша страна стала «открываться». Когда мы утром встали, под нами как раз начинался рассвет, и мы увидели камчатские вулканы.

Потом все ближе, ближе: Сибирь, Уральский хребет. И я ждал, когда же увижу характерный изгиб Волги у Жигулей. Увидел — и от него, от Куйбышева повел глазами по ниточке железной дороги на Оренбург.

А надо вам сказать, что зимой, на фоне снега, из космоса, с высоты 300 километров, отлично видны дороги, города, реки подо льдом. И я увидел, как в реку Самару впадает извилистая Боровка, увидел большое темно-серое пятно. Это был Бузулукский бор. Дело в том, что с такой высоты, да еще по контрасту с белым снегом, зелень приобретает серый оттенок. Это в Африке мы потом различали изумруд джунглей, там дело другое.

Да, это был Бузулукский бор. И сердце мое дрогнуло: вот здесь, в этом уголке земли, в поселке Колтубановском, а проще — Колтубанке, и появился я на свет.

Подозвал к иллюминатору борт-инженера Георгия Гречко.

— Смотри! Вон моя родина!

Успел сделать несколько фотографий.

В общем, это был для меня большой праздник. Я был счастлив.

Юрий Викторович Романенко улыбается. Чувствуется, что это непривычное для него состояние: мечтательно-лирическое. Уже после встречи с ним, листая подшивку «Известий» зимы 1977—1978 годов, когда Романенко летал, я прочел, что в «Звездном

городке» его дружески зовут — Чкалов. Точно! Бодр, энергичен, жизнерадостен, тверд в решениях — летный характер.

Такая уж у него работа.

Юрия Алексеевича Гагарина до его великого полета в космос знали несколько сотен человек, не больше. А 12 апреля 1961 года узнали миллиарды жителей Земли.

В отличие от Гагарина и большинства других космонавтов, Романенко стал известен задолго до полета, когда он был объявлен членом дублирующего экипажа в советско-американском космическом эксперименте «Союз» — «Аполлон». Газеты опубликовали его биографию и фото. Мы впервые увидели это волевое лицо, очень живые черные глаза, молодую улыбку.

Но тогда в космос ушел не он. До его «звездного часа» было еще далеко.

В той биографии упоминалось, что родился Романенко в поселке Колтубановском. Первый космонавт, родившийся на оренбургской земле…

В моем репортерском блокноте космонавт нарисовал по памяти план Колтубанки: железную дорогу, станцию, улицу. На ней здание поселковой больницы и рядом — тот самый домик, где он родился.

Дом родной… Где бы ни был потом человек, кем бы он ни стал, эти два слова имеют волшебно-притягательную силу. Здесь — твоя колыбель. Здесь — твой первый вдох. Здесь ты впервые увидел мир.

Отец космонавта, Виктор Петрович, — по профессии военный моряк, и когда Юре исполнилось полгода, родители увезли его с собой, к студеному океану. Но до 1965 года каждое лето непременно приезжал Юрий к дедушке и бабушке — родителям матери. Набираться сил, здоровья, солнца.

Дед — Григорий Яковлевич Васин — был фельдшером, внука любил, но не баловал. Когда случалось ехать на вызов, запрягал больничную лошадь, сажал с собой мальчонку и ехал по деревням. Пусть мир смотрит, людей узнает, к дедовой работе приглядывается, может, еще и врачом будет.

А бабушка была не по имени-отчеству, а просто «баба Оля», преподавала она географию в поселковой школе, за доброту и душевность ее очень любили и взрослые, и дети. Детей в доме собиралось множество — особенно когда приезжал с Севера ее внук и мальчишки отправлялись в путешествия по бору.

— Это же не передать словами, что такое Бузулукский бор. Смолистый воздух. Громадные сосны

шумят в знойном июле. Под ногами шуршит хвоя и хрустят шишки.

Я этот воздух всю жизнь помню, и в космосе вспоминал, когда увидел в иллюминатор темно-серое пятно бора. Вкуснее и здоровее его нет, наверное нигде.

Дед любил вечерами чаевничать и самовар ставил непременно на еловых шишках. Чая вкуснее я потом тоже не пил нигде.

Ну, как полагается, бегали мы с мальчишками по лесным тропинкам, а сосна у нас в бору растет не только на ровном месте, но и на песчаных буграх. Тут и в прятки играть, и в войну — шишками обстрел вести. И по грибы ходили, там грузди хорошие были.

А иной раз просто лежишь, смотришь, как сквозь сосновые верхушки голубеет небо и плывут облака. Потом вдруг — осторожный шелест. Повернешься: красавец-лось идет по чаще. Хозяин бора. А то дятел сядет на соседнюю сосну и начнет шишку раздалбливать, до смолистых семян добираться. Побарабанит, прислушается — и давай дальше.

На Боровку рыбачить бегал. Боровка — это моя первая любовь. Тихая речка, мелкий песок, через весь бор течет, потому такое название у нее. Только-только рассветает, туман струится над поймой, а я уже проснусь, иду по шпалам, тороплюсь, не опоздать бы. Пескарей таскал, не так уже много, конечно, но клевало.

Речка мелкая, солнце прогревает до дна, блаженство бултыхаться, шлепать по воде. Потом — на песок. Пожаришься — и опять в воду. Это сейчас я понимаю: даже не речка, а речушка. А тогда для меня она была целым океаном.

И так целыми днями. Счастливое время — детство!

Библиотеку вспоминаю поселковую. Каждое лето брал там книги о путешествиях, о войне — зачитывался.

На станцию любил бегать. Она маленькая, не все поезда останавливаются. И все равно интересно: налетит поезд, прогрохочет — и нет его, умчался, увез кого-то или в Москву, или в Ташкент. А у тех, что останавливались, — тоже интересно: встречи и проводы, дальние дороги.

В маленьком музее Бузулукского бора любил бывать. Кости доисторических зверей, орудия первобытного человека… Даже не верилось: на том самом месте, где я стою, когда-то охотились косматые люди в звериных

шкурах.

Странно, но помнятся сейчас с любовью даже всякие мелочи. Вот морс помню. Нынешние мальчишки не знают, что это такое. А это такая красная, вкусная, прохладная вода.

Ну, и неизгладимое впечатление — самолет Як-18 крутит петли в небе. Лезет вверх по вертикали — мотор ревет, тяжело ему. А потом падает камнем — в тишине. И мы, мальчишки, горячо спорили: выключает он двигатель или просто уменьшает обороты?

Не знал Юрий Романенко, что в эти дни крутит петли над Оренбургом его тезка — курсант с удивительной улыбкой и ясными глазами. Юрий Гагарин… Не знал, что через несколько лет имя это услышит планета, над которой первый космонавт сделает свой исторический виток. Не знал, что во многом повторит Юрия Гагарина: летное училище — отряд космонавтов — космический полет.

Потом, из космоса, Романенко и Гречко увидят Оренбург и вспомнят в который раз своего «старшего брата» — так новое поколение космонавтов называет Юрия Алексеевича Гагарина.

…В апрельский день в школе города Калининграда, которую заканчивал Юра Романенко, включили громкоговорители:

— Говорят все радиостанции Советского Союза!

Это было потрясающе! В космосе — человек! Наш, советский человек!

Весь мир сразу привык к этому имени — Гагарин, газеты переходили из рук в руки: вот он какой. И хоть по радио сообщение уже слышали, все равно жадно перечитывали биографию космонавта: «…Родился в городе Гжатске… Закончил Оренбургское авиационное училище…»

Юрий Романенко был сыном моряка и, несмотря на детский восторг при виде самолета, крутившего петли над бором, мечтал о море. Отец его командовал эсминцем, а потом служил старпомом на крейсере. И Романенко-младший, конечно, облазил корабли от киля до клотика.

Но в 61-м победило небо… Сделали свое дело и беседы, которые проводили в школе асы Великой Отечественной.

Год после Школы Юрий поработал — сначала бетонщиком, потом слесарем. Это пригодилось, попробовал рабочей жизни, окреп.

В 1962-м приехал в Черниговское авиационное училище. Поступил. Отлично учился и летал. Стал инструктором — учил

летать других.

А в это время с Байконура уходили в космос огромные ракеты, и по радио все чаще звучали торжественно-радостные слова:

— Говорят все радиостанции Советского Союза!

Новые имена гремели в газетах, по телевидению и радио. Новые парни в такой же форме — с авиационными эмблемами на погонах — рапортовали правительству о выполнении заданий.

А Романенко летал над землей, учил курсантов взлетать и садиться. Был ли он доволен своей судьбой? Да. Любимая работа. Друзья. Жена. Мечтал ли он о космосе?

Когда его неожиданно вызвали к начальнику училища, то в голове даже не мелькнуло: намечается перелом во всей жизни. Вошел, доложил по форме. И тогда лишь узнал того, кто сидел в кабинете начальника. Титов! Герман Степанович Титов! Космонавт-2!

Доброжелательно и оценивающе Титов задавал вопросы:

— Службой довольны?

— Доволен.

— Женаты?

— Уже неделю.

Титов улыбнулся. Потом задал главный вопрос:

— Хотите переучиться на новую технику?

Да, это был главный вопрос. Если о новой технике спрашивал Титов — значит, космос, «Звездный городок», отряд космонавтов.

…Гагарина в «Звездном городке» Романенко уже не застал. Вот по этой самой бетонированной дорожке ушел он в свой последний полет за два года до того, как прибыл сюда невысокий, плотный, черноволосый летчик Юрий Романенко.

И космонавтов теперь провожал в полет и встречал после полета Гагарин-памятник. Смотрит он: как вы, ребята? Держите марку тех, кто летал первыми? Летаете дальше нас, успеваете сделать больше?

«Ты с нами, ты с нами идешь на задание, первый, верный, испытанный друг…» Из окон домов, в которых живут космонавты, виден этот памятник. «Все дети на свете играют в Гагарина». Играют в Гагарина и сыновья Юрия Викторовича Романенко. «Не будет, не будет полета последнего, помнят люди твой первый полет…»

…Час с лишним пробыл в космосе Ю. А. Гагарин в том первом полете. 96 суток должны были летать Ю. В. Романенко и Г. М. Гречко.

Далеко вперед шагнула космонавтика на гагаринском пути!

На предполетной пресс-конференции им задали последний

вопрос:

— Верите ли вы в свою удачу?

Ответил Романенко:

— Мы верим не в удачу, а в успех. Удача — вещь случайная. А мы летим с верой в то, что громадная подготовительная работа, проделанная на Земле, обязательно приведет к успеху в космосе.

И вот на них бело-синие скафандры, вот рапорт председателю Государственной комиссии. Лифт поднял их в космический корабль. Грохот и пламя. Ракета отделяется от земли. Поехали!

> «Сообщение ТАСС…
>
> Подполковник Романенко Юрий Викторович. Командир космического корабля «Союз-26». Юрий Викторович Романенко родился в 1944 году в поселке Колтубановский Бузулукского района Оренбургской области.
>
> В 1966 году он с отличием окончил Черниговское высшее авиационное училище летчиков. Затем служил летчиком-инструктором в Военно-Воздушных Силах.
>
> Юрий Викторович член КПСС с 1969 года.
>
> В отряд космонавтов Ю. В. Романенко зачислен в 1970 году. Он прошел полный курс подготовки к полету по программе пилотируемого корабля «Союз» и орбитальной станции «Салют». Кроме того, он готовился также к совместному космическому полету кораблей «Союз» — «Аполлон» в качестве командира корабля.
>
> В настоящее время Ю. В. Романенко учится на заочном факультете Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина».

…Мне улыбнулась журналистская удача видеть, как Романенко впервые смотрел на свой полет со стороны, из кинозала. Фильм «Космос дальних дорог» шел в московском кинотеатре «Космос». Это, если можно так сказать, самое космическое место столицы. Напротив — обелиск в честь покорителей космоса и аллея с бюстами С. П. Королева и космонавтов. Чуть дальше, в рощице, дом, в котором жил Королев; там на лестнице, которая ведет на второй этаж, — знаменитая «думательная ступенька»; уж очень хорошо думалось на ней Генеральному конструктору. Еще дальше — купол павильона «Космос» на ВДНХ.

Вот и кинотеатр назвали «Космос», и, как правило, именно в нем идут премьеры фильмов о полетах во Вселенную.

Вообще-то никто не любит, когда в кинотеатре шепчутся и комментируют фильм. Здесь — дело иное. Я шепотом

расспрашивал Юрия Викторовича, он тоже шепотом объяснял, и рядов пять впереди нас и столько же позади, мне кажется, больше прислушивались к тому: «А что он сказал?», чем к голосу диктора. А Романенко — человек непосредственный; ему и самому хотелось с кем-то сопереживать, делиться.

В самом деле, разве не интересно, почему некоторые кадры сняты с заметной тряской? А это, оказывается, естественно: в невесомости двигатель в кинокамере дает отдачу, вот и дрожит изображение. Романенко сам снимал добрую половину этого фильма — и станцию, и космос, и Землю.

Или идет кадр: кусок планеты в иллюминаторе. Темно-коричневые складки, голубое пятно. Что это? Романенко шепчет: «Африка, озеро Ньяса».

Вот в кадре Романенко и Гречко — открыли почтовое отделение, штемпелюют открытки. Юрий Викторович улыбается там, на экране, и смеется здесь, в зале: «Обратите внимание: Гречко для такого случая даже галстук нацепил. Как же: начальник почтового отделения!»

На экране минуты разрядки, отдыха. И снова — работа. Сутки за сутками.

Во время очередного сеанса связи с «Салютом-6» состоялся такой разговор:

Земля, центр управления полетом:

— Как самочувствие?

Космонавты:

— Отличное! Нет ни одной свободной минуты…

— Может быть, отдохнете? У вас по программе личное время.

— А у нас к вам контрпредложение: поработайте, пожалуйста, с нами и в эти часы… А «сверхурочные» приплюсуем к отпуску после возвращения. Договорились?

На Земле рассмеялись и облегченно вздохнули: раз там, в космосе, шутят и хотят работать как можно больше — значит, все в порядке.

А работы все 96 суток полета было столько, что космонавты полусерьезно передавали: «Если бы не состояние невесомости, то можно было бы сказать, что мы с ног от усталости валимся».

Но они были готовы к такой работе: на Земле за каждую комплексную тренировку они теряли в весе по 2,5—3 килограмма.

Дело не только в физических нагрузках. По фильму особенно понимаешь, как густо нашпигован космический корабль разного рода аппаратурой и приборами. Их на борту полторы тысячи! И чтобы работать с ними, вести научные исследования, нужны обширнейшие знания и умения. Космическая станция, кроме

нужд чисто космической науки и техники, обслуживает и промышленность, сельское хозяйство, мореходство, геологию, рыболовство, охрану природы.

По просьбе геологов, например, космонавты изучали так называемые «кольцевые структуры» на Земле. Их происхождение не ясно. Может быть, миллиарды лет назад Земля была подобием Луны с ее кратерами? Исследование этих структур многое должно дать астрофизикам и геологам…

Или: На борт «Салюта-6» с Земли передано было сообщение о катастрофе, постигшей два американских танкера у Южной Америки. Космонавты проследили дрейф в океане огромного нефтяного пятна, ведь в программе их исследований — и определение степени загрязненности Мирового океана.

О заснеженности ледников, о лесных пожарах, пылевых бурях, туманах, смерчах — многом и разном докладывали из космоса Романенко и Гречко.

Понятно, что кроме физической и научной подготовки нужна была космонавтам и морально-психологическая.

«Звездный дом» Романенко и Гречко был не так уж и мал: 20 метров в длину, максимальный диаметр 4 метра, а общий объем свыше 100 кубических метров. Но представьте себе, что вам несколько месяцев предстоит жить и работать, не выходя из вашей квартиры, без всяких связей с внешним миром, кроме радио. Представляете, какая психическая нагрузка эти многомесячные полеты?

Да, очень сложное испытание представляет собою каждый полет в космос, хотя мы уже вроде бы и привыкли к сообщениям ТАСС о новых запусках…

Зал аплодировал часто и щедро, когда на экране Романенко и Гречко взлетали в космическом корабле, когда состыковывались с космической станцией, когда вышли в скафандрах в открытый космос и принимали там гостей — экспедицию посещения.

Кстати, интересные детали: неподалеку от Колтубанки в годы войны формировались части Народной чехословацкой армии, и Людвиг Свобода написал потом книгу «От Бузулука до Праги». Здесь, в Бузулуке, Клемент Готвальд провозгласил лозунг, который живет в сердце каждого чеха и словака: «С Советским Союзом — на вечные времена!»

И в космосе гостем экипажа Романенко стал первый космонавт Чехословакии Ремек. С Советским Союзом и на земле, и в космосе!

Газопровод, который назвали так же, как и космический корабль «Союз», в Оренбуржье помогали строить болгарские друзья. Между прочим именно Романенко был командиром

дублирующего советско-болгарского экипажа.

Зал аплодировал. И подвигу космонавтов там, на экране, и им самим, сидевшим в 17-м ряду, здесь же, в этом зале.

Юрий Викторович смотрел, не отрываясь, заново переживая то, что он в те 96 суток сделал, что он тогда снял на пленку. Он работал там, на экране, его голос звучал в записях радиопереговоров — и в то же время он шепотом комментировал мне самого себя здесь, в зале.

Это было одно из тех впечатлений, которые остаются на всю жизнь.

А после фильма мы долго еще беседовали, и магнитофонная запись, когда я ее прослушиваю снова и снова, сохраняет обаяние, жизнелюбие этого человека, спокойную уверенность его в своих силах. И еще, несмотря на полковничьи погоны. Золотую Звезду и ордена — что-то иной раз совсем мальчишеское, азартное, — от того Юры Романенко, который «сражался» с приятелями в Бузулукском бору и бегал рыбачить на Боровку.

Вспоминается: в день приземления Ю. В. Романенко и Г. М. Гречко я позвонил в Калининград Романенко-старшему и записал на пленку это телефонное интервью. И голосом Виктор Петрович схож с сыном, и, чувствуется, характером. Голос в некоторых местах чуть подрагивал: сообщение только что прозвучало по радио, но был он романенковским — жизнерадостным, сильным.

И еще вспомнилось, как Юрий Викторович стал расспрашивать об урожае в Оренбуржье — был октябрь 1978 года, ездил я в «Звездный городок» вместе с героями битвы за хлеб.

Космонавты рассказывают, что из иллюминаторов своих космических кораблей они различают поля: уже убранные и те, на которых еще работают степные корабли-комбайны.

А комбайнеры в час, когда уже ночная роса падет и надо хоть на несколько часов прекратить работу, видят, как среди созвездий плывет яркая точка — рукотворная звезда, космический корабль.

И насколько связаны эти корабли — космические и степные — с особой остротой стало понятно в тот раз, когда мы оказались в «Звездном».

В сыром тумане бесплотными контурами проступали здания центра подготовки космонавтов, дома, в которых живут космонавты и персонал Центра подготовки, шагал нам навстречу бронзовый Юрий Гагарин — какой-то очень живой, совсем не парадный памятник первому космонавту мира. А на Доме культуры «Звездного городка» алел транспарант, очень неожиданный: «Привет героям битвы за урожай 1978 года!»

Впрочем, ничего неожиданного не было: в уборочную страду

сотни звеньев соревновались за право получить вымпел имени Гагарина, и вот победители приглашены в «Звездный городок».

В оренбургской делегации были Нургали Хайсанов из колхоза «Россия» Первомайского района, который ее своим звеном дал выработку, одну из самых высоких за все оренбургские жатвы, и три брата Жареновы из Соль-Илецкого района, и Григорий Чердинцев, комбайнер совхоза «Рассвет» Сакмарского района, и другие герои жатвы.

И в других делегациях были замечательные труженики. Можно сказать, не боясь высоких слов, цвет советского села собрался в этом славном зале.

И к ним обращался человек, который уже три раза побывал в космосе, — генерал-майор, дважды Герой Советского Союза Петр Ильич Климук:

> — Уважаемые товарищи, дорогие друзья! Сегодня у нас в «Звездном городке» большой праздник. Мы встречаем передовиков сельского хозяйства. Сегодня все вы прошли по такому же пути, по которому идут все летчики-космонавты при возвращении.
>
> Сегодня мы с вами находимся в зале, где летчики-космонавты докладывают партии, правительству, советскому народу о той программе, которая выполнена на космических летательных аппаратах.
>
> В этом году вы поднялись на космическую орбиту: никогда еще страна не имела такого урожая.
>
> Любые успехи нашей страны начинаются с земли. За этот огромный труд большое вам спасибо.
>
> Вы знаете, что после июльского Пленума 1978 года летчики-космонавты вошли с предложением, чтобы учредить приз имени Юрия Гагарина победителям в социалистическом соревновании в области сельского хозяйства.
>
> Это почетный приз и для вас, и для нас, и для всей нашей страны, потому что полет Юрия Алексеевича Гагарина был первым в истории нашей земной цивилизации.

У нас принято, что перед народом отчитываются народные избранники — депутаты. Но и космонавты в какой-то мере народные избранники, наши посланцы в космос, поэтому Петр Ильич Климук и представил собравшимся передовикам сельского хозяйства отчет о том, как они, космонавты, поработали.

Конечно, каждая делегация — а были представлены области РСФСР от Балтики до Урала — привезла с 190 собой подарки космонавтам.

Что дарят туляки? Конечно, самовар. Что дарят смоляне? Изделия из льна. Калининградцы — янтарный макет космической ракеты. Калужане — портрет их земляка Циолковского.

Ну, а оренбургские хлеборобы? На сцену поднялся Григорий Чердинцев:

— Разрешите по нашему оренбургскому обычаю вручить вам рапорт отряду космонавтов, наш оренбургский сноп и наш оренбургский каравай.

Космонавты аплодировали, благодарили, бережно приняли дорогой подарок.

Вообще, не из местного, оренбургского патриотизма, а истины ради, надо сказать, что Оренбуржье, оренбургская делегация пользовались особым вниманием. И заслуженно. Ведь область дает стране из года в год хлеба больше, чем любая другая область или край.

Об оренбуржцах упоминали почти все — и космонавты, и министр сельского хозяйства РСФСР Леонид Яковлевич Флорентьев, и писатель Михаил Николаевич Алексеев. А вот как обратился к космонавтам и хлеборобам член ЦК ВЛКСМ Григорий Чердинцев:

— Дорогие друзья! Я — хлебороб. Мое главное назначение в жизни — выращивать хлеб. Слова «хлеб» и «жизнь» неразделимы. Люди отдавали жизнь за хлеб. Меня, хлебороба, глубоко взволновали строки военного донесения из тревожного 1943 года:

«На захваченной нашими десантными частями земле в районе Станички оказались участки, засеянные озимой пшеницей. Урожай выдался на славу хороший. С 20 июля подразделения бригады Потапова приступили к уборке урожая. Бойцы, жертвуя сном и отдыхом, под носом у противника собирали колосья пшеницы. А днем, просушив на солнце, обмолачивали ее. Собрано, обмолочено и сдано на продсклад 1336 килограммов первосортного зерна.

Начальник политотдела 18-й армии Брежнев».

Нам непривычно слышать об уборке урожая в килограммах. В наших нынешних сводках миллионы пудов. Но ведь это — зерна нашей победы и нашего бессмертия.

В нашем большом каравае, я считаю, есть и большая доля труда космонавтов. Они в это горячее время уборки присылали нам телеграммы прямо с борта своих космических кораблей на корабли степные. И за это им спасибо.

Нас, оренбуржцев, волнует, что первый космонавт мира

Ю. А. Гагарин учился в нашем Оренбургском училище. Приятно, что и сегодня с нашими космонавтами у нас очень тесная связь.

Дважды Герой Советского Союза П. И. Климук, докладывая о работе космонавтов, рассказал о том, как они пробуют выращивать в космосе растения. Григорий Чердинцев подхватил эту мысль:

— Из выступления П. И. Климука я сделал для себя вывод. Петр Ильич, если что-то вы вырастите, я даю вам слово, что мы первыми напишем вам рапорт, что мы всем звеном поедем и с честью уберем, без потерь.

Смеялись, аплодировали.

— Ай да молодец Григорий. Такого, действительно, и в космос можно послать — не подведет.

Красные вымпелы с портретом Ю. А. Гагарина получили в тот день первые лауреаты этой награды. Из рук, которые управляли космическими кораблями, принимали награды руки, знакомые со штурвалами комбайнов.

И те, и другие — трудовые, рабочие, золотые руки.

Жаль только, что не удалось Юрию Викторовичу побывать на этой встрече с нашими земляками-хлеборобами.

— И я очень жалею. Единственное оправдание — очень был занят подготовкой к совместному советско-болгарскому полету, в тот день долго работал на тренажере.

За Оренбуржье свое я душой болею, всегда слежу, как там дела, какие успехи в промышленности, как хлеборобы растят хлеб для советского народа.

Очень хочется побывать на родине, встретиться со славными нашими людьми. В Колтубанку приехать, снова услышать дятла в бору, вдохнуть смолистый здоровый воздух, пойти к тихой Боровке.

И еще хочу побывать в Оренбурге, там, где Гагарин летал. Оренбургская земля дала путевку в небо Юрию Алексеевичу. Верю, что даст еще многим путевки в космос.

Знаю, что растут в Оренбурге юные космонавты из школы имени Гагарина при авиационном училище. Что хотел бы им пожелать? Многого. А главное — кем бы потом ни стали, стремитесь, ребята, к достижению своей цели, своей космической высоты в любой профессии, которую вы себе выберете. Идите к своей цели так, как шел к ней Юрий Алексеевич Гагарин.

Ю. Северов
ЗВЕЗДЫ НАД ХЛЕБНЫМ ПОЛЕМ

Диалог с обладателями звездных вымпелов имени Ю. А. Гагарина — Героем Социалистического Труда, комбайнером совхоза имени Цвиллинга Соль-Илецкого района Оренбургской области Федором Николаевичем Жереновым и выпускником средней школы, молодым механизатором колхоза «Победа» Акбулакского района Ерсаином Испулаевым.

СУДЬБЫ ТРУДОВЫЕ

Оренбуржье. Его трудовой герб венчают колосья. Хлеб — главное богатство края. Надо видеть поля области в пору их поспевания. Глядишь — и нет ни конца, ни края золотому хлебному океану. Чарующа музыка спелых колосьев в порывах ветра-степняка. Она особенно величественна, когда на массивы выезжают армады комбайнов.

Хлеб, прежде чем заколосится спелым колосом, требует от человека огромных усилий, труда, знаний.

…В судьбе этих двух людей много общего. А главное то, что оба они безраздельно связаны с землей, верой и правдой служат ей, найдя в этом и свое призвание, и место в жизни.

Оба они — хлеборобы.

Федор Николаевич Жеренов — Герой Социалистического Труда.

Он — из послевоенного детства.

Родился в глухой мордовской деревне, где, как сказал поэт, «мужики невесело шутили, что ехало к ним счастье на коне, да богачи его перехватили».

Рано познал, что такое труд. С семи лет пахал на быках, пас колхозное стадо, правил со взрослыми ометы в лугах.

Он не помнит отца. Ушел в грозном 1942-м и не вернулся. Ушел осенью — как говорила мать, прямо с поля. Нарочный, верхом на коне, привез туда повестку о мобилизации. Мать рассказывала, что об одном горевал: «Эх, хлеб убрать не дали».

Отец был хлеборобом.

Когда сам подрос, хлебному полю, которое оставил отец, так и не убрав до конца, изменить не мог. Он, Федор Жеренов, заменил в хлеборобском строю отца, погибшего за то, чтобы мирной и радостной была жизнь, чтобы земля, обласканная и ухоженная людьми, щедро одаривала их полновесным колосом.

Я встречался с ним множество раз. На мостике комбайна и у межи поспевающего поля, в конторе, когда за директорским столом намечалась стратегия и тактика будущей жатвы, и дома, когда он вдруг заводил жаркий спор о деревенских повестях Федора Абрамова, обнаруживая интерес к литературе и гибкий, наблюдательный ум. Всегда меня поражали в Жеренове цельность характера, глубокая принципиальность и безраздельная любовь к делу, избранному на всю жизнь. Помню, директор совхоза Владимир Васильевич Чичканов сказал: «Для него хлеб — вся жизнь».

Есть люди, о которых говорят: по-государственному мыслит и работает. Значит — масштабно, с учетом общественных интересов, для людей.

Таков Жеренов.

Я помню жаркие дни осени 1976-го. Хлеб в совхозе уродился на славу. Давно такого не было. Подойдешь к полю — по грудь достают тяжелые, будто из бронзы кованые колосья. А убирать было тяжело. Местами массивы полегли от ветра. И напоминали стебли перепутанные морские водоросли. Косили в одну сторону, на самых медленных скоростях. Штурвальным приходилось то и дело бежать впереди жаток, буквально руками распутывая «космы» стеблей.

А тут еще, как гром среди ясного неба, — машин совхозу недодали.

Встретились мы с ним в поле, когда комбайн стоял, удрученно опустив на землю подборщик.

— Поломка?

— Какая там поломка! — махнул он досадливо рукой. — Комбайн работает, как часы, бункер полный, а разгружать некуда. Машин мало, не успевают.

— И выхода никакого?

— Да должен быть он, этот выход! — вдруг крикнул Жеренов, стряхивая с клетчатой рубашки серую муку половы.

Я вернулся в Оренбург и привез в редакцию репортаж с поля. Репортаж без конца. Но не хотелось заканчивать рассказ на газетной полосе описанием комбайна, простаивающего в ожидании разгрузки.

А через день, позвонив в совхоз, услышал в трубке голос директора: «У Жеренова полный порядок. Разгружает зерно без задержки».

— Машин подбросили?

— Нет. И где их взять в такую горячую пору? Федор Николаевич интересную мысль подбросил.

Тут-то я узнал, какой оригинальный выход из положения

нашел Жеренов. Умея водить трактор, он прицепил к К-700 вместительную тележку, тщательно ее обив, чтобы не было потерь, и стал вывозить зерно на ток таким образом.

Рассказывали: заведующий током прямо-таки опешил, когда среди ночи у въезда вдруг загромыхал трактор и донесся громкий голос:

«Принимай хлеб, батя!»

Был третий час ночи, никто из комбайнеров в поле не работал, шоферы отдыхали, а этот, смотри ты, на тракторе взялся зерно возить…

Так потом все время было. Ночью за штурвалом стоял помощник, а он отвозил зерно на ток.

А ведь мог простаивать на загонке в ожидании машин. В конце концов, почему у него, рядового комбайнера, должна за это голова болеть — есть же агроном, директор — их обязанность заботиться об этом.

Потом подумал: все-таки есть прямая закономерность в том, что появились эти, как их потом окрестили — РЖ («рейсы Жеренова»). Инициативен, находчив, изобретателен тот, кто трудится не рубля единого ради, для кого общественные интересы всегда выше личных.

Благодаря «рейсам Жеренова» колхоз в ту осень на целую неделю раньше завершил хлебовывозки, обойдясь без двадцати дополнительных машин.

А он, Жеренов, показал тогда на уборке один из самых высоких результатов в области — выдал из бункера комбайна более 25 тысяч центнеров зерна. И это с помощником, который работал первый год…

В один из последних дней декабря того же 1976 года в газете был напечатан Указ о присвоении Федору Николаевичу Жеренову звания Героя Социалистического Труда.

Человек не жалеет сил, чтобы сделать щедрой землю — земля возвеличивает человека.

…У Ерсаина Испулаева все награды еще впереди. На лацкане его пиджака алой каплей горит комсомольский значок. Он совсем еще молод — только-только исполнилось семнадцать.

Но место в жизни выбрано. Как и у Федора Николаевича Жеренова, это — хлебное поле.

Оно видно из окон их школы. Слушая о биноме Ньютона, он рисовал на промокашке колосья и комбайн.

Чтобы почувствовать, что такое хлеборобская гордость, надо подержать на ладони горсть зерна с поля, которое весной засеяли с отцом…

Все в этой горсти зерна — многодневный труд, бессонные

ночи, радость, когда под налив хлынут дожди, и отчаяние, когда потрескавшаяся земля ждет влаги.

В Акбулаке на вокзале он встретил одноклассника.

— Куда?

— В институт… Хватит! Как говорится, десять сознательных лет отдал деревне. Пора и в большую жизнь выходить. А ты?

— Остаюсь… В колхозе дают комбайн.

— Ну-ну. Повкалывай на колхозной ниве… Да только все равно в город удерешь. На асфальт.

Он, Ерсаин, конечно, не за то, чтоб силой удерживать в деревне. Да и читал у социологов, что миграция — вещь закономерная. Но ехать в город, считая, что только там, как выразился одноклассник, «большая жизнь»… нет, с этим он никак не согласен. Конечно, асфальт — это хорошо, а то в их деревне осенью из-за грязи к магазину и в резиновых сапогах не пройдешь. И дискотек пока у них нет. И столичные артисты редко сюда заворачивают — «глубинка».

Но главное в жизни — найти себя.

Мудрый у него отец. Часто Ерсаин слышал от него одну казахскую притчу. Спрашивало перекати-поле у саксаула: «Почему ты ветра не боишься, и песни тебе не страшны, и зеленеешь ты, несмотря на суховеи. А я мотаюсь по барханам, высохшее, ветры меня гонят, пески секут. И нет мне радости». Отвечал тогда саксаул: «Нет у тебя корней крепких, чтобы твердо на земле стоять, не боясь ветров и суховеев. А нет корней — нет силы».

В настоящих хлеборобских семьях глубоки корни семейной традиции. Оттого и сыновья идут по стопам отцов, не уподобляясь перекати-полю.

И он не покинул родное село. Пришел в правление. Внимательно выслушал его председатель, Николай Григорьевич Суббот. Согласился, что можно ему и комбайн доверить. С седьмого класса в штурвальных — хорошая трудовая школа.

В обязательствах записал — намолотить 5000 центнеров. Кое-кто посомневался: многовато, дескать, для первого года работы.

Каждый день они были один на один. Поле и он. Поле огромное, уходящее за горизонт. Иногда казалось — не одолеть такую громадину. Упрямо выставив вперед железную «ладонь» подборщика, шел комбайн.

Каждый день смотрел на доску показателей. Его фамилия была почти в самом конце. Намолачивал 350 центнеров, потом — 400, потом — 450.

Гасли огни на соседних загонках. А он не глушил мотора. Чувствовал, как деревенели руки: попробуй — покрути двадцать

часов штурвал. И рубаха просолилась от пота, и неприятно колола тело полова. И глаза сами собой смыкались, требуя сна. Но он приказывал себе: «не останавливай комбайн — еще немного, еще немного».

Только когда стало рассветать, посвежело, и он, ежась от утреннего холода, понял, что на валки легла роса, и, значит, пойдут потери, остановил комбайн.

Уснул прямо у ближайшей копны, бросив на солому пиджак.

Он тогда намолотил почти 700 центнеров.

В тот день ему вручили вымпел райкома комсомола.

А 7 августа районная газета сообщила, что комсомолец Ерсаин Испулаев выполнил обязательство — намолотил 5000 центнеров зерна. И взял новое — выдать 8000.

Дни августа… Жаркими они выдались. Жарко было и в буквальном, и в переносном смысле: от солнца и от накала страды. Спать приходилось буквально по два-три часа в сутки.

Случались и «ЧП». То летели ремни, то барахлил молотильный аппарат. Гаечные ключи брал в руки, не дожидаясь механиков.

В поле задерживался дольше всех. Поварихи уже знали это и везли ужин на загонку в термосах. Подшучивали: «Что, Ерсаин, за одно лето хочешь сразу на машину заработать?» Отшучивался: «Только обязательно на «Волгу».

А хотел он одного, этот черноволосый, невысокого роста парнишка, впервые выехавший на уборку самостоятельно. Заработать доверие к себе, испытать себя в таком большом и трудном деле, как жатва.

И в этот жаркий август 1979-го, пропахший хлебом и оглохший от рокота сотен моторов, он, вчерашний школьник Ерсаин Испулаев, доказал, что он хлебороб. 21 августа районная газета «Степные зори» сообщила: комсомолец Испулаев первым среди молодых комбайнеров района намолотил 10 тысяч центнеров зерна!

Закончил он жатву, выгрузив из бункера своего комбайна в кузова машин без малого 12 000 центнеров зерна.

А ведь два с небольшим месяца тому назад он еще сидел за партой, глядя из окна на поспевающие поля…

Оба они, Федор Николаевич Жеренов и Ерсаин Испулаев, удостоены «Звездных вымпелов имени Ю. А. Гагарина».

…Две так схожих трудовых судьбы. Схожи делом, которому служат и безраздельно преданы.

ЗВЕЗДНАЯ ВЫСОТА

О доблести, о мужестве, о славе, о призвании, о звезде, которую каждый должен обязательно зажечь в своей жизни, и состоялся у меня диалог с каждым.

Ф. Н. Жеренов: «Звездный вымпел Гагарина»… Это, я считаю, очень символично, что стал он вручаться передовикам производства. Ты как бы прикасаешься к той звездной высоте, которой достиг в своей судьбе наш первый космонавт. А это и тебя обязывает стремиться к такой же высоте в своем деле — стоишь ты у станка или выращиваешь, убираешь хлеб.

У каждого человека должна быть в жизни своя «космическая высота», которую во что бы то ни стало надо взять, раскрывая в работе все свои физические и нравственные силы.

Наша механизаторская «звезда» — хлеб. Как только его не называют в народе: «всему голова», «наш насущный». Слышал и совсем космическое: «без хлеба и в небо не поднимешься».

Наши космические просторы — поля. И уж если переходить на «звездную» терминологию, то скажу: есть у нас и свои старты, и свои перегрузки.

— Вот вы, Федор Николаевич, сказали о перегрузках. Они ведь у комбайнеров в страду велики, и очень?

Ф. Н. Жеренов: Я как-то читал, что по нервному напряжению труд хлебороба в уборку может быть и впрямь приравнен к состоянию космонавта во время полета. Мы, как и космонавты, должны точно выйти на заданную орбиту — достичь нужного уровня производительности.

— А это не всегда легко?

Ф. Н. Жеренов: Безусловно. Как и у космонавтов, у нас должны быть точные инженерные расчеты. Скорость движения комбайна, время прохождения гона, количество намолоченного зерна за единицу времени… Вот разве центра управления у нас нет. Впрочем, есть агрономическая служба, диспетчерская связь, которые координируют и корректируют наши действия. Однако уверен: наступит время, когда работа всей техники на уборке будет подчинена ЭВМ.

— Но механизатор трудится не как робот, запрограммированный на заданный темп и ритм. И все его действия, конечно же, сводятся не к тому, чтобы только держать в руках штурвал. Хлебороб это, как правило, человек творческий. Да и ситуации, когда надо проявить смекалку, находчивость, найти прямо-таки инженерное решение, возникают часто.

Ф. Н. Жеренов: Конечно. Я помню, убирали мы хлеб в одном из хозяйств Тюльганского района. Такое попалось поле ячменное, не знали, как и подбирать будем. Обычная технология не давала на это ответа. Нужно было найти особый вариант,

подходящий к данным конкретным условиям. И выход все-таки нашли. Укрепили на подборщиках специальные защитные устройства, которые сами и сделали. Колосья не стали разлетаться в стороны. Сберегли десятки тонн дорогого всем зерна.

— Это говорит и о том, что современный механизатор должен обладать технологическими знаниями, умением мыслить аналитически.

Ф. Н. Жеренов: Обязательно. Поле порой задает столько загадок, что разрешить их можно, только обладая обширными техническими знаниями, богатым практическим опытом. Я сам, например, закончил сельскохозяйственный техникум, большинство наших механизаторов имеют среднее образование, учатся дальше.

— А уровень образованности механизатора, его опыт — это главные составляющие трудовых успехов?

Ф. Н. Жеренов: Только так. К нам поступает очень сложная сельскохозяйственная техника. Возьмите комбайны «Нива», «Колос». Когда что-нибудь случится, долго «морокуешь» над схемой, пока поймешь, что к чему. Все достижения современной промышленности в них представлены, разве только электроникой эти агрегаты не начинены.

Помню, встречали мы ветеранов-механизаторов, которые оставили рычаги машин лет десять тому назад. Один осмотрел «Ниву» и, смущенный, рукой махнул: «Мне и грамотешки не хватит, чтобы на ней хлеб убирать».

Наш прославленный механизатор из Первомайского района Владимир Николаевич Кособуцкий, ныне Герой Социалистического Труда, уже будучи опытным комбайнером, специально пошел в вечернюю школу для того, чтобы закончить десять классов и учиться дальше, чтобы быть на уровне современных профессиональных требований, предъявляемых к сельскому механизатору.

Зато грамотный, высококвалифицированный механизатор — это настоящий «профессор» хлеборобского дела. Я нисколько не преувеличиваю, подчеркивая научность нашего ремесла. Герой Социалистического Труда Василий Макарович Чердинцев (он трудится в колхозе «Рассвет» Сакмарского района), будучи на комбайностроительном заводе, предложил такие конструктивные изменения отдельных узлов, что заслужил похвалу и одобрение конструкторов.

— Вот мы говорили о профессиональных высотах, сродни гагаринским, которых должен достичь каждый на своем рабочем месте. Но, видимо, есть какой-то предел, потолок технических

возможностей машин и физического потенциала механизатора. Как у вас, хлеборобов? Или как в песне у летчиков — «все выше, и выше, и выше»?

Ф. Н. Жеренов: Конечно, комбайн рассчитан на определенную производительность. Но в его технических возможностях заложен, как говорится, и «запас прочности». Что же касается физических и нравственных параметров комбайнера, то кто их измерял… Владимир Николаевич Кособуцкий считает, что и на комбайнах старой марки СК-4 можно намолачивать за сутки по 1200 центнеров. А раньше 800—900 центнеров считались пределом. В прошлую уборку в звене Алексея Семеновича Соколова из колхоза «Путь Ленина» Курманаевского района за 24 часа непрерывной работы было намолочено каждым «Колосом» почти по 1600 центнеров зерна. Этот результат уже можно отнести к рекордам всесоюзного значения.

— Сейчас все чаще слышишь такое понятие, как престижность профессии, от чего, как заявляют социологи, зависит и ее трудовой потенциал, приток молодых сил. Что в этом смысле происходит у вас, хлеборобов?

Ф. Н. Жеренов: По-моему, престижность нашей профессии высокая, как и популярность ее среди молодежи, тяга к ней. Да, впрочем, об этом лучше скажет мой молодой коллега по хлебному полю Ерсаин Испулаев.

Е. Испулаев: Я согласен с Федором Николаевичем. Профессия хлебороба стала популярной у молодежи села.

Что привлекает в ней? Да все. Общение с самой современной техникой, возможность проявить себя, особенно во время жатвы, уважение, каким пользуются люди этой профессии. Потому-то все чаще выпускники сельских школ остаются там, где трудятся их отцы и братья, приобретают специальности трактористов, комбайнеров.

В уборку 1979 года в нашем Акбулакском районе почти половина хлебов была скошена и подобрана молодыми. Молодеет наша профессия буквально с каждым годом.

Конечно, молодым никто не запрещает ехать в город. Нужны нам врачи, учителя, работники торговли. Но за последнее время в сельских семьях все больше дает о себе знать преемственность профессии. Если мать доярка, то дочь идет в операторы машинного доения, если отец тракторист, комбайнер, то сын становится механизатором.

В хозяйствах района насчитывается более пятидесяти хлеборобских династий; на прошлой уборке они составили 120 экипажей и звеньев.

На доске показателей совхоза «Советский» можно видеть две

одинаковые фамилии: А. Капацына и А. Капацын. Мать и сын… Анастасия Афанасьевна Капацына и трактор водит, и комбайн. Сын Александр — учитель. Но каждое лето и он помогает убирать хлеб.

— Анастасия Афанасьевна Капацына — не единственная в Акбулакском районе женщина-комбайнер?

Е. И с п у л а е в: Нет, конечно. В страду прошлого года на наших полях водили комбайны 42 женщины. И надо прямо сказать — трудились они ничуть не хуже мужчин.

В совхозе «Искра» чаще других поднимался флаг трудовой славы в честь агрегата Штарк. С газетчиками даже конфуз вышел. Приехал в хозяйство журналист и спрашивает, как ему разыскать лучшего комбайнера Василия Штарка. Секретарь парткома в недоумении: «Почему Василия?» Корреспондент показывает районную газету, а там в заметке о лучших механизаторах значится: В. Штарк.

Секретарь парткома загадочно улыбнулся и повез на загонку, где работал этот агрегат. Как удивлен был газетчик, когда с мостика, улыбаясь, сошла ясноглазая девчонка в цветастой косынке и представилась:

— Валентина Штарк!

Многие ребята не могли угнаться за Валентиной. На косовице она довела выработку до 55 гектаров за световой день, а по итогам уборки заняла первое место в районе среди женских агрегатов, скосив 600, при обязательстве 300 гектаров. Да еще успела намолотить почти 2000 центнеров зерна.

— Любая профессия должна доставлять человеку и моральное, и материальное удовлетворение; только тогда он будет трудиться и с мастерством, и с вдохновением.

Е. И с п у л а е в: Мне моя профессия дает большое моральное удовлетворение. Я очень доволен, что стал хлеборобом. Работа эта, можно сказать, — самая почетная у нас в стране.

Но правильно подметил один поэт: «растить ломоть бесхитростного хлеба — великое на свете ремесло». Я только начинаю овладевать этим ремеслом. Прошлым летом у меня состоялся, если можно так выразиться, старт в профессию. Но — внутренне проверил себя. Твердо решил: профессия хлеборобская — для меня на всю жизнь.

А что касается «благ» для остающихся в деревне, то они на уровне городских. У нас хороший Дом культуры. Есть где отдохнуть. Фильмы смотрим самые новые. К услугам книголюбов — хорошая совхозная библиотека.

По бесплатным путевкам, как победители соревнования,

ребята и девчата отправляются в путешествия по стране или за границу. Как говорили в старину, себя показать и людей посмотреть.

Каждый третий механизатор у нас имеет личный автомобиль. Среднемесячная зарплата механизаторов превышает двести рублей.

Учиться хочешь — поступай на заочное отделение в институт или техникум. В нашем колхозе половина молодых повышает свои знания.

Как первую и самую дорогую награду, храню я вымпел имени Юрия Гагарина. Эта награда символична. Она означает, что и на наших, земных орбитах мы должны трудиться так же, как космонавты на орбитах космических.

Мне кажется, что Юрий Гагарин был бы доволен оренбуржцами — высоко несут честь хлеборобскую.

Я шел с Федором Николаевичем Жереновым по только что убранному хлебному полю. Он внимательно смотрел на стерню — нет ли неподобранных колосьев. Лицо выражало явное удовлетворение: обмолочено чисто.

Вечерело. На августовском небе вспыхивали крупные осенние звезды. Вдруг какая-то одна срывалась и, прочертив тонкую золотую нить на чернеющем ситце неба, падала в хлеба, рассыпаясь и искрясь.

Звезды над хлебным полем…

Звезды на бункерах комбайнов…

Звезда Героя на лацкане праздничного пиджака потомственного крестьянина…

Человеку нужны звезды, чтоб звали к новым высотам на космических и земных орбитах.

Николай Попенко
МАРШ ЮНЫХ КОСМОНАВТОВ

Нас ждут, нас ждут небесные просторы
И тайны звездные вдали.
Мы очень скоро, очень скоро
Направим к солнцу корабли.

Припев:
Синяя пилотка, Красная звезда,
Нас мечта сдружила в школе навсегда.
С каждым днем все выше крыльев взмах,
Космонавты юные, шире шаг.

Мужал, мужал Гагарин в нашем крае —
Наставник юности и друг.
Гнездом орлиным называют
Крылатый город Оренбург.

Припев.

Окрепли мы под нашим красным стягом.
Когда Отчизна позовет,
Мы с комсомольскою отвагой
Пойдем в космический полет.

Припев.

На грозном, грозном Марсе и Венере
Нас ждут великие дела.
В мечту прекрасную мы верим,
Нам веру партия дала.

Припев:
Синяя пилотка, Красная звезда,
Нас мечта сдружила в школе навсегда.
С каждым днем все выше крыльев взмах,
Космонавты юные, шире шаг.

В. Кулагин
ПОСТРОЕНИЕ В 17-45…

После встреч со школьниками, с учащимися городских профтехучилищ Герой Советского Союза Василий Владимирович Климов обычно возвращался в приподнятом настроении, и даже изматывающие его приступы астмы, казалось, отступали, и ему дышалось свободнее и легче. Но сегодня, выйдя из детской комнаты милиции, куда по просьбе инспектора он пришел на встречу с «трудными» подростками, Климов сразу как-то потускнел. Пройдя сотни три метров, закашлялся, ухватившись правой рукой за первое попавшееся дерево. Увидев поблизости скамейку, беспомощно опустился на нее. Принял лекарство, но сразу встать не решился, да и не хотел. Перед глазами стояли бравирующие своей «независимостью», своими «подвигами» подростки. Инспектор просила его рассказать им о войне, о доблести и мужестве защищавших Отечество. Однако привычной встречи не получилось. Они изучающе смотрели на него, и на многих лицах он читал один и тот же вопрос: «И что же скажет этот человек при орденах?..»

Минуты две-три Климов молча смотрел на ребят. Потом встал, по многолетней привычке заложил руки за спину (так ему казалось легче дышать) и стал прохаживаться вдоль стола. Остановившись у окна, спросил:

— А мне говорили, вы смелые люди. Чего же молчим?

Ребята переглянулись, кто-то хихикнул, а самый плечистый, с черными усиками на смуглом лице, ответил:

— А чего, мы уже обо всем рассказывали… О нас инспектор все знает…

Климов вдруг ощутил яростное чувство атаки. «Ведь в каждом из вас не счесть талантов… Почему же притягательнее и ярче для вас блеск горлышка бутылки и огонек сигареты, чем огни театров, библиотек, спортивных залов?.. И понимаете ли вы, в какую пропасть бездуховности бросаете себя?»

И он заговорил о тех, кто воевал и не вернулся, о войне и подвигах, о своем поколении, на долю которого выпало столько испытаний. Не сразу удалось растопить лед недоверия, но постепенно почувствовал: слушают. Когда уходил, инспектору детской комнаты милиции сказал:

— Трудно с «трудными», но ведь они — наши. Мы еще встретимся!

Сидя на скамейке, Климов как бы суммировал все свои

впечатления и наблюдения, вновь и вновь возвращаясь к одной и той же мысли, которая не давала ему покоя в последнее время: нужно в городе создать такое подростковое объединение, которое бы и авторитетом своим, и укладом жизни притягивало к себе старшеклассников, чтобы за честь попасть сюда шла борьба во всех школах. Пусть оно созовет под свой флаг только сотню подростков, но они подчинят своим интересам многих и многих сверстников…

Человек военный, он видел это объединение военно-патриотическим, со своим уставом, четким внутренним распорядком, с широким, активным самоуправлением.

В этот день в обком комсомола он не попал. Зашел в политотдел Высшего военного училища летчиков. Изложил суть дела.

— Значит, предлагаете школу юных космонавтов… — Начальник политотдела встал из-за стола, прошелся по кабинету. — По-моему, это здорово придумано, Василий Владимирович… Первый космонавт — наш выпускник, значит школе юных космонавтов тоже быть у нас! — И, многозначительно улыбнувшись, добавил: — А ведь это, почитай, будет первая такая школа во всем мире.

Секретарю обкома комсомола Вячеславу Рябову Климов позвонил на квартиру поздним вечером. Человек активного действия, Рябов хотел было немедленно прийти к Климову и обсудить детали, но, глянув на часы, предложил встречу на завтра.

Обком комсомола не только одобрил идею создания школы юных космонавтов, но и горячо взялся за ее осуществление. Совместно с командованием летного училища были разработаны положение, устав и текст присяги курсантов школы, составлена программа двухгодичного обучения.

Из приказа по Оренбургскому военному училищу летчиков:

«С целью привития школьной молодежи любви к профессии военного летчика, повышения военно-технических знаний и физической подготовки, воспитания отваги и беспредельной преданности социалистической Родине, подготовки достойных кадров для поступления в наше училище приказываю:

1. Создать при Оренбургском высшем военно-

авиационном училище летчиков двухгодичную школу юных космонавтов на общественных началах.

2. Присвоить школе юных космонавтов имя первого в мире летчика-космонавта, воспитанника нашего училища Ю. А. Гагарина».

Решением бюро обкома комсомола и командования летного училища начальником школы был назначен Герой Советского Союза подполковник в отставке В. В. Климов, окончивший это же училище за два года до начала войны, его заместителем — участник двух войн полковник в отставке А. И. Серегин, начальником штаба — полковник в отставке И. П. Зубов, замполитом — полковник в отставке Н. С. Маруев.

Весть о создании в Оренбурге школы юных космонавтов быстро облетела город. Девятиклассники и родители буквально осаждали горком комсомола, где работала приемная комиссия. В. Климов, казалось, помолодел на десяток лет. С утра до вечера пропадал то в горкоме, то в летном училище, то в летнем лагере пригородного совхоза «Овощевод», куда на месяц отправился весь первый набор школы юных космонавтов.

Из 832 заявлений комиссия отобрала 84. Это были лучшие ученики девятых классов более чем из двух десятков школ города, с прекрасными характеристиками, комсомольцы, отменного здоровья. Так и замышлялось: стать юным гагаринцем мог только достойный.

Климов радовался, глядя на этих ребят, при всяком удобном случае заводил с ними непринужденные разговоры, мысленно прикидывал, на кого можно опереться в первую очередь, кому доверить «Боевой листок», кого ребята изберут комсоргом… Но всякий раз, возвращаясь поздним вечером из горкома домой, он видел перед собой тех, состоящих на учете в детской комнате милиции.

Вспоминал недавно вычитанное: взрывной возраст — говорят психологи, трудный возраст — вздыхают педагоги, опасный возраст — размышляют юристы, прекрасный возраст — скажет поэт. Со всеми он соглашался. И в то же время, как мало мы знаем о главном: о чем думает подросток на перекрестке между школой и домом? Чего не достает в нашей модели свободного времени подростка? Да ведь каждый подросток мечтает побыть на первых ролях: то ли вратарем, то ли моделистом, то ли танцором, то ли гитаристом… Подростки хотят комиссарить.

И в тоже время — юношеская растерянность перед сложностями жизни, душевная незащищенность, неопределенность возможностей… И так важно помочь подростку

отыскать ту площадку, тот «квадратный метр», по выражению А. С. Макаренко, на котором он сможет явить миру все свои способности, утвердить себя как личность. Этим «квадратным метром» может стать и пионерская комната, и фотокружок, и спортивная площадка, и отцовское поле, и пришкольный участок, и юношеская патриотическая школа…

Он приходил домой, погружался в чтение педагогической литературы, но быстро откладывал книгу в сторону, размышляя вспух:

— Надо действовать…

— Ты, наверное, помнишь, — обратился он к секретарю обкома комсомола, — говорил тебе о встрече в детской комнате милиции… Не выходят те хлопцы из головы… Хочу дополнить положение о нашей школе: брать на перевоспитание «трудных» ребят…

Рябов, опытный комсомольский работник, сам выросший далеко не в тепличных условиях, хорошо знакомый и с психологией, и с практическими делами «трудных», взвешивая идею Климова, ответил:

— Риск большой…

— А где его нет? Через два года курсанты с парашютом будут прыгать — не риск разве?.. Конечно, много брать нельзя, чтобы не нарушать равновесия между «добром» и «злом». Скажем, один к десяти…

Климов отобрал самых «трудных» — восемь человек. Его расчет был прост: для выпрямления подростка нужны твердая дисциплина и четкий порядок. С учетом всего этого и составлялся распорядок в летнем военизированном трудовом лагере школы юных космонавтов, который был разбит на живописном берегу Урала.

Из приказа начальника школы юных космонавтов им. Ю. А. Гагарина:

«1. В целях укрепления здоровья курсантов и привития им трудовых навыков, на основании решения областного комитета ВЛКСМ и по согласованию с родительским комитетом школа юных космонавтов проводит лагерные сборы с 30 июня по 30 июля на территории совхоза «Овощевод».

2. Штабу школы к 25 июня разработать и дать на утверждение необходимую документацию,

регламентирующую лагерную жизнь курсантов.

3. Моему заместителю по политико-воспитательной работе составить, согласовать с обкомом ВЛКСМ и политотделом высшего военного авиационного училища летчиков план политико-воспитательной работы и массовых мероприятий на весь лагерный период.

4. Настоящий приказ и утвержденную мною документацию изучить с личным составом школы в первый день приезда в лагерь».

Из «Правил внутреннего распорядка» военизированного комсомольского лагеря труда, учебы, отдыха:

«…Все построения в лагере производятся на линейке в порядке номеров отрядов, а в отряде — по отделениям.

…Отряды выстраиваются на утренний осмотр, на вечернюю поверку, для следования на работу, на занятия, на купание в реке и в столовую.

Каждый курсант обязан: выполнять все команды и указания дежурного по лагерю; в обращении друг с другом быть вежливыми; всегда быть подтянутым; добросовестно относиться к труду и учебе; соблюдать чистоту в лагере и в палатке.

Курсантам запрещается: отлучаться за черту лагеря без разрешения начальника лагеря или его заместителя; разговаривать или петь, играть на музыкальных инструментах, включать радио или телевизор после сигнала «отбой!» и во время послеобеденного отдыха; разжигать костры, наносить ущерб зеленым насаждениям; купание в реке Урал без дежурной команды пловцов и в неустановленных местах».

За неделю до прибытия в лагерь «основных сил» туда высадился подготовительный отряд, или, как впоследствии его стали называть, «передовая команда».

Решение взять в «передовую команду» сразу всех «трудных» пришло как-то неожиданно. Климов вынес эту идею на заседание штаба школы и родительского 217 комитета. Мнения разделились.

— Куда еще ни шло, одного «трудного» на десятерых крепких ребят, — рассуждали одни. — А тут двое против восьмерых, да еще довольно запущенных…

— Эта восьмерка вообще не приобретение, будем откровенны, зато начнем с доверия, за неделю они отойдут от привычного, займутся обустройством лагеря, привыкнут к иной атмосфере, — высказывали свои предположения другие.

— А я полагаю, нужно взять одних «трудных», — к всеобщему удивлению сказал В. Климов. Но именно это предложение и привело всех к согласию.

Когда отряд прибыл на место, Равиль Мазитов изрек:

— Мы что, вроде штрафной роты?..

— Ну и терминология у вас, Мазитов, — как можно сдержаннее ответил Климов. — Наш отряд — передовая команда. Будем разбивать лагерь.

— Годится…

— Отставить «годится»! — уже строже сказал Климов. — С этой минуты отвечать коротко: «Есть!» — И мягче: — По-моему, мы поладим: дел у нас много, без дружной работы не управиться…

Ребята сразу подтянулись. А Климов не давал им опомниться:

— Предлагаю в старшины Равиля Мазитова. Возражения есть? Нет. Поздравляю вас. — Климов пожал руку заводиле уличных мальчишек: — Стройте отделение, Мазитов, целую неделю вам быть старшим.

Новоиспеченный старшина смутился и, может быть, впервые честно признался:

— А как?..

На одно мгновение их глаза встретились — подростка и героя войны. Мазитов не увидел в глазах подполковника упрека или укора.

— Это делается так, — без суеты продолжал начальник зарождавшейся школы юных космонавтов. — Отряд, в одну шеренгу становись! Равняйсь! Смирно! Равнение на середину! Товарищ старшина, отряд в количестве восьми человек построен. Начальник школы юных космонавтов подполковник в отставке Климов!

А потом с подчеркнутой деловитостью сказал:

— Через полчаса придет начальник штаба с совхозным начальством, надо поставить хотя бы первую палатку — штабную.

Климов порадовался особой расторопности четверых — Равиля Мазитова, Саши Крякина, Володи Вольных и Володи Мещерова.

— Бывали в турпоходах? — поинтересовался начальник школы.

— В шестом классе в «Зарнице» участвовали, в городском финале…

Когда палатка была готова, взялись за установку флагштока.

— Ну, есть среди вас рыбаки? — спросил Климов. Ребята с интересом смотрели на подполковника. — А чего удивляться, мачту собрать, что многоколенную удочку. Главное — точно выверить… Крякин, вы с той стороны смотрите, а вы, Вольных, — с этой…

С мачтой возились около часа. Климов то поддерживал ее, то отходил в сторону, наблюдая, как ребята утрамбовывали нижнее колено. Работали увлеченно, на совесть. Климов подбадривал:

— На многие годы делаем, хлопцы, чтобы звенела как струна… А ну, покачайте… Сильнее, сильнее. Годится..

— Отставить «годится», товарищ подполковник!..

Климов смотрел на Мазитова, утиравшего на смуглом лице крупные капли пота и, увидев по-детски озорную улыбку, ответил в тон ему:

— Есть!

Все дружно рассмеялись. Климов отошел к дорожному чемоданчику, вынул флаг, приладил его к бечевке на мачте и торжественно сказал:

— Попробуем… Кто отличился на установке мачты?

— Крякин, — ответил Мазитов.

— Подходите, Саша, смелее…

К вечеру были установлены остальные девять палаток, спланирована и посыпана песком дорожка к кухне, названной потом курсантами кафе «Космос».

В восьмом часу подъехала совхозная машина с постельными принадлежностями, раскладушками и кое-каким инвентарем. Лагерь оживал. Перед ужином Климов разрешил ребятам искупаться в Урале. Отбой был дан точно по распорядку дня — в 23.00.

Начальнику штаба школы И. П. Зубову не терпелось расспросить Климова о всех событиях этого дня. Но Климов был сдержан:

— Честно скажу, Иван Прокофьевич, устал здорово, в основном от нервного напряжения. Но, уверен, поладим и с этими ребятами…

В шесть утра, за полчаса до подъема, Климов и Зубов вышли из штабной палатки и сразу встревожились: дневального не было на месте. Подняли ребят, построили — не оказалось в строю Саши Крякина. Он и Володя Вольных были вечером назначены дневальными, дежурили по два часа попеременно. Вольных сменился в пять утра. А в шесть Крякина уже не было в лагере.

Климов, в считанные секунды оценив обстановку, распорядился:

— Полчаса на зарядку, двадцать минут на заправку постелей и умывание, десять минут на построение и подъем флага, полчаса на завтрак. После завтрака продолжим оборудовать лагерь. Вопросы есть?

— Товарищ подполковник, разрешите, я съезжу в город, я знаю, где Крякин… — Чувствовалось, Мазитова исчезновение приятеля задело. Климов даже предполагал, что старшина о намечавшемся побеге мог знать еще с вечера. Ответил подчеркнуто сухо:

— Здесь комсомольский военизированный лагерь труда и отдыха. Держаться он будет на добровольных началах и на полном самоуправлении. На поиски беглецов у нас нет времени. И не будет… На зарядку становись!

Климов и Зубов выполняли упражнения утренней зарядки тщательно, с нескрываемым удовольствием, а в движениях ребят угадывалась нервозность. Климов же одновременно пытался ответить на целый комплекс неожиданных вопросов. Крякин вчера отличился на работе, ему доверили первый подъем флага, первое дежурство по лагерю… А он сбежал, отдежурив всю ночь. Что могло случиться? Конечно, после завтрака он пошлет начальника штаба в город выяснить все, найти беглеца и убедиться, что он жив и невредим. А в отряде пусть знают, что силой тут держать никого не будут.

После заправки коек и умывания к Климову подошел Мазитов и протянул клочок бумаги с тщательно написанными словами:

> «Товарищ подполковник, эта жизнь не по мне: строиться, подъем, отбой, без разрешения — ни шагу… Я человек вольный, и эта жизнь мне ни к чему. Не переживайте: я не утоп, не попал под машину, я в хорошем месте… Привет честной компании! Крякин».

…Пробежав текст, Климов вопросительно посмотрел на старшину.

— На постели нашел, — ответил Мазитов. Потупившись, добавил:

— Он еще в полночь разбудил меня и говорит: надо бежать. Я ответил: не дури. Больше он ничего не сказал и лег отдыхать, видно только что сменился на дежурстве…

— Почему не доложили в штаб?

— Мне показалось, что Сашка шутит…

— Вернется?..

— Вряд ли, он у Надьки сейчас… Она одна, мать в больнице, Сашка помогает ей по дому.

— Какая Надя?

— А помните, на встрече с вами «шпильки» бросала…

— Понятно… — Климов аккуратно свернул бумажку пополам и положил в записную книжку. — Идите завтракать, товарищ Мазитов.

К нему подошел Зубов. Увидев на лице начальника школы еле заметную улыбку, спросил:

— Что-нибудь прояснилось?

— Многое, очень многое, Иван Прокофьевич… Наши хлопцы, оказывается, настоящие рыцари… Качество для будущих космонавтов отнюдь не лишнее…

— Ты оптимист, Василий Владимирович.

— Становлюсь понемногу… Идем-ка к котлу?

Климов явно повеселел. По дороге к кухне о только что полученной информации рассказал начальнику штаба.

— Всего лишь сутки, а сколько открытий…

— Замечаю, Василий Владимирович, анализируешь много…

— Нам всем придется много, может, ежечасно анализировать… Мы слишком спешим рассматривать подростка в отрицательной установке, в комплексе социальной опасности, находя злой умысел во всех его поступках.. Они упруги, часто сопротивляются… Но кто-то из писателей говорил: опереться можно лишь на то, что оказывает сопротивление…

— А ты знаешь, что сказал мне сейчас Мазитов? Крякин у малышей отбирает деньги для того, чтобы купить на них гостинцы Наде…

Климов рассеянно зашарил по карманам, нашел носовой платок, как бы между прочим заметив:

— С утра припекает. Знать жарким будет денек…

…Крякин появился в лагере перед вечерней поверкой. Святая наивность: он встал в строй на отведенное ему вчера место как ни в чем не бывало. Святая мудрость: начальник школы юных космонавтов принял вечерний рапорт старшины отряда и пожелал всем спокойной ночи.

…Из отчета обкома ВЛКСМ и командования школы юных космонавтов Центральному Комитету ВЛКСМ:

«Со дня основания школа юных космонавтов им. Ю. А. Гагарина перевоспитала свыше 200 подростков, состоявших на учете в детских комнатах милиции или направленных органами народного образования.

Большинство из них успешно закончили школу юных космонавтов и стали офицерами Вооруженных Сил СССР».

…Из «Рекомендации Крякину Александру Петровичу, выпускнику школы юных космонавтов им. Ю. А. Гагарина при Оренбургском высшем авиационном Краснознаменном училище летчиков им. И. С. Полбина»:

«За время обучения в школе с 1963 по 1965 год показал себя способным курсантом, с помощью товарищей по учебе и преподавателей преодолевшим ряд нежелательных наклонностей. По всем авиационным и специальным дисциплинам имеет хорошие оценки. Дисциплинирован, в обращении с товарищами и старшими вежлив, исполнителен, общественно активен, выполнял различные комсомольские поручения бюро ВЛКСМ школы юных космонавтов.

За период обучения в ШЮК, кроме авиационных дисциплин, прошел месячную военизированную подготовку в летнем комсомольском лагере труда и отдыха, изучал Уставы детских Вооруженных Сил, прошел двадцатичасовую строевую подготовку, выполнил начальные упражнения по стрельбе из малокалиберной винтовки и пистолета.

Глубоко интересуется вопросами техники, авиации и космонавтики. Хороший спортсмен, имеет второй взрослый разряд по стрельбе из винтовки, первый юношеский разряд по борьбе самбо, совершил три прыжка с парашютом с самолета — ему присвоен третий спортивный разряд по парашютному спорту.

Имеет большое желание стать военным летчиком-истребителем. За хорошее отношение к труду и учебе неоднократно поощрялся командованием школы и гороно.

Обком ВЛКСМ и командование школы юных космонавтов рекомендуют тов. Крякина А. П. для поступления в Оренбургское высшее военное авиационное училище летчиков».

…Из письма капитана морской авиации Александра Крякина, полученного командованием школы юных

космонавтов в день ее десятилетия:

«Уважаемый Василий Владимирович! Пишу Вам редко, но в дни первого юбилея нашей ШЮК не мог не написать. Вот уже четыре года летаю я на современных самолетах. Служба трудная, но ведь и в нашей школе, а затем и в летном училище нас готовили не к прогулкам по гаревым дорожкам, а к «мужественной работе в небе», как часто говорили нам Вы. Сейчас, можно сказать, я хозяин неба. А подъем был крут и сложен. Нам так легко было оступиться, и сколько раз мы оступались, а Вы, А. И. Серегин, И. П. Зубов, офицеры-преподаватели подхватывали нас буквально на лету и спасали… Вы бывали с нами требовательны, суровы, даже беспощадны, но Вы всегда были правдивы. И мы знали: Климов поймет, выслушает, поможет, не унизит, если ты уже проштрафился, сплоховал, в критический момент выручит, найдет то дело, то слово, то внушение, которое заставит подобраться и зауважать самого себя. Вы как бы создавали всюду цепную реакцию добра… И так выковывали в нас жизненную устойчивость.

Однажды в нашем отряде возникла крупная ссора. Вы завели нас в аудиторию, взяли мел, написали на доске: «Воля + мужество + дисциплина + умение + дружба = победа», И молча вышли. Перемирие конфликтующих сторон было быстрым и длительным, без условий и контрибуций.

Еще помнится, перед ознакомительным полетом на Ан-2 Вы нам говорили: небо — это состояние одиночества и радости: там, внизу, ждут; состояние отрешенности и ощущение силы, власти над собой… А ведь скольким мальчишкам вы помогли поверить в свои силы!.. Как здорово, что есть в Оренбурге такая замечательная школа…

…Огромный привет вам от Нади. Она настоящая офицерская жена…»

…Из отчета обкома ВЛКСМ и командования школы ЦК ВЛКСМ от 20 июля 1977 года:

«За время своего существования школа юных космонавтов выпустила 715 курсантов, свыше 550 из них стали офицерами Вооруженных Сил СССР, 15 успешно

закончили военные Академии…»

…Каждый понедельник и каждый четверг в 17-45 они выстраиваются на плацу Высшего военного авиационного училища, рядом с самолетом, на котором летал первый космонавт планеты Земля Юрий Гагарин. После короткого рапорта отрядных старшин начальнику школы они получают разрешение приступить к занятиям. Строем пройдут мимо гагаринского «МиГа», по парадной лестнице поднимутся на второй этаж училища, разойдутся по аудиториям, разложат конспекты и на целый вечер забудут о своем возрасте, всецело погрузившись в удивительный мир авиации и космонавтики. Что ни занятие, то открытие. И уже в четверг курсанты с нетерпением ждут понедельника, а в понедельник — четверга: стремление заглянуть за горизонт неизведанного оказывается сильнее всех земных страстей и желаний.

Только четыре часа в неделю отпущено им на занятия в школе юных космонавтов, но даже на таком уровне занятости, оказывается, можно решать самые сложные задачи: воспитание подлинной гражданственности, коллективизма, отваги, выносливости; здесь вырабатываются, закрепляются и передаются от одного поколения курсантов к другому эталоны поведения, обращения друг с другом, со старшими. И уже в летнем комсомольском военизированном лагере труда и отдыха вчерашние восьмиклассники становятся тем коллективом, который подчиняется единой команде, единой воле командира, способным в считанные минуты и даже секунды выполнить приказ. Оставаясь теми же 16—17-летними подростками, они в этой школе получают как бы дополнительное ускорение в движении к нравственной возмужалости, человеческой надежности, жизненной стойкости и гражданской зрелости. Обретая социальную устойчивость, эти ребята расходуют свои духовные и физические силы на достижение реальной, сознательно выбранной цели.

Интерес к занятиям в ШЮК поддерживается всеми изучаемыми предметами, авторитетом лучших офицеров, преподавателей военного училища летчиков, многие из которых прошли дорогами войны или прославились в авиации в мирные дни, самим укладом жизни школы, ее традициями и верностью принятой присяге юного космонавта, заветам Ю. А. Гагарина, который дважды встречался с курсантами ШЮК, писал им письма, поздравлял с успехами в учении; и, наконец, формой одежды: курточка темно-синего цвета с пуговицами военного образца и голубыми погонами с авиационной эмблемой, черные

брюки и белая рубашка с черным галстуком, пилотка с голубым кантом и армейской кокардой.

Курсанты дорожат каждым занятием. Но есть в учебном периоде дни особенные: начало занятий, принятие присяги, прыжки с парашютом и выпуск. По установившейся традиции первый урок посвящается легендарному космонавту, Герою Советского Союза Юрию Гагарину, чье имя носит эта школа; второй урок — прославленному летчику-истребителю. Герою Советского Союза, первому начальнику школы юных космонавтов Василию Владимировичу Климову, сражавшемуся в годы войны в одном небе с трижды Героем Советского Союза И. Н. Кожедубом и сбившему 27 фашистских самолетов.

Ни одно радостное событие первых лет школы юных космонавтов не прошло мимо Ю. А. Гагарина. В музее боевой славы летного училища, где создан уголок ШЮК, хранятся, ставшие уже уникальными, документы, рассказывающие о большой дружбе первого советского космонавта и курсантов первой в стране школы юных космонавтов.

23 февраля 1964 года. Школе юных космонавтов вручено Красное знамя. В тот же день под этим знаменем курсанты первого набора приняли присягу юного космонавта. О примечательном событии ребята написали Ю. А. Гагарину, звали его в гости. Космонавт не замедлил с ответом:

> «Дорогие друзья! С большим интересом прочитал Ваше письмо. Оренбург мне очень дорог: там я впервые почувствовал романтику «голубого океана». Желаю Вам, юные друзья, хорошо учиться, а в дальнейшем — больших космических трасс. Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Юрий Гагарин».

А через год, в мае 1965 года Юрий Гагарин ходил с организаторами и курсантами школы по военному городку, вел с ними задушевные беседы о смысле жизни, о полете в космос, о любви к Родине. Ему торжественно вручили форму курсанта ШЮК и фотографию первого выпуска.

…Из воспоминаний курсанта второго выпуска ШЮК, командира самолета-ракетоносца Валерия Ефременко:

> «В нашем музее училища летчиков хранится снимок: Юрий Алексеевич Гагарин с юными космонавтами. Это была первая наша встреча с Гагариным. Мы шли по

территории училища, и у самолета, на котором Гагарин первый раз поднялся в небо, нас остановил фотограф. Гагарин с радостью согласился сфотографироваться. Совершенно случайно я оказался возле первого космонавта, на снимке — слева… А потом еще раз посчастливилось мне встретиться с Гагариным, когда я уже был курсантом нашего авиационного училища…»

Почетный комсомолец города Оренбурга Юрий Гагарин на учете состоял в первичной комсомольской организации школы юных космонавтов. У курсантов ШЮК, вступивших в комсомол в год 50-летия ВЛКСМ, в 1968 году, хранится вкладыш в билет со словами напутствия Ю. А. Гагарина.

В этот же день, в канун Дня космонавтики, решением бюро обкома ВЛКСМ были учреждены премии имени Гагарина лучшим курсантам Высшего военного училища летчиков. Среди восемнадцати курсантов, удостоенных этой почетной премии, двое — воспитанники школы юных космонавтов, ныне офицеры Советской Армии Виктор Шопин и Борис Рубин.

Каждый год наполовину обновляется состав курсантов: выпускаются второгодки, на смену им приходят новички. По разным причинам меняется и руководство школы. И только один человек в форме подполковника авиации с Золотой Звездой Героя на выцветшем кителе неизменно в течение пятнадцати лет каждый понедельник и каждый четверг ровно в 17-45 появлялся перед строем курсантов, принимал рапорт отрядных старшин и давал разрешение приступить к занятиям.

Но на первом построении в начале шестнадцатого учебного года В. В. Климова не было… Построение проводил замполит школы Яков Михайлович Катеев. После принятия рапорта Катеев обратился к курсантам, впервые за пятнадцать лет нарушив привычную строгость первого построения в новом учебном году:

— Дорогие ребята! Основатель нашей школы Василий Владимирович Климов любил повторять горьковские слова: «Пусть люди станут звездами друг для друга…» Он до последнего вздоха освещал юным путь в небо, к звездам… Будьте всегда такими — смелыми, мужественными, справедливыми и скромными, как Герой Советского Союза Василий Владимирович Климов.

И замполит, седовласый подполковник в отставке, в прошлом — лихой кавалерист, а потом отважный летчик, участник двух войн, повлажневшими глазами оглядел замерший строй… Он смотрел на подтянутых, молодцеватых курсантов и испытывал такое же чувство, которое овладевало им всегда перед

дальним походом.

…Последняя встреча с В. В. Климовым состоялась у меня незадолго до его смерти. Он положил передо мной толстую папку. Это были письма бывших курсантов ШЮК, их родителей, присланные только в 1973 году, к десятилетнему юбилею школы. Десятки писем… Письма-исповеди, письма сыновней благодарности. Их нельзя читать без волнения.

Из письма студента пятого курса Московского энергетического института Владимира Давыдова:

«За годы учебы в ШЮК, 1967—1969, сдружились три курсанта — Вячеслав Хомич, Вячеслав Пчелинцев и я, Владимир Давыдов. И эта дружба с годами не ослабевает. Случилось так, что ни один из нас не поступил в военное училище, но каждый выбрал себе профессию по душе. Хомич учится в Высшем техническом училище им. Баумана, Пчелинцев — в Московском институте химического машиностроения. Мы часто встречаемся и с великой признательностью вспоминаем нашу ШЮК… Самое главное — как ты служишь Родине. Школа юных космонавтов научила нас на любом посту служить Родине честно».

Из письма пом. начальника политотдела Академии им. Ф. Э. Дзержинского по комсомольской работе капитана Тараканова:

«Курсанты Долгушин Александр, Коробков Владимир и Анисимов Слава, учась в Академии, оправдали звание юного гагаринца. По основным предметам имеют хорошие и отличные оценки. Долгушин Александр — член комсомольского бюро отделения, редактор боевого листка. Выпускников школы юных космонавтов отличает высокая строевая выучка и воинская дисциплина…»

Из письма отца, Иванова Григория Петровича:

«Два моих сына, Гриша и Александр, окончили

школу юных космонавтов. Оба стали офицерами Советской Армии. Как отец, я горжусь сыновьями и от всего сердца благодарю командование школы юных космонавтов за добрую науку и выучку моих сыновей…»

Я читал эти письма, а Климов сидел рядом, не проронив ни слова, возможно, в течение целого часа. На прощание сказал:

— Главное, чему нам надо научиться, — умению взять сердце подростка в свои руки и согреть его… А для этого и самим запасаться теплом и светом.

Л. Шерстенников
КОСМОНАВТЫ ИЗ ДЕСЯТОГО «А»

— Зону занял, — доложил 625-й.

— Продолжайте полет согласно заданию. — Николай Сергеевич Блюдов слегка отклонился в кресле летчика-инструктора. Все было в норме: высота, скорость, температура двигателей… В норме? Показания термометра правого двигателя начали резко возрастать. Стрелка ринулась за пределы допустимого…

— 625-й! Отказ правого двигателя…

Казалось, изменилась не только сила звука, но и тон. Горизонт дрогнул и заколебался, как вода в аквариуме, который тронули с места. Курсант попытался выровнять машину, «севшую» на единственный двигатель. Но вот и второй двигатель словно захлебнулся.

— 625-й, отказ левого двигателя. Предпримите попытку к запуску.

Голубая чаша земли, притягивая к себе машину, стала расти, приближаться.

— 625-й, принимайте решение…

Еще не во всех классах и аудиториях Оренбургского высшего военного авиационного Краснознаменного училища летчиков имени И. С. Полбина (ОВВАКУЛ) закончились занятия, а мимо дневального по одному и группами проходят, поднимаясь на второй этаж, ребята лет шестнадцати-семнадцати. Начинается построение, и четкий мальчишеский голос дежурного докладывает:

— Товарищ подполковник! Курсанты школы юных космонавтов имени Юрия Алексеевича Гагарина для проведения занятий построены.

Сколько уже мальчишек сменили друг друга в этом строю! За пятнадцать лет существования в ОВВАКУЛ этой необычной школы, созданной в 1963 году, их прошли сотни. Не раз в этот строй вслед за старшими вставали младшие братья, а те, старшие, уже бороздили небо не только над родным Оренбургом, но и на Крайнем Севере и Востоке… Пожалуй, нигде так четко не прослеживается связь поколений, как в авиации. Я говорю не только о семейном наследовании профессии. Разговаривая с курсантами, я без труда обнаруживал, что их отцы либо братья или деды так или иначе были связаны с авиацией, а многие из них и со стенами этого училища. Но здесь связь глубже. Это та

эстафета подвига, имя которой — история Оренбургского летного…

Свою историю Оренбургское училище ведет от сформированной в 1921 году Московской школы воздушного боя и бомбометания. Вначале школа размещалась на окраине тогдашней Москвы, возле Института инженеров Красного воздушного флота имени Н. Е. Жуковского. Надо ли говорить, каким парком машин могла обладать школа, созданная в те тяжелейшие годы. В конце 1922 года школа, переведенная к тому времени уже в Серпухов, получила дивизион тяжелых воздушных кораблей «Илья Муромец», из которых лишь один был пригоден для полетов. Много сил и старания нужно было прилагать командирам школы и курсантам, порою полуграмотным крестьянским парням, только что вернувшимся с гражданской войны, чтобы не только учиться и учить, но и буквально по крохам, по винтику собирать необходимую для этого технику… Именно в 1923—1924 годах в Серпуховской высшей школе воздушного боя осваивал курс один из самых замечательных советских летчиков — Валерий Павлович Чкалов. А его преподавателем был Михаил Михайлович Громов, впоследствии Герой Советского Союза, Золотая Звезда которого имеет восьмой порядковый номер.

Училище еще в предвоенные годы было переведено в Оренбург, и свыше 260 его питомцев удостоены звания Героя Советского Союза, двести двадцать из них — за подвиги в период Великой Отечественной войны. Многие выпускники училища были удостоены этого звания дважды, двенадцать бывших курсантов повторили беспримерный подвиг Николая Гастелло.

Выпускник училища летчик-испытатель Григорий Бахчиванджи в предвоенные годы испытал десятки самолетов различных конструкций. За его плечами было 65 боевых вылетов, 26 воздушных боев, 10 сбитых самолетов, когда его отозвали с фронта для проведения новых испытаний. 15 мая 1942 года Бахчиванджи поднял в воздух первый реактивный самолет!

…Построение курсантов школы юных космонавтов закончилось, группы стали расходиться по классам. И я примкнул к тому отряду, который направлялся в музей боевой славы училища на встречу с бывшим выпускником, а ныне преподавателем училища, однокурсником Юрия Алексеевича Гагарина А. А. Быковым. В зале, украшенном большим портретом первого в мире космонавта, фотографиями с его автографами, космическим скафандром, рассказ сокурсника космонавта обретал особые краски.

— С Юрием Алексеевичем мы были в разных эскадрильях, но я хорошо запомнил его по встречам на спортивных площадках.

Юрий был не только отличным баскетболистом, но и капитаном команды. У него была удивительная реакция, хорошая подвижность, точный глазомер. А это все необходимо для летной профессии. Летчик должен быть хорошим спортсменом, но не все виды спорта подходят для будущего пилота. Например, бокс. Он тоже развивает реакцию, но реакция боксера совсем не та, она слишком резка: ответное усилие спортсмена превышает необходимое, а в авиации это недопустимо. Тяжелая атлетика перегружает сосуды и сердце. А вот гимнастика очень полезна. У летчика, занимающегося гимнастикой, организм меньше склонен к иллюзиям в полете, голова приучается работать в любом положении тела, тренируется вестибулярный аппарат. Юрий Алексеевич любил гимнастику и был неплохим гимнастом. Все это сыграло свою роль в превращении его в первоклассного пилота.

Космонавт, летчик, курсант… Эта цепочка, прочитанная в обратном следовании времени, кажется невероятно короткой и до осязаемости реальной. Вот здесь, этими коридорами, он ходил. Возможно, на том же хитроумном устройстве — лопинге — крутил «солнышко», летал на самолете, который сейчас стоит на пьедестале у входа в здание… Все рядом, все просто… и в то же время совсем не просто и вовсе не легко. Сегодня мы уже привыкли к сочетанию слов «летчик-космонавт». Профессия как профессия. Наверное, похожа на сотни земных. Есть в ней и много такого, на что со временем перестаешь обращать внимание. Например, неукоснительные требования к здоровью космонавта. В одном из кабинетов училища есть нехитрая установка — барокамера. Заходят курсанты, и начинается «полет». Сначала барокамера медленно «набирает высоту» — в камере уменьшают давление, как при подъеме самолета. Затем начинается «спуск» с определенной скоростью, с углом наклона пикирующего самолета. Вынести такое «пике» может только здоровый и достаточно тренированный человек. Таких испытаний физических качеств, воли, сообразительности, быстроты мышления — длинный перечень. Широкий диапазон знаний, безукоризненное владение техникой, умение наперед просчитывать ситуацию, возможные варианты — это еще одна сторона требований, и, видимо, далеко не последняя.

Разумеется, этим мальчишкам из девятых и десятых классов оренбургских школ еще далеко до космических трасс, но первый шаг к ним они сделают здесь, в этих классах. Вот лишь несколько дисциплин, с которыми их знакомят в течение двух лет подготовки: теория полета летательных аппаратов, самолетовождение, авиационная техника, радиотелеграфная

азбука, авиационная метеорология, авиационная космическая медицина… Здесь же они знакомятся и с общеармейскими дисциплинами — строевой и стрелковой подготовкой, уставами Советской Армии. В конце второго года обучения курсанты совершают три прыжка с парашютом. Я спросил у начальника школы подполковника запаса Николая Ивановича Козубенко, какова реакция новичка на первый прыжок.

«А можно еще?» — обычные слова только что прошедшего парашютное крещение курсанта.

Козубенко и Ягафар Мингалеевич Катеев, также подполковник в отставке, заместитель начальника школы по политической части (кстати, тоже выпускник Оренбургского летного, закончивший его в 1932 году) рассказали не только об учебном процессе, но и о том воспитательном значении, которое оказывает ШЮК — школа юных космонавтов — на подростка. Собранность, серьезное отношение к учебе, к порученному делу, ответственность — эти качества делают выпускников ШЮК желанными абитуриентами и в родном училище, и в других училищах, готовящих офицеров, и школах пилотов для гражданской авиации. Летом шюковцы выезжают в комсомольский лагерь труда, который находится при совхозе «Овощевод» недалеко от Оренбурга. В прошлое лето за смену курсанты заработали свыше трех тысяч рублей, часть из которых пошла на собственные харчи, а остальная легла в копилку оренбургского комсомола. Но помощь совхозу — это скорее не цель, а средство для того же воспитания, для вырабатывания чувства коллективизма, чувства товарищества. В одной из аудиторий училища я встретил курсанта уже не школы космонавтов, а Оренбургского летного. Саша (не будем называть его фамилию) прошлым выпуском окончил ШЮК. Не просто складывалась его судьба: разошедшиеся родители порвали не только друг с другом, но и оба отказались от сына. Саша переехал к тете, но настоящим домом стала для него ШЮК, семьей — товарищи. Сашу приняли в училище. Надо ли говорить о тех трудностях, которые могли ждать подростка, попади он в иные условия, потеряй хоть на время верную ориентацию…

В классах полным ходом шли занятия. Кажущаяся огромной под сводами учебной аудитории машина окружена курсантами. Часть обшивки машины заменена прозрачным оргстеклом, и теперь самолет немного напоминает человека в разрезе из школьного кабинета биологии. По такой машине нетрудно проследить устройства всех сложных систем современного самолета. В другом зале — установка, окруженная рядом сверкающих ламп. На гибкой резиновой ленте — белые

квадратики взлетной полосы, домики, деревья, аэродромные сооружения. Лента начинает движение, и глаз телекамеры, установленной над ней, медленно поднимается. С несколькими курсантами мы заглянули в соседний темный класс, куда на экран передавалось телевизионное изображение взлетной полосы. Перед экраном находилась кабина самолета со всеми приборами и плотно закрывающимся фонарем. За кабиной был помост, на котором дублировались те же приборы, что были и перед курсантом.

— 625-й — взлет!

Включилась звуковая установка, имитирующая звук двигателей, навстречу кабине побежало изображение взлетной полосы. И вот мы уже «оторвались» от земли, совершили положенные маневры, когда у нас «отказал» сначала один двигатель, а потом и второй.

Я находился возле кресла Николая Сергеевича Блюдова.

— Какое же принимать решение пилоту, если оба двигателя вышли из строя? Прыгать?

— Не обязательно. При умелом маневрировании даже машину с отказавшими двигателями можно посадить. У нее есть запас высоты и запас скорости. Сумеет летчик дотянуть до аэродрома или нет? Может быть, найдет иную подходящую площадку…

Подполковник Блюдов, напоминающий внешне не летчика, а добродушного механика, каким его изображают в фильмах об авиаторах, — первоклассный пилот, и сам он не раз бывал в исключительных ситуациях. Однажды при посадке реактивного самолета заклинило стойку шасси. И все же летчик попросил разрешения произвести посадку на одно колесо. Это был риск. Но летчик спас машину…

На тренажере нет опасности разбиться или разбить машину, но в остальном все так же, как и в настоящем полете. Все приборы управления через сложное счетно-решающее устройство заблокированы так, что любое действие пилота тотчас находит отражение в «поведении» машины. Падает высота — меняется картинка на экране, сбавляешь газ — имитатор звука меняет громкость и тон. Пилот рулит по дорожке — это он рулит телекамерой, и при неловком управлении может «съехать» с полосы. На тренажере можно отработать действия летчика в особых случаях полета: остановка двигателей, отказ рулевого управления и т. д. — всего 32 положения, и большинство из них такие, которые отрабатывать в воздухе было бы слишком опасно. Так шаг за шагом курсанты учатся преодолевать сопротивление машины, преодолевать самого себя…

…Как и во многих наших городах, в Оренбурге пылает Вечный огонь. В торжественные дни сюда приходят сегодняшние мальчишки в строгих темно-синих курточках и пилотках. Замирает строй. Торжественно звучит оркестр. Глядят на огонь мальчишки, глядят их родители, их деды-ветераны. И видится ребятам в отблесках пламени мемориала отблеск славы многих поколений героев-летчиков, выпускников Оренбургского летного, наследовать и множить которую завтра предстоит им.

Ю. Сердюков
ЛЮБОВЬ ВСЕНАРОДНАЯ

ВЫСОТА

…Орско-Халиловский металлургический комбинат напоминал тогда гигантскую стройплощадку. Рядом с трубами домен и мартенов тянули ввысь свои железные «руки» башенные краны. Куда ни посмотришь — кружева металлоконструкций.

Как обычно я заглянул в комсомольский штаб строительства. А возглавлял его тогда Владимир Максименко, умелый комсомольский, а потом и партийный работник.

— Опять сенсацию подавай? — встретил он меня, с улыбкой пожимая руку.

— Неплохо бы.

— Ну тогда «ноги в руки» и к начальнику участка «Стальмонтаж» Василию Ивановичу Крюкову. Там вчера гагаринцы отличились.

И удивительную историю я узнал.

…Был завершающий день месяца. У стальмонтажников горел план. Именно этот последний день и должен был поставить в нем последнюю точку. А тут как назло поземкой дохнуло. Белый дымок снега, поднятый ветром, опутал конструкции. Даже стрела крана тревожно заходила, помахивая железным тросом с крючком на конце.

— Шабаш, ребята, — бросил кто-то.

Реплика повисла в воздухе. Все молча сидели на скамейках, облаченные в жесткие брезентовые робы, перехваченные монтажными поясами. Конечно, их никто не мог послать сейчас на высоту. По инструкции в ветер, а тут еще поземка начинается, монтаж вести запрещалось.

По инструкции…

Это значит сорвется план, это значит не вовремя придут смежники, нарушится общий ритм стройки.

И тогда, как рассказывал Василий Иванович Крюков, все в унисон подумали: а как бы поступил он? Он — Юрий Гагарин, которого они в день его героического полета единодушно зачислили в монтажники. И работали, выполняя ежедневно на норму больше. Это была его, гагаринская норма. И даже монтажный пояс в бытовке висел лишний — его, гагаринский.

Их никто тогда не заставлял, они сами пошли на высоту. И взяли с собой тот пояс космонавта.

Даже крановщица поначалу опешила: вы что, очумели, ветер, поземка, поразбиваться захотели?

…Они работали всю смену и в снег, и в ветер. Крепили по соседству с небом конструкции, повиснув на поясах как птицы.

Был тот самый последний день, которого так всегда не хватало строителям до выполнения плана.

Усталые, вспотевшие, аж пар шел из-под шапок, ввалились в бытовку. Громких слов не говорили. Подумаешь — выполнили план. И казалось, космонавт тоже был с ними на высоте и только на минуту вышел из бытовки, повесив свой монтажный пояс.

УЛИЦА

Каждый, кто побывает в колхозе имени Жданова Александровского района, центральной усадьбе дивится. Хоть в кино снимай, настоящий агрогородок в степи. Протянулись несколько широких улиц, каждая в добрых пять километров длиной. Глядят светлыми глазами окон дома друг на друга. И все, как на подбор: из силикатного кирпича, под шиферными крышами с остриями телевизионной антенны, с застекленными верандами. В каждом дворе — гараж, ибо каждая вторая семья личную машину имеет. Председатель улыбается: в пору в колхозный штат инспектора ГАИ включать. Движение как в городе, особенно по воскресным дням, когда все 200 личных машин — «Москвичи», «Жигули», «Запорожцы», «Нивы» — заполняют колхозные улицы, везя хозяев по грибы, на рыбалку, в райцентр за покупками.

А центральная усадьба продолжает расширяться, потому что год от года растут доходы в кассе колхозной. Только одно полеводство дает без малого по полтора миллиона прибыли.

В прошлом году на пустыре, примыкающем к поселку, геодезисты появились. Ориентиры будущей улицы определили. А потом машины стали кирпич подвозить, раствор, тес. Поднялись стены первого дома, а затем под стук топоров и молотков водрузили на них треугольную крышу. Заиграло солнце в только что вставленных стеклах окон.

Первое новоселье на новой улице стало общим праздником. Хозяев поздравили, пожелали им радостно и в достатке жить на новом месте. А затем председатель колхоза Алексей Федорович Жилин слово взял.

— Как положено, название новой улице дать надо. Да чтоб современное, красивое. Как сами колхозники порешат, так и будет.

Понеслось с разных сторон:

— Новая!

— Молодежная!

— Колхозная!

Кто-то даже крикнул:

— Зажиточная!

Дескать, в самый раз название — живем вон как зажиточно.

А потом попросил тишины всеми уважаемый механизатор.

— Всегда ли наш колхоз был таким, как сейчас, богатым и зажиточным? Нет, конечно. Это буквально за последние две пятилетки произошел такой взлет наших дел и успехов. Поистине с космическими скоростями перестроили мы хозяйство. Вот и нынешнюю пятилетку по хлебу раньше всех в области за три года выполнили.

А раз трудимся мы, как говорится, с космическими ускорениями, то и давайте назовем улицу именем Юрия Гагарина!

Зааплодировали все дружно. По душе пришлось колхозникам название.

Побывал я недавно на этой сельской улице. Год прошел с момента ее «старта», появления первого дома, а сейчас их уже стоит больше тридцати. И один другого краше. На окнах резные наличники, причем, как я заметил, все больше «космических» — в деревянных узорах — звезд. А в горницы зайдешь — в красных углах портреты Гагарина. Улыбается космонавт своей очаровательной улыбкой. Очень он доволен тем, как богато и радостно живут колхозники, давшие его имя самой лучшей улице.

КАРАВАЙ

Такой заказ раз в жизни выполнять случается. Потому очень волновалась Александра Тимофеевна Долгих, когда рассказывала:

— Сейчас уж этого хлебного цеха в Оренбурге нет. А тогда стоял он на Маломатросском переулке. Маленький, всего 24 человека работало. А выпекали мы караваи — в пол-обхвата. Огромные, а уж вкусные, потому что пекли по-крестьянски с ручным замесом, да на хлебных дрожжах.

В тот день из управления позвонили. Принимайте-де, спецзаказ. Срочно нужно отменный каравай выпечь.

Для кого же, спрашиваю, такой хлеб спонадобился? В ответ услышала: пока секрет!

Что же, секрет так секрет. Но раз надо постараться, значит постараемся. Собрали девчат. Так и так, говорю, приложите все свое мастерство и умение, но каравай должен быть, как в сказке.

Хлебопеки — народ понятливый, раз сказали, надо

отличиться, то рук не пожалеют. Уж с каким вдохновением работали тогда девчата. Муку отобрали самую лучшую, чтоб воздушное тесто дала, дрожжи развели такие, что хмелевой аромат весь цех заполнил, месили с особым старанием и нежностью. В форму этот каравай отдельно от других положили. От печи все время не отходили, как бы не подгорел.

А когда вытащили с пылу, с жару, то у девчат радостно глаза заблестели, каравай на славу удался. Такой он был весь нежный да пышный, покрытый легким золотым оттенком. Упаковали — отослали.

А на другой день ко мне одна из работниц подбегает. Обнимает за плечи, вся взволнованная такая, радостная.

— Вы знаете, кому наш каравай вручили?

— Нет! — отвечаю.

— Юрию Гагарину!

И нашу областную газету показывает. А там написано, что первому космонавту, приехавшему к землякам, преподнесли знаменитый оренбургский каравай.

Так вот, думаю, какой мы спецзаказ выполняли.

А сама спрашиваю:

— Интересно, понравился наш хлеб Юрию Гагарину?

Кто впереди стоял, будто услышал: «На таком хлебе только космонавтов растить!»

И поныне в Оренбурге выпекают «гагаринские» караваи. Душистые, словно настоенные на солнце и степном ветре. И огромные, в пол-обхвата, так и напоминающие «крутые подобья планет».

КРЫЛЬЯ

Разные памятники бывают…

Перед тем, как на постамент стать, этот в воздухе летал. Поднимался острокрылой чайкой выше облаков. Нырял, кувыркался в синем небе, опережая звук.

А вел «реактивную птицу» молодой курсант. И улыбался. Потом эту улыбку узнает весь мир с экранов телевизоров, со страниц газет и журналов. А пока ее видел только инструктор.

Внизу была степь, огромная, как зеленый океан. А дальше — спичечные коробки множества домов, паутина улиц. Оренбург. И очень хотелось курсанту увидеть на одной из улиц хрупкую девушку, которая тоже каждый раз смотрит в небо, когда слышит звенящий гул пролетающего самолета.

Он был рожден летать.

Потом на одной из встреч с земляками он скажет:

— Оренбург дал мне крылья!

Его подняли мужество и народ.

Он видел землю и звезды из космического иллюминатора.

Его именем называют детей.

А во дворе Оренбургского авиационного училища, где он учился, на бетонном постаменте, напоминающем кусок взлетной полосы, стоит серебристый реактивный самолет. На нем летал он — Юрий Гагарин.

К этому памятнику часто приходят делегации.

Помню, около самолета стояли мальчишки в форме юных космонавтов. И столько было одухотворенности на их лицах. Они нежно трогали рукой самолетные плоскости, и для них это были крылья, поднявшие Гагарина к звездной славе.

Вдруг, помню, в тишине прозвучал чей-то мальчишеский голос:

— Юра, а ты знаешь, завтра прыжки с парашюта.

Все обернулись.

Тот, кого назвали Юрой, стоял розовощекий и веснушчатый, с планшеткой через плечо. Он был явно смущен, одолевая первые «перегрузки» внимания. Тезка первого космонавта, наследник гагаринских крыльев.

Александр Возняк
ВСЕГДА ЖИВОЙ

Весна шумела на бульварах,
Деревья набирались сил…
Мой город — молодой и старый,
Ты помнишь, как курсант Гагарин
По нашим улицам ходил.
Он раньше на Урале не был,
Но земляком и другом стал.
Степное выцветшее небо…
С него он космос начинал.
Не просто молодости взлеты,
Нет, жажда до конца понять
Земные точные расчеты,
А может быть, иное что-то,
Чтоб равным —
с равными летать.
…Всему своя пора и время.
И увольнительной
свой срок.
И он, как водится, со всеми
Шел в тихий энский городок.
А утро начиналось с грома,
Крутое, словно виражи,
Как из гнезда, с аэродрома
Взлетали грозные стрижи
И, серебристый след оставив,
Вдали пластали облака,
А на земле в лесной оправе —
Урал, как лезвие клинка!

…Опять весна шумит капелью,
Высок небесный окоем.
Врезаясь в синь,
к высокой цели
Летят друзья… Рокочет гром.
Он правнукам и нам оставил
Все, что любил и что обрел,
России звездный новосел.
Не бронзовым,
живым по праву —

В бессмертие свое вошел!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Зажги свою звезду!

Такой у этой книги девиз.

Ты хочешь быть настоящим человеком — возьми себе в пример Юрия Гагарина, стань, кем бы ты ни был, гагаринцем — мечтай и дерзай, трудись и побеждай.

Не всем летать в космических пространствах, бороздить просторы Вселенной, прокладывать путь к неизведанным планетам Мироздания.

Но гагаринцем можно стать на хлебном поле, на заводе, руднике, стройке, в общем, как поется в песне, «на земле, в небесах и на море».

Тысячи хлеборобов завоевали «Звездный вымпел имени Юрия Гагарина» — миллионы стремятся к этому, как к цели заветной и вполне реальной.

Металлурги и машиностроители, нефтяники и химики, энергетики и строители — перед всеми и каждым свои высоты, которых надо достичь, вершины, покоряющиеся лишь смелым, пытливым, упорным.

Ни одной тайны не отдает без боя за ее разгадку природа, ни одно открытие не приходит само по себе, без поиска и, порою, риска.

Тем радостнее победа.

Тем величественнее подвиг — в небе, у печи или на комбайне.

Вы прочли о том, как шел к своей цели Юрий Гагарин.

Прочли и о прямом его наследнике в космосе, земляке нашем Оренбуржье Романенко.

А сколько их, наследников-продолжателей, ходит сегодня в Оренбургскую школу юных космонавтов, в кружки и секции военно-патриотического воспитания по всей необъятной России?

Им, юным, помогает пример, помогает опыт дедов, отцов, братьев. Не занимать-стать нам опыта, не занимать-стать примера — героического и на героизм вдохновляющего.

Только каждый понять должен: для подвига место есть и всегда, и везде, даже в самом «негероическом» деле.

На стене одного из оренбургских домов краской выведено:

«Ура, Гагарин!»

Это приветствие появилось тут в апрельский полдень 1961 года. Дом с тех пор не раз белили-красили, а буквы на стене так и остаются — они неистребимы.

Я знаю, кто их выводил. Мальчишки-близнецы учились тогда

в первом классе. Сегодня они и инженеры, и отцы. Гагарин зажег их мечту — мечте своей мои приятели верны, хоть в небо поднимаются лишь пассажирами.

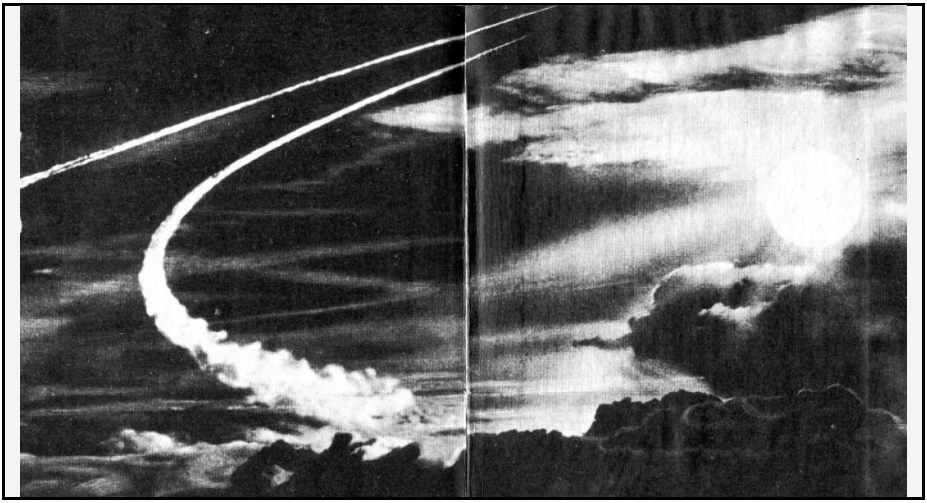
Гагаринец — это не только космонавт и летчик.

Гагаринец — во всем первый, впередсмотрящий.

* * *

Книга прочитана. Задумайся над нею, юный товарищ!
Над жизнью, судьбой своей задумайся.
Звезды зажигают сызмала.
Так зажги же свою звезду!

Леонид Большаков



65 к.

Челябинск
Южно-Уральское
книжное
издательство
1980